

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

**Материалы Международной научно-практической
конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора
юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ
Владимира Ильича Нижечека**

Иркутск

23 сентября 2021 года

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения доктора юридических наук,
профессора, заслуженного юриста РФ
Владимира Ильича Нижечека

Иркутск

23 сентября 2021 года

Текстовое электронное издание

Иркутск
Издательский дом БГУ
2021

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2021
ISBN 978-5-7253-3071-7

УДК 340:316.3
ББК 60.561.4

Издается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия:

проф. В. В. Игнатенко, доц. Э. И. Девицкий, доц. С. В. Праскова,
доц. И. В. Архипкин (отв. ред.), доц. С. В. Корнакова (отв. ред.),
ст. преподаватель М. А. Осипова (отв. секр.)

Социально-правовые регуляторы общественных отношений и вызовы современности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста РФ В. И. Нижечека, Иркутск, 23 сент. 2021 г. / отв. ред. И. В. Архипкин, С. В. Корнакова. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2021. – 156 с. – URL: <http://lib-catalog.bgu.ru>. – Текст : электрон.

ISBN 978-5-7253-3071-7.

Представлены материалы участников международной научно-практической конференции, посвященные актуальным проблемам социально-правового регулирования общественных отношений как на современном этапе, так и в процессе исторического развития.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также для широкого круга читателей, проявляющих интерес к проблемам социально-правового регулирования.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования:
веб-браузер Internet Explorer версии 6.0 и более поздние, Opera версии 7.0
и более поздние, Google Chrome 3.0 и более поздние.

Компьютер с доступом к сети Интернет.
Минимальные требования к конфигурации и операционной системе компьютера
определяются требованиями перечисленных выше программных продуктов.

Подписано к использованию 20.12.2021.

Объем 1,5 Мб.

Байкальский государственный университет.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
<http://bgu.ru>.

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Быкова С. П. Конвертируемый заем: инновации в законодательстве	5
Вишневский В. Г. К 100-летию Владимира Ильича Нижечека, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ: воспоминания об ученом, учителе, коллеге, старшем товарище	12
Гаврилова М. И. Система поощрения научной деятельности студентов / слушателей вузов Иркутска: сравнительный анализ	19
Гусева Г. В. Проблемы реализации «всероссийской реновации»: экономико-правовой аспект	24
Зипунникова Н. Н., Калинина А. В. Опыт российского юридического образования и науки в музейно-источниковедческом прочтении (на примере Уральского государственного юридического университета)	30
Корнакова С. В. Совесть как морально-правовая категория.....	36
Кузьмин И. А. Юридическая ответственность в системе правовых средств	43
Курас Т. Л. Реализация принципа независимости судей в пореформенных судах Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.)	49
Малева Э. М. Нравственность в праве: историко-теоретический аспект	57
Нижечек Е. В. К 100-летию Владимира Ильича Нижечека, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ: воспоминания о Владимире Ильиче Нижечеке как человеке, ученом, педагоге, отце	64
Романенко Н. С. Анализ научной дискуссии относительно подхода к пониманию юридического процесса.....	77
Саламов Н. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в целях защиты здоровья и в условиях пандемии: проблемы и предложения	87

Самсонов И. И. Правовое регулирование спортивной подготовки в армии Российской империи: II половина XIX в.	101
Сапунков А. А. Институализация судебных округов пореформенных общих судов Российской империи: II половина XIX – начало XX в.	108
Сапунков Н. А. Мюлькардарское право Закавказья: XIX – начало XX в.	115
Серебренников И. Н. Научные сообщества высших учебных заведений как один из институтов становления молодого ученого.....	123
Трейер И. В. Государственные преступления и преступления против порядка управления по Соборному уложению 1649 г.....	128
Хачатуров Р. Л. К 100-летию Владимира Ильича Нижечка, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ	136
Чечелев С. В. Рецепция американского конституционализма странами Тихоокеанского региона в конце XIX – начале XX в.	143
Шавевч А. А., Унжакова С. В., Спиридонов И. А. Анализ современного состояния и футурологический прогноз использования полиграфа	151

КОНВЕРТИРУЕМЫЙ ЗАЕМ: ИННОВАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Конвертируемые займы уже не первый год обсуждаются на самом высоком уровне в контексте совершенствования российского законодательства о поддержке инноваций и привлечения инвестиций. В июле этого года закон о конвертируемом займе наконец-то был принят. В связи с этим автор посчитал целесообразным дать оценку последствиям применения данного правового механизма.

Ключевые слова: конвертируемый заем, инвестиции, капитал.

S. P. Bykova

CONVERTIBLE LOAN: INNOVATION IN LEGISLATION

For several years now, convertible loans have been discussed at a high level in the context of the very Russian legislation on supporting innovation and attracting investment. In July this year, the convertible loan law was finally passed. In this regard, the author considered it a useful assessment of this legal mechanism.

Keywords: convertible loan, investments, capital.

13 июля 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Закон о внесении изменений), закрепивший в российском законодательстве положения об инструменте инвестирования – конвертируемом займе.

Закон вносит изменения в следующие нормативные правовые акты:

- «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11 февраля 1993 г. № 4462-1;
- Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»;

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2 июля 2021 г. № 354-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 27. Ч. I. Ст. 5182.

- Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»;
- Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»;
- Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Стоит отметить, до вступления в силу Закона о внесении изменений в отечественной правовой доктрине о конвертируемом займе было написано крайне мало научных статей, и, соответственно, отсутствовала судебная практика.

Однако такие цивилисты, как Р. М. Янковский, А. В. Захаркина и О. А. Кузнецова, давали правовую оценку данному инструменту задолго до вступления в силу настоящего Закона [1].

Что из себя представляет конвертируемый заем. В зарубежном праве конвертируемый заем называют «отложенной инвестицией в капитал» [3]. Главным отличием данного вида договора, от того же договора займа, является отлагательное условие конвертации займа (то есть перевода денежных средств, полученных по договору в долю в компании), на которое и рассчитывают инвесторы.

Инструмент конвертируемого займа особенно применим к привлечению инвестиций стартапами. В данной статье под стартапом следует понимать – вид предпринимательской деятельности, субъектом которой является новообразованное юридическое лицо (или действующее не более двух лет с момента создания), содержащее в своей основе высоко-рисковую инновационную бизнес-модель, одна из целей которого заключается в привлечении сторонних инвестиций для своей деятельности.

На начальном этапе стартапы представляют собой достаточно рискованную конструкцию, т. е., по сути, они привлекают инвестиции под будущую прибыль, которую инвесторам никто не гарантирует. Именно поэтому данные сделки относят к разряду венчурных, в переводе с английского рискованных. Инвестор дает деньги стартапу только потому, что желает увеличить вложения в несколько, а может быть и в десятки раз, получив взамен определенную долю в будущем прибыльном бизнесе в форме доли в ООО либо акций в АО, осознавая при этом высокие риски потери денег.

До вступления в силу Закона о внесении изменений данные отношения оформлялись договором займа, но поскольку он в меньшей степени защищал интересы сторон и была выбрана правовая конструкция в виде конвертируемого займа, которая создает для участников инвестиционной сделки справедливые условия, обеспечивающие баланс их интересов.

Р. М. Янковский пишет, что конвертируемый заем решает следующие задачи венчурного инвестирования:

1) в случае роста стартапа инвестор в большей степени заинтересован в получении доли (акций), поскольку это увеличит его потенциальную прибыль. В этом случае сделка конвертируемого займа гарантирует, что инвестор сможет осуществить инвестирование в капитал на заранее оговоренных условиях;

2) в противоположном случае, когда стартапу не удастся достигнуть ожидаемых показателей, сделка конвертируемого займа, служит защитой интересов инвестора, который при низких темпах роста заинтересован в возврате вложенных средств, а не в получении доли (акций) стартапа [2].

Структура конвертируемого займа. Конвертируемый заем, предусматривающий альтернативное исполнение (деньгами либо долей, акциями) в зависимости от воли заимодавца.

С точки зрения правовой конструкции сделка конвертируемого займа выглядит так:

1) заимодавец (инвестор) передает заемщику (стартапу) заем;

2) по воле заимодавца (или по воле заимодавца и при наступлении оговоренного события) договор займа может быть исполнен путем передачи заемщиком доли в своем уставном капитале (своих акций), эквивалентной сумме займа плюс 10–30 % дисконта (скидка, предоставляемая инвестору за риск раннего инвестирования в виде стоимости акций) [2];

3) если конвертация не произошла, по истечении установленного срока заемщик возвращает заем с обычными процентами.

Говоря о субъектный состав, следует отметить, что заемщиками по такому договору могут быть ООО и непубличные АО. Есть ряд исключений, например: кредитные организации, некредитные

финансовые организации (п. 1 ст. 19.1 Закона об ООО¹, п. 1 ст. 32.3 Закона об АО)².

Заимодавцем по договору с ООО может выступать участник общества, а если устав ООО не запрещает увеличивать его уставный капитал за счет вкладов третьих лиц, принимаемых в ООО, – третье лицо (п. 2 ст. 19.1 Закона об ООО). В отношении договоров с непубличными АО ограничений и требований для заимодавцев не установлено.

Условия договора конвертируемого займа. Договор конвертируемого займа содержит такие же существенные условия, как и договор займа, но помимо них, он должен содержать еще и следующие (п. 2 ст. 32.3 Закона об АО):

1) условия (о сроке и (или) иных обстоятельствах), при наступлении которых заимодавец вправе предъявить требование о конвертации займа в уставный капитал, например:

- наступление срока возврата займа, срока вывода продукта на рынок;
- совершение или несвершение сторонами договора или третьими лицами определенных действий (в частности, продажа бизнеса, привлечение стратегического инвестора), принятие определенных решений, достижение заемщиком определенных финансовых показателей;

2) цену размещения дополнительных акций (сумму увеличения номинальной стоимости доли заимодавца – участника ООО или номинальной стоимости доли, приобретаемой заимодавцем – третьим лицом).

Вместо цены размещения дополнительных акций (сумм увеличения номинальной стоимости или номинальной стоимости доли) договор может содержать порядок ее определения или зависеть от обстоятельств, которые не наступили на момент заключения договора конвертируемого займа.

Вместо возврата суммы займа (всей или ее части) и выплаты процентов за пользование займом (всех или их части) при наступлении срока и (или) иных обстоятельств, предусмотренных договором, может потребовать от заемщика (п. 1 ст. 19.1 Закона об ООО; п. 1 ст. 32.3 Закона об АО):

- если заемщик – ООО, увеличить уставный капитал, увеличить номинальную стоимость и размер доли заимодавца – участника ООО

---

¹ Об обществах с ограниченной ответственностью : федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

² Об акционерных обществах : федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

и уменьшить размер долей иных участников общества (если заимодавец – третье лицо, он может потребовать принять его в ООО, получить возможность приобрести долю в уставном капитале и уменьшить размер долей участников);

- если заемщик – непубличное АО, разместить в пользу заимодавца дополнительные акции определенной категории (типа).

Другими словами, заимодавец может требовать конвертировать заем в уставный капитал общества-заемщика, т. е. увеличить его.

Относительно прочих условий договора Закон о внесении изменений предоставляет сторонам свободу волеизъявления и позволяет участникам самим определить весь необходимый перечень. Однако одним из важнейших условий договора конвертируемого займа, на наш взгляд, является условие конвертации, т. е. в какой именно момент заем может быть конвертирован в долю / акции стартапа, например:

1. Достижение стартапом определенных финансовых показателей.
2. Привлечение нового финансирования.
3. Наступление срока погашения, указанного в договоре конвертируемого займа.
4. Продажа стартапа основателями.
5. Первая публичная продажа акций.
6. Развитие проекта до определенных масштабов.

Наступление каждого из этих обстоятельств должно быть подтверждено документально, и необходимо отразить в Договоре, какими именно документами.

Форма договора конвертируемого займа. Увеличение уставного капитала общества-заемщика предполагает проведение собрания участников общества в присутствии нотариуса – это как раз то, для чего и заключался договор конвертируемого займа. После того, как уставный капитал увеличен, инвестор приобретает долю в бизнесе, конвертируя заем в долю. При этом участники компании-заемщика не теряют своих долей: по номинальной стоимости они сохраняются, но уменьшаются в процентах.

Благодаря принятию Закона о внесении изменений, при заключении договора конвертируемого займа решение об увеличении уставного капитала принимается сразу, тем самым защищая права инвестора, так как доля за ним фактически «забронирована», информация о заключении таких договоров передается нотариусом в ФНС.

Соответственно, можно сделать вывод, что договор займа должен иметь нотариальную форму, в противном случае он не будет иметь

правовых последствий, предусмотренных Законом о внесении изменений, и будет являться ничтожным.

Заключение. Вступивший в силу закон о внесении изменений позволил устранить проблемы, о которых писали в своем исследовании еще два года назад А. В. Захаркина и О. А. Кузнецова, – это нотариальное заверение договора конвертируемого займа в момент заключения сделки и его регистрация в налоговом органе.

В пояснительной записке к Закону о внесении изменений сказано, что цель нововведений заключается в стимулировании роста инвестиций в малый и средний бизнес, в особенности в высокотехнологичные проекты, которые требуют значительной поддержки на самых ранних стадиях развития.

Действительно, введение механизма договора конвертируемого займа – это гарантия получения инвестором своей доли после конвертации, поскольку в соответствии с Законом о внесении изменений все необходимые корпоративные решения (в том числе одобрение сделки путем общего собрания участников / акционеров) принимаются до того, как наступили основания для получения инвестором доли в компании, то есть после заключения договора участники сделки зависят от того, наступят ли условия конвертации или нет.

Следовательно, появление данной договорной конструкции гарантирует справедливые условия инвестиционной сделки и обеспечивает необходимый баланс интересов сторон такого обязательства, что должно способствовать росту частных инвестиций в стартапы на начальных стадиях их жизненного цикла, что, безусловно, будет способствовать улучшению инвестиционного климата в нашей стране.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захаркина О. В. Конвертируемый заем через призму положений об альтернативных и факультативных обязательствах / О. В. Захаркина, О. А. Кузнецова // Академический юридический журнал. – 2019. – № 4 (78). – С. 22–27.

2. Янковский Р. М. Конвертируемый заем : договорная модель и проблемы регулирования / Р. М. Янковский // Закон. – 2017. – № 11. – С. 184–192.

3. Coyle J. F., Joseph M. Green Contractual Innovation in Venture Capital) / John F. Coyle, M. Joseph // Hastings Law Journal. – 2014. – Vol. 66. – P. 133.

Информация об авторе

Быкова Светлана Петровна – аспирант 3-го курса кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета, konoreva.svetlana@gmail.com.

Information about the author

Bykova, Svetlana P. – Post-graduate student of the 3nd year of the Department of Civil Law, konoreva.svetlana@gmail.com.

**К 100-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА НИЖЕЧЕКА,
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА,
ЗАСЛУЖЕННОГО ЮРИСТА РФ:
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧЕНОМ, УЧИТЕЛЕ, КОЛЛЕГЕ,
СТАРШЕМ ТОВАРИЩЕ**

Рассматриваются вопросы профессиональной и общественной деятельности В. И. Нижечека в период его работы на юридическом факультете ИГУ и в Иркутском институте (филиале) Российской правовой академии Министерства юстиции России.

Ключевые слова: В. И. Нижечек, ученый, юридическая наука, педагог, руководитель.

V. G. Vishnevsky

**TO THE 100TH ANNIVERSARY OF VLADIMIR ILYICH,
DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HONORED LAWYER
OF THE RUSSIAN FEDERATION: MEMORY OF SCIENTIST,
TEACHER, COLLEAGUE, SENIOR COMRADE**

Issues of professional and social activities of V. I. Nizhechek during his work at the Law Faculty of IGU and at the Irkutsk Institute (branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia are considered.

Keywords: V. I. Nizhechek, scientist, legal science, teacher, supervisor.

В 1969 г. я поступил учиться на юридический факультет Иркутского государственного университета на заочное отделение. Деканом факультета тогда был Вадим Аркадьевич Пертцик, заместителем декана по вечернему и заочному – Олег Всеволодович Иванов, заведующим кафедрами теории и истории государства и права Владимир Ильич Нижечек. Факультет располагался по ул. Гагарина № 36, в доме бывшей администрации Иркутского генерал-губернатора.

Запомнилась первая лекция по курсу «Теория государства и права», которую нам, первокурсникам, читал Владимир Ильич. Она

проходила в большом зале подвального помещения корпуса. Мест за столами для студентов не хватало. Некоторые слушали лекцию стоя.

Владимир Ильич сидел на сцене на табуретке, возвышаясь над аудиторией, в которой была идеальная тишина. Слова звучали легко, размеренно, глубоко проникая в сознание студентов с какой-то удивительной простотой наполненной духовной силой. Это был праздник для ума и сердца. И только со временем, я смог понять особенность этой лекции. Мы слушали правоведа, впитавшего в себя главные достижения правовой мысли и методологии и владевшего огромным понятийно-правовым аппаратом, что позволило ему выстроить правильное юридическое мышление и мировоззрение. Именно этими качествами делился Владимир Ильич со студентами, обучая и воспитывая в них, ясность, доступность, широту юридической мысли и формирование стройного юридического мышления. Эти ощущения я пронес через всю творческую жизнь.

Меня поражало в нем умение подойти к каждому студенту с учетом его индивидуальных особенностей, мгновенно оценить его способности и дать возможность раскрыть свой потенциал.

Помнится случай, когда после окончания семестра я сдавал Владимиру Ильичу экзамен. Выслушав меня, он протянул учебник, сказав просмотреть сдаваемый мной раздел еще раз. Лишь после этого мне была поставлена положительная оценка. Этот урок в дальнейшем послужил мне примером в преподавательской практике. Умение работать В. И. Нижечека со студентами, подчеркнул и доктор юридических наук, профессор Рудольф Леонович Хачатуров: «Глубокое уважение вызывало умение Владимира Ильича найти индивидуальный подход к каждому студенту и преподавателю факультета, широта кругозора и беззаветное служение делу».

В 1992 г. с целью организации ведомственных курсов повышения квалификации в Иркутске был открыт филиал Российской Правовой Академии Министерства юстиции Российской Федерации. Руководить филиалом пригласили В. И. Нижечека и с серьезной поддержкой практикующих юристов курсы повышения квалификации проходили успешно. Отзывы о деятельности филиала РПА распространялись быстро, повышали квалификацию служащие из многих регионов от Красноярского края до Камчатки.

С учетом положительных отзывов о деятельности Иркутского института (филиала) РПА Минюста, сохраняя курсы по повышению ква-

лификации судей, работников судов, судебных исполнителей, нотариусов, В. И. Нижечек добился права на подготовку специалистов с высшим юридическим образованием на заочном отделении.

Хочется отметить деятельность В. И. Нижечека как руководителя Иркутского института (филиала) РПА МЮ РФ. Умение Владимира Ильича найти индивидуальный подход к каждому студенту, слушателю и преподавателю института вызывало глубокое уважение.

Когда открылось заочное отделение Иркутского института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции, Владимир Ильич пригласил меня читать лекции по Римскому праву. На заочном факультете учились студенты из разных регионов Восточной Сибири вплоть до Камчатки и о. Сахалин. Особенно напряженной была работа в период сессий, когда Владимир Ильич проявлял удивительные способности в составлении расписания занятий (смею вас заверить это архи, сложная работа). Он всегда учитывал пожелания преподавателей, которые имели, как правило, другое постоянное место работы. Мало того, Владимир Ильич проявлял такую гибкость, что в отдельных случаях организовывал доставку преподавателей к месту проведения лекций. Особенное внимание в этом он проявлял по отношению Л. Я. Подольской. Лекции проходили в разных помещениях разных учреждений, пока не было здания РПА МЮ РФ. Владимир Ильич успевал за всем и за всеми: организовывал, контролировал, обеспечивал бесперебойный ход учебного процесса. Кроме этого, он сам читал лекции, писал рецензии, проверял диссертации, давал советы молодым ученым и просто житейские советы коллегам и товарищам. Он всей своей деятельностью подтверждал человека энергичного, спокойного, доводящего начатое дело до логического конца и обладал признанным авторитетом во всех областях, к которым прикасался он по долгу службы.

Кроме умелой организации учебного процесса, В. И. Нижечек, как руководитель, не забывал и о других мероприятиях, которые сплачивали трудовой коллектив, нас можно было так назвать, хотя многие еще и не трудились по трудовому договору. Конференции, обсуждения вопросов, проведение праздников, когда собирались все вместе коллективом, присоединялись и те, кто приходил из других вузов и организаций, независимо от того, кто какую должность занимал, могли вести душевные беседы и под гитару, под фортепьяно исполнять романсы, песни и т. д.

Позднее В. И. Нижечек, несмотря на большие сложности в связи с приобретением здания, но понимая необходимость этого помещения для обучения студентов и проведения курсов повышения квалификации, своим признанным авторитетом и с участием начальника Главного Управления юстиции администрации Иркутской области Н. Г. Кулика, добился положительного решения вопрос о помещении здания для РПА МЮ РФ.

Безусловно, что знания, талант педагога и ученого, богатый жизненный опыт принесли много пользы вузам города Иркутска, а также правовому просвещению населения области.

В начале 2002 г. по просьбе Владимира Ильича мне довелось доставить последний печатный вариант его учебного пособия «Философия права» для студентов, обучающихся по специальности «юриспруденция» в Москву, известному ученому Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, доктору юридических наук, профессору М. М. Рассолову, давшему высокую оценку этому пособию.

В «Философии права» Владимир Ильич легко оперирует высказываниями и взглядами выдающихся юристов и философов, доступно излагает их позиции. Дает критический обзор в сжатой форме философско-правовых взглядов мыслителей античности, средневековья, Нового и Новейшего времени, комментирует самые сложные понимания в «Философии права» Канта и Гегеля. Рассматривая вопрос о свободе индивида по Канту, он говорит: «Личность по Канту не есть орудие осуществления каких бы то ни было планов. Человек – субъект нравственного сознания, в корне отличается от окружающей природы, – в своем поведении должен руководствоваться велениями нравственного закона. Закон этот априорен, не подвержен влиянию никаких внешних обстоятельств и поэтому безусловен. Кант называет его «категорическим императивом» и т. д.

С большой благодарностью следует отметить, что в 2002 г. Владимир Ильич написал рецензию на составленную мною книгу: «Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX – начала XX века в лицах и документах», посоветовав завершить написанное об Иркутской судебной палате в целом. С тех пор прошло 20 лет. Сегодня эта большая работа о системе судебной палаты – «Система Иркутской судебной палаты в лицах и документах», окончена совместными усилиями коллектива общественной организации Иркутской области «Союзом юристов» во главе с сподвижником Владимира Ильича, заслу-

женным юристом России, председателем Иркутской областной общественной организации «Союза юристов» Николаем Гавриловичем Куликом.

В указанной выше первой книге, которая была окончена в 2004 г. отражается история забытых имен – служителей правосудия судебного округа Иркутской судебной палаты. Однако в свое время имена юристов, включенных в данную книгу, не были систематизированы по окружным судам и мировым участкам, и в этом отношении можно было говорить о неупорядоченном характере материала.

Вспоминая советы Владимира Ильича Нижечека о продолжении рассмотрения этого интересного и важного вопроса о систематизации материала в книге, высказанные еще в 2004 г., у меня родилась идея о воплощении этой идеи. Именно тогда, в устной форме, Владимир Ильич высказал несколько мыслей о необходимости изложить историю Иркутской судебной палаты в единстве входящих в нее окружных судов с тем, чтобы история судебных деятелей Восточной Сибири приобрела единую историческую картину самого большого судебного округа Российской империи. При этом Владимир Ильич подсказал, что есть необходимость обращения внимания на особенности Восточной Сибири как объективного, так и субъективного характера, присущие только судебному округу Иркутской судебной палаты. Эти особенности предопределялись и территорией округа, площадью, свыше 9 млн квадратных верст, отсутствием дорог, с редким населением, проживающим в деревнях, поселках, городах, находившихся на больших расстояниях друг от друга, отсутствием внутреннего рынка, промышленного производства. Кроме этого, Восточная Сибирь по-прежнему оставалась колониальным владением Российского государства, служила краем ссылки и каторги.

С другой стороны, Восточная Сибирь и Дальний Восток к концу XIX в. имели стратегическое значение во внешней политике государства и обороноспособности страны в целом. Границы России на Дальнем Востоке постоянно подвергались нарушениям со стороны ряда Западноевропейских держав: Франции, Германии, Великобритании, США, Японии, что создавало прямую опасность внешнего вторжения. В связи с выше указанным, деятельность Иркутской судебной палаты приобрела не свойственный остальным судебным палатам Российской империи характер.

Это нашло свое отражение в проводимой реформе 1897 г. в Восточной Сибири. Реформа отличалась своей уникальностью и самостоятельностью в отличие от проводимых судебных преобразований в Западноевропейской части России. В основе реформы был разработан новый нормативный акт от 13 мая 1896 г. – «Временные правила о применении Судебных Уставов 1864 г. в губерниях и областях Сибири», в который были внесены соответствующие изменения в проведении судебных преобразований в Сибири, вызванные существовавшими особенностями края.

Субъективным фактором, повлиявшим на необходимость проведения судебных преобразований в Восточной Сибири, следует считать доклад министра юстиции Н. В. Муравьева от 6 апреля 1896 г. Государственному Совету, несмотря на то что в исторической юридической литературе закрепилось устойчивое мнение о министре как реакционере, стоявшем на позициях пересмотра Судебных Уставов 1864 г.

Об этом интересном факте подсказал Владимир Ильич, еще раз подтвердив, как владеет материалом, знает историю вопросов, рассматриваемых в юридической литературе, т. е. широтой кругозора.

Мысли, позиции Владимира Ильич Нижечека о направлении, о цели книги, еще раз поразили глубокими знаниями и мировой истории, и истории России, и истории Восточной Сибири, Дальнего Востока. Были какие-то краткие подсказки с его стороны, которые подтолкнули меня к детальному исследованию этих вопросов в книге.

Исследование материалов позволило обратить внимание на важную особенность деятельности Иркутской судебной палаты, связанную с введением в ее состав Порт-Артурского окружного суда в 1900 г. Он разместился вне границ территории Российской империи, а именно на арендованной Российским правительством территории Ляодунского полуострова в Китае, где в полном объеме были введены в действие «Временные правила» от 13 мая 1896 г., а также «Временное положение об управлении Квантунской областью» от 13 сентября 1899 г., которым определялось правовое положение устройства судебной части на основе Судебных Уставов 1864 г. Таким образом, на территории сопредельного государства (Китая) установилось правосудие Российской империи в полном объеме. Однако, вследствие начавшейся войны между Россией и Японией (1904–1905) в 1906 г. упраздняется Порт-Артурский окружной суд и на его основе открывается новый Пограничный окружной суд в Харбине и указанный порядок деятельности Порт-Артурского окружного суда распространился на всю

территорию отчуждения КВЖД (Маньчжурию), который просуществовал там до 1918 г.

Однако, до сегодняшнего дня эта история остается за рамками научных интересов исследователей в современной исторической юридической литературе России. Хотя страницы ее истории «завещанные» В. И. Нижечек, содержат яркие примеры проявления патриотизма (1904–1905) юристов округа Иркутской судебной палаты, как в практической, так и в теоретической деятельности в борьбе за установление правовых идеалов, распространявшихся в первой четверти XX в. в Китае в бурно развивавшейся Маньчжурии, способствуя ее социальному, экономическому и правовому развитию.

Так, работа над книгой «Система Иркутской судебной палаты в лицах и документах», ее завершение, позволили еще раз вспомнить о В. И. Нижечке. Именно его «подсказки» подтолкнули к продолжению работы, частично восполняющей образовавшийся пробел исторической несправедливости о деятельности Иркутской судебной палаты, оставляя широкое историческое поле для будущих исследований и изысканий в области судебных преобразований в Восточной Сибири конца XIX – начала XX в.

Светлая память учителю, коллеге, ученому.

Информация об авторе

Вишневский Владимир Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, rpa38@mail.ru.

Information about the author

Vishnevsky, Vladimir G. – Ph. D. in Law, Ass. Professor, Chair of Theory and History of State and Law, Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, rpa38@mail.ru.

СИСТЕМА ПОощРЕНИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ / СЛУШАТЕЛЕЙ ВУЗОВ ИРКУТСКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В данной статье будет рассмотрена необходимость системы поощрения студентов и слушателей вузов г. Иркутска, а также представлен сравнительный анализ среди высших учебных заведений, позволяющий определить уровень подготовленности студентов, курсантов и слушателей в сфере научной деятельности. Рассмотрены особенности и специфика поощрений в зависимости от направления подготовки конкретных вузов, а также проблематика усовершенствования данного вида деятельности.

Ключевые слова: наука, научная деятельность, поощрения, развитие, молодые ученые.

М. I. Gavrilova

THE SYSTEM OF INCENTIVES FOR SCIENTIFIC ACTIVITY OF STUDENTS/LISTENERS OF IRKUTSK UNIVERSITIES: A COMPARATIVE ANALYSIS

This article will consider the need for a system of encouraging students and trainees of Irkutsk universities, and also presents a comparative analysis among higher educational institutions, which allows determining the level of readiness of students, cadets and trainees in the field of scientific activity. The features and specifics of incentives depending on the direction of training of specific universities, as well as the problems of improving this type of activity are considered.

Keywords: science, scientific activity, incentives, development, young scientists.

Научная деятельность учеников высших учебных заведений (вузов) имеет большое значение для их интеллектуального развития, совершенствования качеств профессионала по будущей специальности, а также помогает системе образования способствовать позитивному развитию науки.

Наличие определенных способностей и умений эффективно использовать, систематизировать полученные знания, является довольно значимым вне зависимости от профиля профессиональной подготовки. Основными задачами образовательных организаций за весь период обучения является формирование умения студента четко и грамотно воплощать полученные знания в жизнь и применять их в своей профессиональной деятельности. Данная практика применяется в течении всего обучения студентов и слушателей и подкрепляется написанием курсовых работ, для поддержания полученного навыка.

Исходя из специфики вуза, для стимуляции молодых ученых созданы различные системы поощрения.

Необходимость данных поощрений выражается в поддержании мотивации научной работы молодых ученых.

Следует сказать, что высшие учебные заведения являются одними из главных источников науки, научных открытий и преобразований. Стоит отметить, что уровень науки в Российской Федерации находится на достаточно высоком уровне и имеет свое отражение в ее постоянном развитии на протяжении многих лет.

Популяризация научной деятельности среди студентов, курсантов и слушателей является одной из приоритетных задач государственных и частных образовательных организаций.

Для того чтобы стимулировать деятельность молодых ученых и поддерживать интерес к науке и саморазвитию во благо государства следует обсудить вопрос с поощрением научных деятелей.

В городе Иркутске находится довольно много вузов. Связано это с тем, что город Иркутск является областным центром Иркутской области, и соответственно, уровень развития науки, медицины и иных сфер общественной жизни находится на более высоком уровне, нежели в иных городах области.

Заинтересованность власти, а также образовательных организаций в процессе реализации системы поощрения научных работ является одной из важных задач, позволяющих повысить уровень стимуляции студентов и слушателей в научной деятельности.

Необходимо отметить, что различные вузы вправе самостоятельно определять систему поощрения для научных работников.

В качестве примера нами был рассмотрен Восточно-Сибирский институт МВД России и выявлены следующие меры стимулирования курсантов в научной деятельности [4, с. 32]:

- 1) объявление благодарности;

- 2) выплата денежной премии;
- 3) награждение ценным подарком;
- 4) награждение почетной грамотой федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения;
- 5) занесение фамилии сотрудника в книгу почета или на доску почета федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения;
- 6) награждение ведомственными наградами;
- 7) досрочное присвоение очередного специального звания;
- 8) присвоение очередного специального звания на одну ступень выше специального звания, предусмотренного по замещаемой должности в органах внутренних дел;
- 9) награждение огнестрельным или холодным оружием.

В образовательных организациях высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел к курсанту, слушателю наряду с мерами поощрения, предусмотренными частью 1 настоящей статьи, могут применяться следующие меры поощрения:

- 1) предоставление внеочередного увольнения из расположения образовательной организации;
- 2) установление именной стипендии.

Стоит отметить, допускается применение к сотруднику органов внутренних дел одновременно нескольких мер поощрения.

За заслуги перед государством сотрудник органов внутренних дел может быть представлен к награждению государственной наградой Российской Федерации, поощрению Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации¹

Как мы можем наблюдать, система поощрения курсантов, слушателей и сотрудников МВД России находится на достаточно высоком уровне, что помогает научным деятелям данных организаций совершать научные открытия, анализировать законодательство и проводить многие другие научные исследования.

Для курсантов, имеющих высокий уровень научной образованности и проявляющих его на различных научных мероприятиях предо-

---

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.09.2021).

ставляется возможность присутствовать на досках почета, что является достаточно престижным показателем работы сотрудника ОВД в целом.

Следует отметить, что научная деятельность является очень престижной в обществе, соответственно в случаях, когда один из студентов, курсантов или слушателей занимает высокую позицию в научной деятельности – это является одним из факторов, которые помогают данному молодому ученому в дальнейшем занять определенное положение в любой сфере общественной жизни.

Большое внимание на научную работу уделяется со стороны Иркутских образовательных организаций и по той причине, что коллаборация различных вузов для решения научных вопросов помогает Российской науке не стоять на месте и осуществлять непрерывное движение [4, с. 15].

Научные конференции, проходящие на территории Иркутска, также способствуют повышению уровня научной образованности среди студентов, курсантов и слушателей.

В Иркутском государственном медицинском университете большое внимание уделяется научной лингвистической деятельности, предоставляющей обучающимся возможность осуществления коммуникации с представителями других государств, а также выезд за пределы Российской Федерации и прохождения практического обучения. Необходимо сказать о том, что студентам медицинского университета, уделяющим большое внимание на создание научных работ, предоставляется возможность увеличения размера стипендии в зависимости от степени достижений.

В качестве рассмотрения различных систем поощрения вузов города Иркутска можно привести пример Иркутского национального исследовательского технического университета. Студентам вышеуказанного вуза за наиболее активную позицию в изучении научных вопросов может быть присвоена именная стипендия губернатора Иркутской области и иных вышестоящих лиц округа.

В Байкальском государственном университете города Иркутска неоднократно проводятся различные мероприятия, связанные с научной деятельностью, которые помогают будущим специалистам поднять свой уровень общей и узко направленной образованности.

Студенты, участвующие в различных научных конкурсах и мероприятиях, становятся более квалифицированными специалистами по

своей профессии и являются более образованными людьми в научной сфере.

К студентам БГУ и иных вузов Иркутска, проявляющим наиболее активную позицию в изучении научных вопросов, так же введен ряд поощрений, направленных на стимуляцию студентов в развитии их в данной деятельности [1, с. 18].

- 1) Допускается повышение стипендии в установленном размере.
- 2) Награждение грамотой 1, 2 и 3-й степени.
- 3) Награждение именной стипендией губернатора.
- 4) Помещение на доску отличия.

В результате анализа поощрительной политики вышеуказанных вузов нами был сделан вывод о том, что системе поощрений среди высших учебных заведений Иркутска необходимо введение регламентации, которая урегулировала бы каждую сферу научной деятельности и ввела бы справедливую оценку предоставленных материалов. Это могло бы стимулировать молодых ученых в саморазвитии и создании новых научных работ, которые имеют как местное, так и федеральное значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ащеулова Н. А. Академическая карьера молодого ученого в России / Н. А. Ащеулова, С. А. Душина // Инновации. – 2012. – № 7. – С. 60–68.

2. Горяев Ю.А. Балльнорейтинговая система оценки учебной деятельности студента : метод. рекомендации для преподавателей / Ю. А. Горяев, Н. Ю. Казанцева, А. Н. Калягин. – Иркутск, 2007. – 18 с.

3. Зинурова Р. И. Корпоративный университет как коммуникативное поле науки, образования и производства / Р. И. Зинурова // Вестник Казан. технол. ун-та. – 2011. – № 18. – С. 273–278.

Информация об авторе

Гаврилова Маргарита Игоревна – курсант 2-го курса факультета подготовки следователей и судебных экспертов Восточно-Сибирского института МВД России, margarita.gavrilova0@mail.ru.

Information about the author

Gavrilova, Margarita I. – is a 2nd-year cadet of the Faculty of Training Investigators and Forensic Experts of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, margarita.gavrilova0@mail.ru.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ «ВСЕРОССИЙСКОЙ РЕНОВАЦИИ»: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье автор представляет обзор действующего градостроительного законодательства по вопросам реновации в столице и в регионах России. «Всероссийская реновация» – это способ комплексного строительства в регионах, возможность обеспечить как реконструкцию качественно и морально устаревших зданий и сооружений, так и адаптацию их под современные требования. Однако за пределами столицы реализация программ реновации усложняется индивидуальными особенностями территорий и рядом субъективных факторов. Авторы раскрывают наиболее значимые сложности и препятствия эффективного процесса реновации и предлагают некоторые способы устранения имеющихся проблем. В частности, предлагается уделить особое внимание закреплению на законодательном уровне термина «реновация», определить оптимальные способы финансирования региональных программ реновации, а также учитывать экологические и культурно-исторические особенности территорий.

Ключевые слова: комплексное развитие территорий, реновация, реновация жилых кварталов, городское строительство, умное строительство.

G. V. Guseva

PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE «ALL-RUSSIAN RENOVATION»: THE ECONOMIC AND LEGAL ASPECT

The authors of the paper introduce an overview of the current urban planning legislation on renovation in the capital and in the regions of Russia. «All-Russian Renovation» is a method of integrated construction in the regions, an opportunity to ensure both the reconstruction of high-quality and morally obsolete buildings and structures, and their adaptation to modern requirements. However, outside the capital, the implementation of renovation programs is complicated by the individual characteristics of

the territories and some of subjective factors. The authors reveal the most significant difficulties and obstacles to an effective renovation process and offer some ways to eliminate the existing problems. In particular, it is proposed to pay special attention to the consolidation of the term «renovation» at the legislative level, to determine the optimal ways of financing regional renovation programs, and also to take into account the ecological, cultural and historical features of the territories.

Keywords: integrated development of territories, renovation, renovation of residential areas, urban construction, smart building.

Жилищный фонд во многих городах России безнадежно устарел. Жилые кварталы, спроектированные более 40–50 лет назад, панельные дома, введенные в эксплуатацию в 60–70 гг. прошлого столетия, не соответствуют современным требованиям эффективного использования городских территорий и комфортного проживания горожан. С данной проблемой в мире успешно справляется реновация, сегодня приобретающая актуальность и в нашей стране.

Реновация в России начала свой путь с г. Москвы. Программа реновации в столице была предложена мэром Москвы С. С. Собяниным в феврале 2017 г., одобрена президентом РФ В. В. Путиным и была запущена Правительством Москвы уже 1 августа 2017 г. Благодаря ей более 1 млн москвичей из ветхих пятиэтажек переедут в качественные современные дома. Участники Программы получают равнозначное жилье в своем районе проживания. Новые квартиры предоставляются с уже готовой улучшенной отделкой. Так, в Программу реновации включено 5 175 домов 1950–1960-х гг. постройки (16,1 млн кв. м), 350 000 квартир будет построено под переселение, больше 20 млн кв. м жилья будет построено по Программе реновации [4]. Данный проект охватывает более 7 % жилищного фонда Москвы и может стать одним из самых масштабных проектов реновации в мире. Помимо решения «квартирного вопроса», программа призвана обеспечить комплексность застройки, реализовать новые принципы комплексного благоустройства и эксплуатации городской среды.

Программа реновации, в соответствии с законодательством¹, — это нормативный правовой акт Правительства Москвы, определяю-

---

¹ О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе столицы Россий-

щий перечень многоквартирных домов, в отношении которых осуществляется реновация. В такой перечень могут быть включены многоквартирные дома первого периода индустриального домостроения, многоквартирные дома, аналогичные им по своим конструктивным характеристикам, жители которых в соответствии со ст. 3 Закона г. Москвы от 17 мая 2017 г. № 14¹ поддержали включение соответствующего многоквартирного дома в проект программы реновации, программу реновации.

Программа реновации в Москве, прежде всего, направлена на улучшение жилищных условий граждан, в большей степени это проект социальной направленности, именно поэтому реализуется преимущественно за счет средств городского бюджета [2].

В целях реализации программы Правительством Москвы в лице Департамента строительства города Москвы был учрежден Московский фонд реновации жилой застройки (Фонд реновации) – унитарная некоммерческая организация, зарегистрированная в организационно-правовой форме фонда 11 октября 2017 г. Органами управления Фонда реновации являются совет Фонда реновации и генеральный директор.

Организационно реновация в кварталах сложившейся застройки представляет собой «волновой» процесс: вначале возводятся стартовые дома, затем проводится переселение жителей сносимых домов, осуществляется снос и новое строительство на освободившихся площадках [1]. При этом часть квартир в новых домах используется для переселения, а оставшаяся часть – со временем реализуется, полученные средства направляются на строительство нового жилья для переселения.

В декабре 2020 г. Президент РФ подписал новый Федеральный закон № 494-ФЗ², или закон о комплексном развитии территорий

ской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей регулирования отдельных правоотношений в целях реновации жилищного фонда в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве : федер. закон от 1 июля 2017 г. № 141-ФЗ // Российская газета. 2017. 4 июля. № 144.

¹ О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве : закон г. Москвы от 17 мая 2017 г. № 14 // Официальный сайт Московской городской Думы. 2017. 18 мая.

² О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий : федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 494-ФЗ // СЗ РФ. 2021. 4 янв. № 1 (ч. I). Ст. 33.

(КРТ). Опираясь на опыт Москвы, где успешно расселяется ветхое, аварийное или старое жилье, власти решили запустить подобную программу и в других регионах страны. В народе закон называли «всероссийской реновацией».

Новый закон вводит единый механизм сноса аварийного и ветхого жилья, а также комплексного развития территорий. Его основная цель – улучшение качества жизни российских граждан. Также благодаря «всероссийской реновации» станет возможным существенно изменить облик городов (проложить дороги, обустроить скверы и парки), улучшить инфраструктуру (построить новые детские сады, школы, магазины), дать действующим и бывшим промзонам «вторую жизнь» и вернуть эти территории в городскую среду [3].

Практика реализации региональной реновации, проводимой в рамках комплексного развития территории, сегодня только формируется. Не многие субъекты РФ способны в кратчайшие сроки приступить к реализации программ реновации. Опыт г. Москвы, безусловно, стоит учитывать, однако регионы сталкиваются с рядом сложностей, которые по различным причинам практически не затрагиваются в столице. Рассмотрим главные, на наш взгляд, препятствия эффективного процесса реновации, которые необходимо принять во внимание регионам.

1. Градостроительный кодекс предусматривает понятие «комплексное развитие территории», однако отсутствует толкование «реновации». Комплексное развитие территории и реновация г. Москвы не являются понятиями синонимичными, хотя под КРТ понимается зачастую «всероссийская реновация». КРТ – это некое логическое продолжение – усовершенствование идей развития – застроенных территорий (РЗТ). А реновация – понятие более точечное, хотя и комплексное. Исходя из этого, представляется необходимым закрепление понятия «реновация» как основного способа комплексного развития территории, что избавит от неоднозначности толкования данного термина и способствует более грамотной реализации программ реновации в регионах.

2. Отсутствие закреплённой методики определения оптимальных способов финансирования проектов реновации в регионах также негативно сказывается на их реализации. Реновация в регионах не может финансироваться по аналогии с реновацией г. Москвы, так как возможности региональных бюджетов существенно отличаются от столичного, исходя из чего требуется эффективная методика

расчета доли участия субъектов финансирования в процессе реновации в регионах.

3. Необходимость учета культурно-исторических особенностей реновируемых территорий. Облик города и даже целого региона неповторим, каждая территория имеет собственные, присущие исключительно ей исторические и культурные особенности, которые необходимо учитывать в процессе реновации еще на уровне проектирования с целью сохранения наследия. Наиболее важно учитывать данный аспект в городах со статусом «исторического поселения».

4. Потребность в оценке экологической обстановки и определении необходимых экологических мероприятий, исходя из специфики местности. Экологические и климатические особенности оказывают существенное влияние на необходимость использования соответствующих технологий в строительстве, применения концепций «умный дом» и «умный город» в реализации проектов реновации. Данный вопрос является особенно важным в условиях сложившейся эпидемиологической обстановки в мире.

5. Необходима оптимизация бизнес-процессов реновации, так как зачастую затягивание сроков проведения работ, удорожание проектов, сложности в коммуникации участников проектов возникают именно из-за отсутствия грамотно построенных бизнес-процессов и необходимой информационно-технической базы.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: регионы неизбежно сталкиваются с трудностями на пути реализации «всероссийской реновации», преимущественно это связано со спецификой территорий и с недостаточным урегулированием на законодательном уровне процессов реновации в регионах. Грамотный подход к определению способов финансирования реновации, учет экологической обстановки и культурно-исторических особенностей территорий, оптимизация бизнес-процессов реновации, а также своевременное нормативное закрепление определения и принципов реновации в регионах способствуют наиболее успешной реализации программ реновации в России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киевский И. Л. Особенности методологии организации «волнового» переселения в районах комплексной реконструкции / И. Л. Киевский // Промышленное и гражданское строительство. — 2006. — № 10. — С. 12–14.

2. Киевский И. Л. Оценка эффектов от градостроительных мероприятий по реновации кварталов сложившейся застройки Москвы и их влияние на потребность в строительных машинах и механизмах / И. Л. Киевский, А. А. Сергеева // Интернет-журнал «Наукосведение». – 2017. – Т. 9, № 6. – URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/108TVN617.pdf> (дата обращения 15.09.2021).

3. Всероссийская реновация»: что это такое и зачем она нужна. – URL: https://www.domofond.ru/statya/vserossiyskaya_renovatsiya_chno_eto_takoe_i_zachem_ona_nuzhna_/101400 (дата обращения: 17.09.2021).

4. О Программе реновации / Фонд реновации. – URL: <https://fr.mos.ru/o-programme-renovatsii> (дата обращения 15.09.2021).

Информация об авторе

Гусева Галина Викторовна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Института государства и права Байкальского государственного университета, galiguseva@yandex.ru.

Information about the author

Guseva, Galina V. – Senior Lecturer, Chair of State and Law Disciplines, Institute of State and Law, Baikal State University, galiguseva@yandex.ru.

**ОПЫТ РОССИЙСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ В МУЗЕЙНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОМ
ПРОЧТЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

В статье авторами показан один из возможных ракурсов познания традиций отечественного юридического образования и науки, а именно сквозь призму музейно-исследовательских практик. В ходе их формирования неизбежно возникают вопросы источниковедческого толка. Существующие в современной социогуманитаристике дискуссии о музейном предмете и музейном источниковедении в процессе вузовской юридиико-музейной работы и ее научного описания получают дополнительные импульсы к развитию. Десятилетний опыт работы воссозданного в Уральском государственном юридическом университете музея его истории актуализирует обращение к разным музейным источникам; авторы показывают значение некоторых из них. Кроме прочего, указано на создание новых музейных продуктов в условиях переплетения офлайн- и онлайн-бытования, приобретающих характер ярких источников познания вузовских традиций и опыта юридического образования и науки в целом.

Ключевые слова: история юридического образования и науки; музейное источниковедение; музейный предмет; творческая лаборатория памяти.

N. N. Zipunnikova, A. V. Kalinina

**RUSSIAN EXPERIENCE LEGAL EDUCATION AND SCIENCE
IN THE MUSEUM AND SOURCE READING (ON THE EXAMPLE
OF THE URAL STATE LEGAL UNIVERSITY)**

In the article, the authors show one of the possible perspectives of cognition of the traditions of domestic legal education and science, namely through the prism of museum research practices. In the course of their formation, questions of source study inevitably arise. Discussions existing in modern socio-humanistics about the museum subject and museum source

studies in the process of university legal-museum work and its scientific description receive additional impulses for development. The ten-year experience of the museum of its history, recreated at the Ural State Law University, actualizes the appeal to various museum sources; the authors show the significance of some of them. Among other things, it is pointed to the creation of new museum products in the context of the intertwining of offline and online existence, acquiring the character of bright sources of knowledge of university traditions and the experience of legal education and science in general.

Keywords: history of legal education and science, museum source studies, museum item, creative laboratory of memory.

История отечественного юридического образования и науки исследуется в разнообразных ракурсах, что обуславливает значительные продвижения в ее познании. Важным моментом является и обогащение источниковедческого дискурса в современной социогуманитаристике. Так или иначе, не только в науке (теории) поставлен вопрос о становлении самостоятельного музейного источниковедения, но развиваются и соответствующие небезынттересные образовательно-научные практики [1, с. 3]. Идейные столкновения сторонников и противников музейного источниковедения во многом связаны с интерпретацией базовой категории «источник» и выделением музейного предмета как исторического источника, причем теоретические аспекты такого предмета изучаются достаточно поверхностно, а исследователи не спешат к ним обращаться [2, с. 135].

Уже десятилетие в Уральском государственном юридическом университете работает (вос)созданный музей вузовской истории – «творческая лаборатория памяти», «место памяти и силы», одна из «мнемонических машин». Активно взаимодействуя с университетским архивом, вузовскими и иными музейными и архивными учреждениями, вовлекая в свою работу студентов-исследователей, его сотрудники познают традиции как собственно университета, так и юридического образования, и науки в стране в целом. Среди больших «забот» была подготовка к важнейшему коммеморативному событию – столетию вуза (2018 г.): истоки его истории восходят к образованному осенью 1918 г. юридическому факультету Иркутского государственного университета. Музейная деятельность со всей очевидностью продемонстрировала эвристический потенциал музейных предметов и коллекций в исследовании опыта отечественного правоведения и системы

подготовки профессиональных юридических кадров. Весьма быстро стало понятно, что музейное познание такого опыта – еще один значимый ракурс.

Разнообразие источников в вузовском музейном пространстве способствует более рельефной интерпретации описанных в научной литературе процессов, событий, фактов, сюжетов из истории юридического образования и науки. Возможные подходы к классификации как исторических источников, так и выделяемых музейных разнообразны, их анализ может быть представлен самостоятельным исследовательским кейсом. Покажем практическую значимость некоторых музейных предметов (их групп).

Так, небезынтересными являются пусть даже находящиеся во временном хранении (предоставленные, к примеру, для конкретных выставок) черновые варианты научных трудов универсантов – выдающихся правоведов. Они не только экспонируются, привлекая внимание широкого круга потребителей «музейных услуг», но и исследуются, изучаются, в том числе студентами. Такой источник приоткрывает, хотя бы отчасти, дверь в научную лабораторию ученого. Передаваемые в музей личные вещи, в частности печатные машинки, предметы с письменного стола, записные книжки, носители цифровой информации типа дискет и дисков, закладки для книг и др., «работают» на решение этой задачи – погружение в творческую мастерскую правоведа. Но важным видится не только это. Личные вещи иного порядка – музыкальные проигрыватели, пластинки, более современное оборудование для аудио- и видеовоспроизведения, посуда (самовары, чайники, сервизы, чашки), текстиль (салфетки, скатерти), часы, сувениры, др. – показывают в полной мере мощь многократно декларируемого антропологического поворота в науке в целом. Личность ученого-правоведа, его повседневные практики, а не только «большие» события в стране, обществе, профессиональной юридической корпорации под таким углом зрения (антропологическим, музейно-неравнодушным) оказываются и значимыми, и вдохновляющими современного исследователя, избалованного источниковым разнообразием.

Определенным отражением научного наследия и педагогического опыта учителей, мастеров являются студенческие записи лекций, тетради практических занятий, проверенные / отрецензированные (с пометками) контрольные, самостоятельные работы обучающихся. Удивительно, но такие, казалось бы, временного характера (по терминологии архивистов – «временка») документы могут быть полезными

при исследовании юрико-образовательных практик и аттрактивными дополнениями музейных коллекций. Отнюдь не периферийными в определенных музейно-исследовательских контекстах могут предстать сохранившиеся черновики учебных расписаний, объявления / афиши об учебных и научных мероприятиях в вузе или с его участием, вывески с названием вуза, номеров аудиторий, указатели внутри университетского пространства («навигаторы»), проч.

Значительный фонд фотоматериалов музея разнообразно свидетельствует, с одной стороны, о самом вузе и универсантах, но также о многоплановых региональных, российских / советских, международных регистрах бытования факультета – института – академии – университета. Использование таких визуальных источников (информативных, аттрактивных, др.) позволяет исследователю и широкому кругу заинтересованных потребителей юрико-музейной информации подтверждать или опровергать те или иные мнения и впечатления, формирующиеся посредством изучения научных, учебных, популярных текстов.

В числе отложившихся в музее источников – анкеты и воспоминания выпускников Свердловского юридического института – участников Великой Отечественной войны позднесоветского времени. Выражая антропологический, социокультурный, историко-патриотический векторы познания, данные эго-документы расширяют представления о развитии советского юридического образования в годы военного лихолетья, а также о судьбах, личностном и профессиональном развитии людей, (будущих) юристов «военного времени».

Разнообразные материалы (целинки, нашивки, строительные каски, журналы и дневники работ, стенгазеты, рукотворные (иллюстрированные) документы типа меню в столовой, графиков дежурств, шуточных и не только объявлений, чертежи, элементы заданий, др.) характеризуют деятельность студенческих строительных отрядов юристов советского времени и текущего момента, как и в целом мощное и разнообразное студенческое движение.

Атрибуты праздников, юбилеев также откладываются разными путями в музейных фондах. Весьма информативными являются письма, телеграммы поздравительного характера, по которым реконструируется, к примеру, география взаимодействовавших образовательно-научных учреждений, исследуется стилистика праздничных приветствий и пожеланий юридическому вузу. Показательны и другие атрибуты праздников, в частности, специально изготавливавшаяся

корпоративная символика (значки, флажки, папки, ручки, сувениры и др. с изображениями, логотипами). Ее эволюция может быть как самостоятельным выставочным сюжетом, так и предметом историко-правового исследования. Красочными, аттрактивными обычно получаются выставки подарков и поздравлений вузу разных эпох. Попутно заметим, что книги по истории конкретного юридического вуза чаще всего также являются «праздничным» продуктом, будучи подготовленными именно к юбилеям, даже если впоследствии эти даты переосмысляются [3].

Трудно переоценить значение фонических, визуальных музейных источников – фильмов о юридическом вузе и его людях, снятых профессионально или любительским образом в разное время, аудио- и видеозаписей интервью с универсантами, выпускниками, публичных выступлений, собственно вузовских лекций и иных занятий.

Новая реальность, переплетение офлайн- и онлайн-пространств в образовательно-научной деятельности в последние годы рождает новые музейные продукты сложной природы. Речь идет, к примеру, об онлайн-выставках и их продвижении в цифровой среде (на вузовском сайте, в социальных сетях). В основу таких выставок кладутся, как правило, цифровые изображения архивных и фотодокументов; будучи сопровождаемыми звуковыми (голосовыми) комментариями, музыкой, иными дополнениями, такие фильмы (ролики), нередко подготовленные студентами-исследователями, приобретают характер ярких источников познания истории как конкретного юридического вуза, так и юридического образования и науки в целом. В УрГЮУ накоплен некоторый опыт такой деятельности: изготавливаются и транслируются ролики в серии «История одного экспоната», «Личность в юридическом вузе»; состоявшиеся в аудиториях большие музейные мероприятия, например, «Хроника университетского века», записываются и также доступны в цифровой среде, в частности, на университетском YouTube-канале.

Резюмируя небольшой музейно-источниковедческий сюжет, подчеркнем особое значение музейно-исследовательских практик в юридическом университете, расширяющих горизонты познания и вузовской истории, и традиций отечественного юридического образования и науки в целом. Рефлексия по поводу отдельных музейных предметов, а также их групп и музейных коллекций в юридическом вузе, их роли в изучении обозначенных традиций, как думается, неизбежно приведет

к столь необходимым теоретическим музейно-источниковедческим обобщениям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галиуллина Д. М. Музейное источниковедение: учеб.-метод. пособие / Д. М. Галиуллина, А. А. Сальникова. – Казань : КФУ, 2016. – 16 с.
2. Рыгалова М. В. Музейные коллекции как исторический источник (обзор отечественной историографии) / М. В. Рыгалова, Е. В. Рыгалов // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. – 2018. – № 5. – С. 135–139.
3. Свердловский юридический институт, 1931–1981 : 50 лет / [В. В. Баженов, Н. Н. Ансимов, Л. Ф. Богер, В. В. Горланов ; редкол. : Д. Д. Остапенко (отв. ред.) и др.]. – Москва : Юрид. лит., 1981. – 175 с.

Информация об авторах

Зипунникова Наталья Николаевна – доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, доцент, igp@usla.ru.

Калинина Анна Владиславовна – документовед архива и музея истории Уральского государственного юридического университета, museum@usla.ru.

Information about the authors

Zipunnikova, Natal'ya N. – Ass. Professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), Candidate of legal sciences, Ass. Professor, igp@usla.ru.

Kalinina, Anna V. – Archivist, Ural State Law University (Yekaterinburg), museum@usla.ru.

СОВЕСТЬ КАК МОРАЛЬНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Статья посвящена рассмотрению значения использования в законодательных актах моральных категорий, придающих им гуманистическую направленность и оказывающих регулирующее морально-правовое воздействие на сознание и деятельность правоприменителя. Особое внимание уделяется категории «совесть», которая в настоящее время присутствует только в уголовно-процессуальном законе, в статье, регламентирующей правила оценки доказательств. Положительно оценивается наличие такого нормативного критерия, поскольку требования совести предостерегают принимающее решение лицо от предвзятости и субъективного предубеждения, тем самым обеспечивая беспристрастность и справедливость решений. Делается вывод, что закрепление в законе категории «совесть» призвано акцентировать внимание уполномоченных лиц не только на правовой, но и на моральной ответственности за принимаемые в ходе производства по делу решения.

Ключевые слова: право, мораль, совесть, справедливость, правила оценки доказательств, морально-правовое регулирование.

S. V. Kornakova

CONSCIENCE AS A MORAL AND LEGAL CATEGORY

The article is devoted to the consideration of the significance of the use of moral categories in legislative acts, which give them a humanistic orientation and have a regulating moral and legal impact on the consciousness and activity of the law enforcement officer. Special attention is paid to the category of «conscience», which is currently present only in the criminal procedure law, in the article regulating the rules for evaluating evidence. The existence of such a normative criterion is positively assessed, since the requirements of conscience warn the decision-maker from bias and subjective prejudice, thereby ensuring the impartiality and fairness of decisions. It is concluded that the consolidation of the category «conscience» in the law is designed to focus the attention of authorized persons not only on legal, but also on moral responsibility for decisions taken during the proceedings.

Keywords: law, morality, conscience, justice, rules for evaluating evidence, moral and legal regulation.

Вопрос о значении включения моральных категорий в правовые нормы неоднократно обсуждался на страницах научных изданий [1; 4; 7; 9; 10]. Именно наличием моральных категорий в правовых актах обеспечивается направленность результата применения права не только на соответствие правовым требованиям, но и на соответствие требованиям нравственным. Несмотря на то что «мораль убеждает, а право принуждает», они преследуют общую цель – регулирование поведения людей. В результате происходит взаимопроникновение правовых и моральных норм и, значит, усиление их согласованного регулирующего морально-правового воздействия на общество. В связи с этим при установлении соотношения средств регулирования социальных отношений, используемых в сфере морали и в сфере права, очевидным является наличие у них такого общего признака, как нормативность.

Тем не менее существенное отличие норм права от норм морали заключается в стремлении к предельной определенности и точности формулирования первых из них с целью обеспечения строгой однозначности восприятия правоприменителем их содержания и исключения его толкования, как несоответствующего смыслу, заложенному законодателем. В свою очередь, нормы морали, являющиеся результатом обобщения накопленного веками опыта человечества, прежде всего, носят мировоззренческий характер и потому не могут обладать подобной строгостью своих формулировок.

Вместе с тем более широкое содержание моральных норм и, как следствие, моральных категорий не исключает их использования в нормах права. Напротив, наличие в текстах нормативных актов таких моральных категорий, как, например, справедливость, совесть, честь, достоинство и др., обогащая содержание данных актов, придает им гуманистическую направленность.

Между тем возникает вопрос: достаточно ли простого включения моральных категорий в тексты законодательных актов для того, чтобы эти категории можно было одновременно считать и правовыми категориями? Так, наличие в нормативных актах многих понятий обыденного языка не делает их правовыми. Думается, что речь должна идти лишь о тех понятиях, смысл использования которых в законе заключа-

ется в оказании регулирующего воздействия на сознание и деятельность правоприменителя. К таким понятиям, безусловно, относятся такие моральные категории, как «справедливость» и «совесть».

В данной статье остановимся на одной из этих категорий – категории «совесть», содержание которой, как представляется, неразрывно связано с содержанием категории «справедливость», отнесение которой к правовым категориям бесспорно, поскольку для профессии юриста ее достижение является главным постулатом и целью деятельности, а само понятие «юстиция» в переводе с латыни означает «справедливость». Но если данное понятие присутствует практически в каждом систематизированном законодательном акте материальных и процессуальных отраслей права, то этого нельзя сказать о категории «совесть».

В частности, в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве данная категория не встречается, используется лишь производное от нее понятие «добросовестность», рассматриваемая учеными в качестве презумпции и принципа права [2, с. 285]. В наиболее общем смысле добросовестность, согласно справочным источникам, – это правдивость, честность или то, что требует от каждого долг человека, гражданина, семьянина [3, с. 212–213]. По мнению же представителей права, добросовестность – это следствие порядочности [8, с. 320].

Что касается понятия «совесть», то в настоящее время единственным российским систематизированным законодательным актом, в котором оно встречается, является УПК РФ, согласно ст. 17 которого, критерии оценки доказательств – это закон, являющийся единым для всех, и совесть каждого конкретного уполномоченного лица, оценивающего доказательства по своему внутреннему убеждению. Поэтому если в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве понятие «добросовестность» относится к оценке деятельности сторон, то в уголовном процессуальном законе понятие «совесть» употреблено исключительно в отношении оценки решений и действий властных участников судопроизводства.

Отметим, что в предшествовавшем УПК РФ процессуальном законе такими критериями оценки доказательств являлись закон и социалистическое правосознание (ст. 71 УПК РСФСР 1960 г.). Сочетание данных критериев, на наш взгляд, являлось не вполне корректным. И дело не в употребленном законодателем признаке правосознания – «социалистическое», использование которого, исходя из идеологии

того времени, закономерно и вполне объяснимо, а в самом сочетании критериев (закон и правосознание), являющемся в некотором отношении тавтологичными.

Такой вывод подтверждается следующим.

Если исходить из посылки о том, что существенными признаками сформированного правосознания является не только, знание закона, но и наличие твердого убеждения в необходимости в своей деятельности руководствоваться исключительно его требованиями, то становится очевидным, что, по сути, критерий оценки доказательств один, и этот критерий – закон.

В связи с этим представляется, что категория «социалистическое правосознание» в принятом в 2001 г. УПК РФ правомерно была исключена из критериев оценки доказательств и заменена на категорию «совесть». Наличие последнего критерия с необходимостью должно предполагать высокую требовательность к профессиональным и нравственным качествам лиц, уполномоченных принимать решения в уголовном судопроизводстве, наличие у них должного уровня не только правового, но и морального сознания. В частности, если эмоциональный уровень правосознания предполагает безусловную положительную оценку законодательных предписаний, то под тем же уровнем морального сознания понимается их критическая оценка с точки зрения соответствия требований закона должному в нравственном отношении. Поэтому регулятивная функция морали, расширяет строго очерченные законом границы оценки доказательств и принимаемых на ее основе решений, которая осуществляется не только при опоре на авторитет закона, но и, в не меньшей степени, и при опоре на совесть правоприменителя.

Как справедливо отмечает В. Л. Будников, по воле законодателя закон и совесть теперь являются «нормативными критериями доказывания» [1, с. 43]. Но если соблюдение критерия законности очевидно и легко объяснимо соответствием деятельности уполномоченного лица требованиям закона, то каковы критерии совестливости? Думается, что удовлетворительное объяснение оснований подобного критерия может вызвать определенные затруднения. Между тем поступать по совести – значит поступать честно, правильно и справедливо. Поэтому именно требования совести при оценке доказательств предостерегают принимающего решение лицо от предвзятости и субъективного предубеждения, тем самым обеспечивая беспристрастность и справедливость решений.

Такое внимание и повышенная требовательность к оценке доказательств в уголовном судопроизводстве обусловлены, на наш взгляд, тем, что, в отличие от других отраслей права, только результат применения норм уголовного права (уголовно-процессуальная деятельность) влечет признание человека преступником и назначение уголовного наказания, что по определению должно выражаться в гораздо большей требовательности к получаемой в ходе производства по уголовному делу информации.

Совость – это внутреннее чувство справедливости. Исходя из этого, и категория «справедливость», и категория «совость» оценивают поступки человека с точки зрения их соответствия должному, поэтому в повседневном словоупотреблении такие моральные оценки поведения, как «по совести» и «по справедливости», относятся к одному синонимичному ряду, являясь в связи с этим взаимозаменяемыми. Каждая из этих категорий отражает сферу должного, представление о котором в нравственном отношении всецело зависит от мировоззрения и собственных, личных моральных убеждений субъекта оценки. В связи с этим оправданы предъявляемые к кандидатам, претендующим на занятие должностей властных участников судопроизводства, высокие требования, в том числе к их моральному облику. Если человек нравственный, то он делает лишь необходимое, правильное, достойное, совестливое. Поэтому профессиональные долг, честь и достоинство должны являться главными моральными ориентирами и наряду с совостью составлять нравственный стержень личности представителя закона.

Профессор П. А. Лупинская справедливо указывала, что «закрепление нравственной категории «совость» в законе подчеркивает нравственный характер деятельности лиц, принимающих решение, служит обеспечению независимости и свободы при выражении своего убеждения» [6, с. 81]. Поэтому вполне уместно относить категорию «совость» к правовым категориям. Оценка доказательств в соответствии со своей совостью, означает не только ее подчинение профессиональному правосознанию, при отсутствии которого наделение статусом властного участника уголовного судопроизводства просто немыслимо, но и осуществление нравственного самоконтроля, без которого немыслимо уважение к себе.

Таким образом, нормативное закрепление категории «совость», а также помещение правила оценки доказательств во вторую главу УПК РФ, содержащую свод принципов уголовного судопроизводства, и

признание его тем самым базовой процессуальной ценностью следует отнести к безусловным положительным явлениям в развитии российского правосудия. Именно уголовно-процессуальное законодательство, по справедливому мнению И. А. Зинченко, служит одним из наиболее значимых показателей социальной ценности, степени развития и назначения не только правосудия, но и в целом развитости правовой культуры общества [5, с. 426].

На наш взгляд, наличие такого нормативного критерия оценки доказательств, как совесть, призвано акцентировать внимание уполномоченных лиц не только на правовой, но и на моральной ответственности за принимаемые в ходе производства по уголовному делу решения, что следует отнести к прогрессивным достоинствам формулировки ст. 17 УПК РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будников В. Л. Совесть как нравственный критерий доказывания в уголовном судопроизводстве / В. Л. Будников // Российская юстиция. – 2010. – № 1. – С. 43–45.
2. Виниченко Ю. В. О презумпции добросовестности в российском праве / Ю. В. Виниченко // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 160, № 2. – С. 285–301.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. – Москва : Эксмо, 2006. – 736 с.
4. Журавлева А. В. Нравственно-этические категории и гражданское законодательство РФ / А. В. Журавлева // Colloquium-journal. – 2019. – № 19-3 (43). – С. 53–56.
5. Зинченко И. А. Проблемы доказательственного права в УПК РФ // Уголовный процесс : Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. – Москва : Юрайт, 2013. – С. 425–444.
6. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве : теория, законодательство, практика / П. А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : Инфра-М, 2010. – 240 с.
7. Нерсисян Д. Р. Совершенствование юридической конструкции совести в уголовном судопроизводстве / Д. Р. Нерсисян // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 533–536.
8. Основные начала российского и французского права / под ред. Г. А. Есакова, Н. Мазека, Ф. Мелэн-Сукраманьена. – Москва : Проспект, 2012. – 424 с.

9. Сорокин В. В. Понятие совести в правовом измерении / В. В. Сорокин // История государства и права. – 2009. – № 21. – С. 2–6.
10. Шабанов П. Н. Закон совести / П. Н. Шабанов, Т. М. Сыщикова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2015. – № 4. – С. 88–93.

Информация об авторе

Корнакова Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института государства и права и национальной безопасности Байкальского государственного университета, Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Information about the author

Kornakova, Svetlana V. – Candidate of legal Sciences, Ass. Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of State and Law and National Security, Baikal State University, Svetlana-kornakova@yandex.ru.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ

В статье автор характеризует юридическую ответственность в системе правовых средств. Опираясь на теоретические и нормативные положения, делается вывод о месте и роли юридической ответственности в механизме правового регулирования. Предлагается учитывать объективный и субъективный смыслы юридической ответственности. Оценены перспективы дальнейшего совершенствования законодательной конструкции ответственности и методик ее применения.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правовое средство, механизм правового регулирования, юридическая конструкция, правоприменение.

I. A. Kuzmin

LEGAL LIABILITY IN THE SYSTEM OF LEGAL MEANS

In the article, the author characterizes legal liability in the system of legal means. Based on theoretical and normative provisions, a conclusion is made about the place and role of legal liability in the mechanism of legal regulation. It is proposed to take into account the objective and subjective meanings of legal liability. The prospects for further improvement of the legislative structure of liability and methods of its application are assessed.

Keywords: legal liability, legal means, mechanism of legal regulation, legal structure, law enforcement.

Правильное понимание и интерпретация содержания системы правовых средств является важным условием эффективности и адекватности правового регулирования на всех его этапах и стадиях. Юридическая ответственность – сложное правовое средство, использование которого позволяет достигать высоких показателей законности и правопорядка. Вместе с тем, необдуманное закрепление и применение ответственности может привести к негативным последствиям, а иногда и к обратному эф-

фекту – разрушению складывающихся правоотношений. Чтобы не допустить подобного развития событий необходимо достижение единого и непротиворечивого понимания комплексной социально-правовой природы ответственности (ее внутренних связей), а также внешних взаимодействий с иными правовыми средствами.

Из общих положений теории права мы знаем, что правовые средства – это правовые явления, динамика которых позволяет оказывать регулирующее воздействие на систему общественных отношений. Основные правовые средства имеют непосредственную привязку к стадиям правового регулирования, среди них: нормы права (стадия общего действия норм права), правоотношения (стадия возникновения субъективных прав и обязанностей), акты реализации прав и обязанностей (стадия реализации субъективных прав и обязанностей), акты применения права (факультативная стадия применения права) [6, с. 251]. Однако оценить и даже примерно представить себе всю совокупность вспомогательных правовых средств, которые способствуют динамике обозначенных стадий и обеспечивают основные правовые средства, попросту невозможно. В числе последних обычно называют нормативные правовые акты (источники права), юридические факты, правосознание, правовую культуру и правосознание, акты толкования права и другие. Вместе с тем, описательный подход не позволяет охарактеризовать роль отдельных правовых средств, неизменно присутствующих в любой правовой системе, без которых процесс правового воздействия (регулирования) во многом утрачивает смысл. По нашему мнению, изучение юридической ответственности как комплексного правового средства позволит увидеть множественные связи между иными правовыми средствами

Проблематике комплексных (сложных) правовых средств в научной литературе внимания практически не уделяется, что вызвано, очевидно, отсутствием должных общетеоретических разработок. Наличие, своего рода, кризиса, в дальнейшем развитии частной теории правового регулирования, подтвердил А. В. Мильков, заметив, что предлагаемые в научной литературе дефиниции понятия «правовые средства» не позволяют с высокой степенью вероятности выявлять их родовую и видовые признаки, излишне абстрактны и влекут неопределенность в понимании, ставят вопрос о целесообразности использования данного понятия [4, с. 115]. Мы также обеспокоены подобным обстоятельством и полагаем возможным для ясности ввести в понятийный аппарат теории права термин «комплексные правовые средства».

Так, Г. С. Беляева, на примере правовых режимов, убедительно показала, что правовые явления, состоящие из взаимосвязанной совокупности правовых средств, не утрачивают самостоятельного статуса и относятся к комплексным правовым средствам [1, с. 17–19]. Р. Р. Палеха и Д. Ю. Кочконян полагают, что главным в категории «средства правового воздействия» является способность достижения цели для создания и поддержания правопорядка [5, с. 169]. В. Л. Кулапов рассматривает средства политико-правового воздействия как связующее звено «между идеально поставленной задачей... и реальным результатом... они обеспечивают претворение должного в сущее», а к их числу относятся средства-ограничения (обязанности, запреты, ответственность и т.д.) [3, с. 64–65].

Ранее мы уже констатировали, что юридическая ответственность является сложным (комплексным) правовым средством, охватывающим в своем развитии множество иных правовых средств, и выступает в данном качестве как объединяющее и организующее начало [5, с. 146–147].

Опираясь на предшествующие размышления, место и роль юридической ответственности как комплексного правового средства характеризуется нами в следующих контекстах.

Во-первых, юридическая ответственность обеспечивает динамику механизма правового регулирования. На стадии общего действия норм права положения законодательства, содержащие наказания (меры ответственности) и механизмы их реализации, эвентуально распространяют свое влияние на неопределенный круг лиц и отношений. Данный уровень мы называем юридической ответственностью в объективном смысле, которая существует в качестве составной части законодательства. Стадия возникновения субъективных прав и обязанностей связывается с правонарушением и процессуальными (процедурными) правоотношениями, нацеленными на уточнение юридически значимых свойств конкретного противоправного деяния для назначения адекватной меры ответственности (наказания). На стадии реализации субъективных прав и обязанностей наблюдается вынесение множественных актов реализации юридической ответственности, включая действия правонарушителя по претерпеванию возникшей у него юридической ответственности. В случае, если юридическая ответственность возлагается и реализуется в рамках правоприменительного процесса, то она также проходит стадию применения права и разнообраз-

ные акты применения права, способствующие движению дела о привлечении к юридической ответственности, в том числе итоговый акт, возлагающий меру ответственности.

Во-вторых, юридическая ответственность является одним из центральных (стержневых) охранительных правовых средств, которые в своем единстве фиксируют систему государственного принуждения. Известно, что юридическая ответственность устанавливает негативные правовые последствия для правонарушителей и в этом смысле относится к числу охранительных правовых средств, которые могут быть реализованы принудительно, либо осуществляется совместно с иными охранительными средствами. Например, в деле о привлечении к юридической ответственности могут быть использованы меры пресекательного характера (подписка о невыезде, заключение под стражу подозреваемого и пр.), меры защиты (взыскание совместно с суммой долга неустойки по договору или процентов за пользование чужими денежными средствами), конфискация и т. д. Излишне упоминать, что осуществление юридической ответственности и иных мер принуждения основано на охранительных правовых нормах, правоотношениях и актах, относящихся к важнейшим охранительным средствам.

В-третьих, юридическая ответственность позволяет оценить эффективность и адекватность системы процессуальных правовых средств. Так, реализация гражданско-правовой ответственности зачастую требует отработанного механизма осуществления исполнительного производства судебными приставами исполнителями. Возложение уголовной ответственности сможет обеспечить достижение целей этого вида ответственности лишь при условии надлежащей работы участников уголовного процесса, а на стадии исполнения наказания – деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы. И таких примеров можно привести достаточно много. Ценность системного подхода к исследованию юридической ответственности в контексте инструментальной теории права проявляется в возможности увидеть весь механизм действия права, демонстрирующий степень важности (включенности) и эффективности/неэффективности различных правовых средств в процессе правового регулирования.

Перспективы дальнейшего совершенствования законодательной конструкции юридической ответственности и деятельности по ее осуществлению мы связываем с устранением имеющихся дефектов в правовых средствах, вовлекаемых в процесс возложения и реализации ответственности. В данном плане правовая культура, правосознание, акты

толкования права, нормативно-правовые акты и иные вспомогательные правовые средства также должны подвергаться детальному анализу на разных стадиях правового регулирования и реализации юридической ответственности с точки зрения их внешних проявлений и внутренней структуры, во взаимодействии между собой. Подобный аналитический мониторинг (в любой форме) возможен лишь при условии предварительной научно-методологической подготовки, подразумевающей проработку свойства «системности», а в итоге – системы юридической ответственности изначально на концептуальном (общетеоретическом), и далее – отраслевом и прикладном уровнях. Исходя из этого, частная теория юридической ответственности нуждается в качественном обновлении и комплексном монографическом исследовании.

Представляется оправданной попытка П. С. Солоницына увидеть в юридической ответственности особое правовое состояние, возникающее с момента совершения противоправного деяния и, будучи юридическим фактом, влекущее различные последствия, порождая многочисленные правовые отношения процессуального и материального характера [8, с. 86–87]. Н. А. Скребнева ранее подтвердила комплексный характер правового регулирования юридической ответственности, акцентировав внимание на ее нормативной конструкции и регулируемых правоотношениях [7, с. 92].

На основе вышеизложенного сформулируем частные выводы.

Во-первых, юридическая ответственность является комплексным правовым средством, в динамику которого вовлекаются другие правовые средства. Объективный и субъективный смыслы юридической ответственности систематизируют регулятивную деятельность на нормативном и индивидуальном уровнях, показывая связь между основными и вспомогательными правовыми средствами.

Во-вторых, юридическая ответственность обеспечивает динамику механизма правового регулирования, относится к стержневым охранительным правовым средствам, которые в своем единстве фиксируют систему государственного принуждения, а также позволяет оценить эффективность и адекватность системы процессуальных правовых средств.

В-третьих, в юридической науке и на практике сформировалась острая необходимость в разработке научно-методологического подхода к исследованию системности как свойства юридической ответственности и системы юридической ответственности как специальной правовой категории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева Г. С. Правовой режим как комплексное средство правовой политики / Г. С. Беляева // Правовая политика и правовая жизнь. – 2012. – № 3. – С. 16–20.
2. Кузьмин И. А. Системная модель юридической ответственности : монография / И. А. Кузьмин. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 186 с.
3. Кулапов В. Л. Механизм государственно-правового воздействия / В. Л. Кулапов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 3. – С. 60–66.
4. Мильков А. В. К определению понятия «правовые средства» / А. В. Мильков // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – С. 113–115.
5. Палеха Р. Р. Средства правового воздействия / Р. Р. Палеха, Д. Ю. Кочконян // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 3. – С. 167–169.
6. Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. – 255 с.
7. Скребнева Н. А. Юридическая ответственность в публичном и частном праве (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н. А. Скребнева. – Москва, 2018. – 189 с.
8. Солоницын П. С. Юридическая ответственность как правовое состояние / П. С. Солоницын // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 2. – С. 82–88.

Информация об авторе

Кузьмин Игорь Александрович – доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, grafik-87@mail.ru.

Information about the author

Kuzmin, Igor A. – Ass. Professor, Chair of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph. D. in Law, Ass. Professor, grafik-87@mail.ru.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ
В ПОРЕФОРМЕННЫХ СУДАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

В статье автор демонстрирует, что, несмотря на провозглашение в Судебных уставах 1864 г. принципа независимости судей, власть весь пореформенный период стремилась ее ограничить. Для этого применялись различные способы. К ним относился институт привлечения судей к ответственности. Также активно использовался механизм назначений на должности судей и переводов. Прокуратура имела возможность влиять на решение данных вопросов, что создало фактическую зависимость судей от нее. Также на практике велика была зависимость судей от председателей судов. Вышеуказанное препятствовало фактической реализации принципа независимости судей, негативно сказывалось на авторитете судов.

Ключевые слова: судебная реформа, независимость судей, суды, судебные палаты.

T. L. Kuras

**IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE
OF THE INDEPENDENCE OF JUDGES IN THE POST-REFORM
COURTS OF THE RUSSIAN EMPIRE (SECOND HALF
OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)**

In the article, the author demonstrates that, despite the proclamation of the principle of independence of judges in the Judicial Regulation of 1864, the authorities tried to limit it throughout the entire post-reform period. Various methods were used including the institution of bringing judges to justice. The mechanism of appointing and transferring was also actively used and applied to judges. The prosecutor's office had the opportunity to influence the solution of these issues, which created the actual dependence of judges on it. Also, in practice, the dependence of judges on the chairmen of the courts was great. The above-mentioned impeded the actual implementation of the principle of independence of judges and had a severe impact on the authority of the courts.

Keywords: judicial reform, independence of judges, courts, judicial chambers.

Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»¹ закрепляет гарантии независимости судей. Необходимо обращаться к историческому опыту пореформенной России второй половины XIX в., где также провозглашались гарантии независимости судей. Учет реализации судебных уставов 1864 г. по данному вопросу позволит сделать эффективнее современное законодательство и практику его применения.

При проведении судебной реформы 1864 г. была создана система судов, состоящая из мировых судей и общих судов, к ним относились окружные суды, судебные палаты и Кассационные департаменты Правительствующего Сената [15, с. 89]. При палатах и окружных судах состояли прокурор, его товарищи и иные служащие.

Судебные уставы впервые в истории страны зафиксировали принцип независимости судей и гарантии его реализации [16, с. 38]. Так, к ним относились установленный законом порядок назначения на должности судей, их несменяемость, особый порядок привлечения к ответственности, специальное материальное обеспечение.

Урегулированные законом порядок и условия назначения судей стали одними из значимых гарантий их независимости, к таким лицам предъявлялись высокие требования. До принятия нового законодательства министерство юстиции не могло влиять на личный состав судов, назначение судей зависело от начальства губерний [9, с. 32]. По Уставам 1864 г. министр юстиции приобрел полномочия по назначению членов общих судов и служащих прокуратуры. Закрепление нового порядка назначения в суды стало положительной новеллой уставов. На заре судебной реформы министерству юстиции в результате активной работы удалось подобрать в новые суды блестящих судей и прокуроров, о которых в обществе помнят как о честных и просвещенных служителях правосудия. Обращалось внимание на предшествующую службу, назначались лица, ранее положительно зарекомендовавшие себя, проявлявшие старательность, честность, высокие моральные принципы [12, с. 78].

В последующем при открытии новых судов в других судебных округах туда также назначались достойнейшие люди, которые внесли

---

¹ О статусе судей в Российской Федерации : закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (с послед. изм. и доп.) // Российская газета. 1992. № 170.

существенный вклад в становление и эффективное функционирование новых судов. В судебном сообществе было немало представителей, на которых остальные могли равняться в профессиональном плане и в нравственном аспекте, беззаветно служивших идеалам Судебных уставов, осуществлявших деятельность на основе принципа независимости и других демократических принципов правосудия [10, с. 32].

Со временем стало понятно, что создание самостоятельного и независимого суда вызывало отторжение у самодержавия. В период действия новых судов вопрос об ограничении независимости судей поднимался достаточно часто. Так, уже в 1867 г. итоги отдельных судебных процессов вызвали негативную реакцию власти [12, с. 112]. Результатом стало принятие законов, передавших к подсудности судебных палат наиболее значимых для правительства категорий дел. Также был принят закон 1885 г., изменивший правила привлечения судей к ответственности, усиливший влияние на них Сената и министра юстиции [7, с. 85]. Однако самодержавию этих мер было недостаточно, оно постоянно стремилось сделать суды более «послушными». В 1894 г. министр юстиции в докладе императору обосновал необходимость ограничить самостоятельность и несменяемость судей. Образованная в 1894 г. Высочайше учрежденная комиссия по пересмотру законоположений по судебной части (далее – Комиссия) также считала необходимым изменить закон, регулирующий независимость и несменяемость судей [12, с. 138]. Формально принцип независимости судей сохранялся в Судебных уставах, но весь период деятельности судов в законы вносились изменения, позволявшие власти влиять на служащих судов, в том числе через привлечение их к ответственности.

Переводы судей и служащих прокуратуры на другие должности являлось одним из способов влияния на них. Самодержавие могло повысить судью или прокурора либо назначить на более низкую должность, изменить судебный округ с окраины в центр империи или наоборот. При реализации реформы в стране возникала необходимость наполнения штатов новых судов, судьи и прокуроры перемещались из одного суда в другой. При открытии новых судов они укомплектовывались опытными, проверенными кадрами, служившими ранее в других регионах страны [11, с. 16–17]. Помимо прочего, тем самым власть могла поощрять или, наоборот, наказывать служащих судов, используя институт переводов и назначений как механизм воздействия на них.

К 80-м гг. XIX в. изменилось отношение судей к своей службе, стало более формальным, значительно реже стали встречаться достойные деятели, стремившиеся на высоте держать почетное звание судьи. Повышение по службе стало нередко производиться не по знаниям и служебным заслугам, а по представлению соответствующих должностных лиц, прежде всего председателей судов. Это развило среди судей карьеризм, судейская самостоятельность фактически перестала проявляться, уступив место чиновничьим отношениям с председателями судов, через которых можно было добиться перевода, повышения, награды, других благ. Власть председателей окружных судов и судебных палат стала огромна [14, с. 12–13]. В печати отмечалось, что нигде не совершалось таких быстрых служебных карьер, как в судебном ведомстве. Постепенность повышения в судебной иерархии, установленная уставами, фактически не существовала. Открытие новых судебных округов вызывало передвижения и содействовало быстрым повышениям. В результате большая часть судей фактически перестала действовать независимо, они выполняли волю самодержавия, доводимую до них через председателей судов, главной целью для многих стало сделать карьеру.

При переводе судей и прокуроров на должности в другие суды власть зачастую действовала в своих интересах. «Неугодные» судьи могли назначаться в другие регионы, независимо от их личных обстоятельств. В результате судьи оказывались в незащищенном положении, их могли переводить в разные округа. Некоторым приходилось увольняться из ведомства из-за невозможности переезда. Другим же власть благоволила, они, наоборот, переводились на вышестоящие должности, в центральные города.

Случаи такого злоупотребления министром юстиции, председателями судов, прокурорами своими полномочиями встречались нередко. Так, прокурор одного из окружных судов Варшавского округа в 1917 г. сообщал следующее: в период действия пореформенных судов в Варшавском судебном округе «господствовало родовое начало». Это вызывало агрессию в местных судебных деятелях, для которых перемещение в Варшаву составляло их заветную, но неосуществимую мечту. Возможность перевода в Варшаву выпадало только на долю немногих «избранных», имеющих «сильных покровителей» в лице близко стоящих к руководству судебной палатой или родственников. Так, в Варшавской палате в должности председателя состоял отец, а из двух сыновей один занимал должность товарища прокурора палаты, а

другой – товарища прокурора окружного суда. Было немало случаев и других родственных связей, объединяющих представителей судов разных степеней. Вакансии прокуроров и товарищей прокуроров в Варшавском судебном округе в подавляющем большинстве случаев замещались кандидатами, представленными прокурором Варшавской судебной палаты. Игнорированием этих и других подобных обстоятельств министерство юстиции создало немало недовольных среди чинов судебного ведомства и посеяло недоверие в местном населении, следившем за всем, что происходит в недрах судов [1, л. 76–76 об., 131–132 об.].

Приведем примеры «гонений» на представителей судебных органов. Так, мировой судья г. Новороссийска Овчаренко был за свои политические убеждения подвергнут ряду воздействий со стороны начальства. Поводом стало то, что он дал свидетельские показания по делу о так называемой «Новороссийской республике». Он был перемещен министром юстиции в другой город, а затем уволен, хотя пользовался как судебный деятель прекрасной репутацией [2, л. 6]. Гонения встречались не только на судей, но и на отдельных должностных лиц прокуратуры, добросовестно исполнявших свои служебные обязанности. Так, в 1910 г. прокурор Сувалкского окружного суда Н. Н. Холщевников, прослуживший в этой должности около 5 лет, после столкновения с Сувалкским губернатором был понижен и переведен на должность товарища прокурора Варшавского окружного суда. Представители суда считали такое понижение несправедливым и оскорбительным для ведомства [2, л. 7].

Дух карьеризма больше всего относился к прокуратуре. Она находилась в подчинении министерству юстиции как административному ведомству. Через прокуратуру министерство собирало необходимые сведения о служащих судов, что создало фактическую зависимость судей от прокуратуры [4, с. 4–5]. Все это крайне отрицательно отражалось на рассмотрении уголовных дел, судьи нередко вставляли на сторону обвинения, что снижало авторитет судов. Ради справедливости отметим, что оставались и такие судьи, которые работали в духе судебных уставов, на основе демократических принципов правосудия. Они рассматривали уголовные дела, основываясь на законе, объективно и беспристрастно, могли вынести подсудимому оправдательный приговор независимо от обвинительного заключения прокурора. Так,

в одном из дел, рассмотренных особым присутствием Варшавской судебной палаты, пять подсудимых, обвинявшихся в преступлениях по ст. 1629 и 1632 Уложения о наказаниях, были оправданы [3, л. 19].

Материальное обеспечение судей, соответствующее их статусу в обществе, являлось по закону одной из гарантий их независимости. При подготовке судебной реформы вопрос о содержании судей ставился во главу угла, поскольку является одним из необходимых условий правильного судоустройства. В связи с этим оклады судей в первые годы действия уставов были достаточно высокими. Однако, изменение экономического строя государства вызвало резкое удорожание жизни. В результате оклады судебных чинов оказались очень невысокими, не обеспечивающими даже основных потребностей [12, с. 82]. Необходимость повышения окладов судьям постоянно подчеркивалась на страницах печати [6, с. 1–3; 8, с. 8]. Вознаграждение членов судебных палат было весьма низким, с учетом высокого положения этих судов в системе судов, их тяжелой и ответственной работы [5, с. 99]. Проблема стояла очень остро и обсуждалась Комиссией, она отмечала, что оклады не давали необходимого обеспечения ни начинающим судьям, ни тем, кто достиг высокого положения в судебной иерархии. Оклады чинов судебных палат не увеличивались длительное время [13, с. 232]. Несмотря на усилия министерства юстиции, содержание судей и в последующем оставалось весьма низким. Анализ архивных данных показывает, что служащие судов жили обычно в съемных жилых помещениях, практически никто не мог себе позволить приобрести жилье на выплачиваемое жалованье [2, л. 10].

Таким образом, судебные уставы впервые закрепили принцип независимости судей, создав комплекс его гарантий. К ним относились порядок назначения на должности, несменяемость судей, особый порядок привлечения к ответственности, материальное обеспечение и другие. Было немало судей, служивших идеалам правосудия на основе демократических принципов. Однако власть стремилась ограничить их независимость, используя институт переводов и назначений и другие механизмы. В результате зачастую судьи решали дела по указанию председателей судов, рассчитывая на получение благ. Это обуславливалось и низким уровнем содержания судей, не соответствующим их статусу. В противоречии с провозглашенными принципами существовала и фактическая зависимость судей от прокуратуры, что негативно сказывалось на авторитете судов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 222. – Оп. 1. – Д. 1975. – 198 л.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 222. – Оп. 1. – Д. 2017. – 115 л.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 221. – Оп. 1. – Д. 9. – 155 л.
4. Градовский Г. Еще о прокуратуре / Г. Градовский // Судебная газета. – 1883. – № 19. – С. 4–5.
5. Деревскова В. М. Вопросы организации и деятельности прокуратуры в Сибири после проведения судебной реформы (1897–1917) / В. М. Деревскова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 5 (61). – С. 98–104.
6. Еще по поводу будущего «Учреждения судебных установлений» // Судебная газета. – 1898. – № 20. – С. 1–3.
7. Калинин Ю. А. Производство по уголовным делам в окружных судах Российской империи / Ю. А. Калинин. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 208 с.
8. К вопросу о штатном содержании судебных чинов // Судебная газета. – 1898. – № 8. – С. 8.
9. Курас С. Л. О некоторых аспектах реформирования суда на страницах «Журнала Министерства юстиции» / С. Л. Курас // Правовая политика современной России : реалии и перспективы : Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию земской и судебной реформ в России, Иркутск, 8 нояб. 2014 г. / ФГЮООУ ВПО «ИГУ», Юрид. ин-т. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – С. 32–34.
10. Курас Т. Л. Вопросы реализации принципа независимости судей в пореформенной России второй половины XIX – начала XX в. / Т. Л. Курас // Вестник Омского университета. – Сер.: Право. – 2018. – № 4 (57). – С. 31–37.
11. Курас Т. Л. Служба в судебных палатах, действовавших на центральных, западных и восточных территориях Российской империи / Т. Л. Курас // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 3. – С. 15–21.
12. Министерство юстиции за сто лет, 1802–1902 / Вступ. статья П. В. Крашенинникова. – Москва : Спарк, 2001. – 351 с.
13. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения Судебных установлений : в 3 т. Т. 2. – Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1900. – 255 с.

14. Русская печать по законодательным и судебным вопросам // Судебная газета. – 1883. – № 10. – С. 12–13.

15. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1867. – 312 с.

16. Щедрин Ю. В. Становление и развитие гарантий обеспечения независимости судей в России во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... д-ра ист. наук / Ю. В. Щедрин. – Курск, 2014. – 536 с.

Информация об авторе

Курас Татьяна Леонидовна – доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент, tanya_kuras@mail.ru.

Information about the author

Kuras, Tatyana L. – Ass. Professor of the Chair of Justice, Law Institute, Irkutsk State University, Cand. Sci. (Hist.), tanya_kuras@mail.ru.

НРАВСТВЕННОСТЬ В ПРАВЕ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются современные тенденции научного дискурса о соотношении государства и права, либерального и консервативного подходов. Через специфику понимания роли нравственности в праве, выработанную российской правовой традицией, сделана попытка определить специфику национальной правовой идеи. Выполнено широкое диахронное сравнение исторического материала по проблематике нравственности в праве с учетом широкого спектра теоретических подходов и политико-правовых учений. Проведен историко-теоретический анализ проблемы на широком материале от римского права до современности. Проанализирован опыт нравственного начала в успешных преобразованиях судебной системы в рамках судебной реформы 1864 г. Сделан вывод, что нравственность является основой национальной правовой идеи российского государства.

Ключевые слова: нравственность, право, социальный баланс общества, национальная правовая идея.

E. M. Maleva

MORALITY IN LAW: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

The article examines the current trends of scientific discourse on the relationship between the state and law, liberal and conservative approaches. Through the specifics of understanding the role of morality in law, developed by the Russian legal tradition, to determine the specifics of the national legal idea. A broad diachronic comparison of historical material on the problems of morality in law, taking into account a wide range of theoretical approaches and political and legal doctrines. The historical and theoretical analysis of the problem is carried out on a wide material from Roman law to the present. The experience of the moral principle in the successful transformation of the judicial system within the framework of the judicial reform of 1864 is analyzed. It is concluded that morality is the basis of the national legal system of the Russian state.

Keywords: morality, law, social balance of society, national legal idea.

Право как неотъемлемый (имманентно присущий) признак любого социального уклада в истории человечества не вызывает сомнения. В то же время исторически и цивилизационно обусловленные формы права невероятно разнообразны. «Что такое право? За тысячелетия существования человека единого и устраивающего всех определения разработано не было» [8, с. 14]. В результате вместо определения мы приходим к банальности: право – это то, что здесь и сейчас признается правом. Мощнейший социальный регулятор, способный сбалансировать взаимодействие личности, государства, социальных стратов и общества в целом на основе культурно-цивилизационного единства.

Не лишено изящества высказывание С. Н. Захарцева и В. П. Сальникова: «Право в определенной мере – это протест общества на поведение человека» [8, с. 14]. Однако инверсивно можно утверждать, что право – это и единственная возможность индивидуума защитить свои интересы в конфликтах, основанных на социальных противоречиях. При всем многообразии право – это всегда достижение баланса интересов, именно оно обеспечивает стабильность и планомерный генезис социальных отношений, например «принцип правовой определенности» имплементирован во все правовые системы Европейского союза [23, с. 454].

«Одним из основных истоков общественно-правового прогресса выступает диалектический дуализм права, формально выражающийся в традиционном делении права на естественное и позитивное» [3, с. 221]. В современном историко-правовом дискурсе вопрос о роли государства, его взаимодействия с правом, столкновения либерального и консервативного подходов как никогда актуален.

Немецкому поэту эпохи Просвещения (XVIII в.) Кристофу Мартину Виланду принадлежит крылатое выражение: «за деревьями не видеть леса». Также если вырвать право из культуры и воспринимать как сугубо самостоятельное явление, то за буквой закона (казуистичностью) перестают быть видны интересы общества. Поэтому Закон без этики, без нравственной основы превращается во всадника без головы. Мало чем интересуясь вне своей узкой специальности, не заботясь о широте своего кругозора, человек теряет интерес к прошлому и веру в

будущее. «Вчерашний день ничего не говорит забывчивому, одностороннему и ленивому мышлению, а день грядущий представляется лишь как повторение мелких и личных житейских приспособлений» [11, с. 6].

В Дигестах Юстиниана в титуле «О положении людей» содержится цитата из трудов юриста Флорентина: «Свобода есть естественная способность каждого делать то, что ему угодно, если это не запрещено силой или правом» [6, с. 169]. Здесь нет акцента на том, что сила – это лишь физическое воздействие. Сила нравственных установок в разы выше. А в сочетании с правом позволяет максимально эффективно поддерживать социальный баланс в обществе.

В отличие от римских законодателей французские просветители проповедуют принцип: разрешено все, что не запрещено. В принятой французской революцией декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. в п. 5 говорится: «Закон может воспрещать лишь деяния, вредные для общества. Все же, что не воспрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден к действию, не предписанному законом» [7, с. 112]. Это правило стало повсеместным, вошло в Конституции и Кодексы. В данном случае законодатель не ограничен ничем, кроме своего субъективного представления о правах человека и общественном договоре.

Формой возврата к консервативным ценностям является историческая школа права, которая ограничивает субъективность законодателя «народным духом» – комплексом культурно обусловленных правовых обычаев и традиций. На ренессанс данного политико-правового учения обращают внимание ряд видных российских ученых, например Д. А. Пашенцев [16, 17]. Подход Фридриха Карла фон Совиньи – это поиск баланса социальных интересов: «ограничение естественных свобод (лица или собственности) должно быть допускаемо и охраняемо юридическими институтами не свыше действительных потребностей гражданского оборота» [18, с. 7].

Правовая традиция России полинациональна и поликонфессиональна, неизбежно «народный дух» трактуется шире – как нравственно-цивилизационное единство. «Забвение про живого человека, про товарища в общем мировом существовании, способного на чувство страдания, вменяет в ничто и ум, и талант судебного деятеля, и внешнюю предполагаемую полезность его работы!» [12, с. 51]. А. Ф. Кони обличает безнравственность механистического понимания прогресса: «для оправдания своих действий недостаточно сослаться на

обязанность каждого человека содействовать развитию общества уничтожением вредных общественных явлений; необходимо... иметь... факты, доказывающие, что взгляд... солидарен со взглядом общества» [10, с. 131–132].

С данных позиций особую ценность получает мнение И. А. Ильина, что только сильное государство, опираясь на нравственность, способно адекватно защищать права человека. «Государственная власть есть именно благая сила и духовная сила, но именно поэтому ее жизненная успешность определяется ее духовной правотой и ее благородством» [9, с. 144].

Показательно, что наиболее успешный период в истории российского правосудия – «Судебные Уставы» 1864 г. и деятельность пореформенного суда 1866–1917 гг., связан именно с особым, можно даже сказать с трепетным отношением реформаторов к нравственному началу в деятельности суда. Например, бурные дебаты были связаны в связи с определением нравственной границы допустимой в деятельности адвоката (присяжного поверенного) по «ведению неправых дел» – дело бывшего помощника присяжного поверенного Н. Элькина и последующая длительная тяжба между защитниками обеих сторон по делу – присяжными поверенными А. В. Лохвицким и С. П. Ордынским.

В ходе развернувшейся общественной дискуссии о данном деле писали многие видные юристы того времени – Г. А. Джаншиев [5, с. 18–26], Д. И. Невядомский [15], И. В. Гессен [2, с. 312–333]. Характерно, что в длительном разбирательстве с участием окружного суда, судебной палаты, совета присяжных поверенных и Сената, в итоге торжествовал именно подход на основе приоритета нравственного императива, даже высшему судебному органу империи – Сенату пришлось признать ошибочность первоначальной формализованной позиции и пересмотреть уже сформированный судебный прецедент [14, с. 19–20; 22, с. 61–62].

Не менее высокие требования чем к адвокатам применялись и чинам «коронного» суда, в том числе прокуратуры и следствия, к мировой юстиции, нотариату, судебным приставам, кандидатам на должности по судебному ведомству и формирующейся экспертной службы, т. е. ко всем, кто был отнесен законом к судебной системе. По замечанию А. Ф. Кони «В практическом служении судебного деятеля правовые и нравственные требования должны сливаться, и в творимом им высоком деле ему следует руководствоваться... безусловными и вечными требованиями закона нравственного» [13, Послесловие с. 13].

Глубоко нравственный характер носило и широкое применение в праве Российской империи правового обычая, гарантировавшего защиту прав национальных и религиозных меньшинств, различных сословных этно-социальных групп [21, с. 350–357]. Примеры «правового плюрализма», веротерпимости и легализации местного обычая в имперском подходе к организации суда на окраинах империи отмечает В. М. Деревскова [4, с. 26].

К пятидесятилетию судебной реформы Э. Н. Берендтс писал о, несомненно, благотворном ее влиянии на общественную нравственность: «Противники [судебной реформы] забывали, что ранее выходявшие сухо и невредимо из всякого, даже очень грязного дела тузы, как Овсянников, такие натуры как Юханцев, такие воротилы, как герои Скопинского или Кронштадтского банков не избегали кары. Русское общество с должным уважением относилось к этому судебному беспристрастию, которое не считалось с связями и богатством» [1, с. 723]. Не случайно в переломный период гражданской войны 1917–1922 гг. практически все антибольшевицкие правительства, пытаясь привлечь население на свою сторону, активно предпринимали попытки по возрождению судебной системы, возобновляя деятельность ранее существовавших или создавая новые окружные суды, судебные палаты и даже Сенаты [19; 20].

Именно нравственность является основой национальной правовой идеи российского государства, а «вестернизация» права и суда населением зачастую отвергается, именно по причине их бессовестного характера. Наибольших же успехов правосудие в России добивалось в те периоды, когда удавалось создавать законы и суды «благочинные» и «совестные», не по названию, а по сути. Вслед за признанием населения, такой судебной системе приходило и международное признание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берендтс Э. Н. Влияние судебной реформы 1864 г. на государственный и общественный быт России / Э. Н. Берендтс // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. В 2 т. Т. 2. – Петербург : Сенат. тип., 1914. – С. 707–797.
2. Гессен И. В. Адвокатура, общество и государство (1864–1914) / И. В. Гессен – Москва : Изд-во советов присяж. повер., 1914. – 672 с.

3. Гуляихин В. Н. Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового прогресса / В. Н. Гуляихин // *ВВ : Вопросы права и политики*. – 2013. – № 3. – С. 221–238.
4. Деревскова В. М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. / В. М. Деревскова // *Сибирский юридический вестник*. – 2014. – № 4 (67). – С. 21–28.
5. Джаншиев Г. А. Ведение неправых дел: этюд по адвокатской этике / Г. А. Джаншиев. – Москва : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1886. – 53 с.
6. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. И. С. Перетерский // *Памятники римского права : учеб. пособие*. – Москва : Зерцало, 1997. – 608 с.
7. Документы истории Великой французской революции. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. А. В. Адо. – Москва : МГУ, 1990. – 527 с.
8. Захарцев С. Н. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии / С. Н. Захарцев, В. П. Сальников // *Правовое государство: теория и практика*. – 2015. – № 2 (40). – С. 14–22.
9. Ильин И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – Мюнхен : Тип. обители преп. Иова Почаевского, 1956. – 223 с.
10. Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич / А. Ф. Кони // *Собр. соч. В 8 т. Т. 2*. – Москва : Юрид. лит., 1967. – С. 24–252.
11. Кони А. Ф. Дмитрий Александрович Ровинский (1824–1895) / А. Ф. Кони // *Собр. соч. В 8 т. Т. 5*. – Москва : Юрид. лит., 1968. – С. 5–109.
12. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / А. Ф. Кони // *Собр. соч. В 8 т. Т. 4*. – Москва : Юрид. лит., 1967. – С. 33–69.
13. Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы : к пятидесятилетию судебных уставов : 1864 – 20 ноября – 1914 / А. Ф. Кони. – Москва : Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1914. – 296 с.
14. Макаров С. Ю. Распространение действия этических требований, установленных к адвокатской деятельности, за пределы профессиональной деятельности адвокатов / С. Ю. Макаров // *Актуальные проблемы российского права*. – 2017. – № 11 (84). – С. 16–22.
15. Невядомский Д. И. Вечные вопросы адвокатуры: по поводу «Этюда по адвокатской этике» гр. Джаншиева / Д. И. Невядомский. – Москва : Типо-лит. М.И. Нейбюргер, 1886. – 61 с.
16. Пашенцев Д. А. Историко-правовая наука перед вызовом постнеклассической научной рациональности / Д. А. Пашенцев // *История государства и права*. – 2021. – № 3. – С. 75–80.

17. Пашенцев Д. А. Наука истории государства и права в условиях постнеклассической научной рациональности / Д. А. Пашенцев // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Междунар. науч. конф. – Омск : ОмГУ, 2021. – С. 389–392.

18. Савиньи Ф. К. Обязательственное право / пер. с нем. В. Фукс, Н. Мандро / Ф. К. Савиньи. – Москва : Тип. А. В. Кудрявцевой, 1876. – 620 с.

19. Сапунков А. А. Институт Судебных палат в правовой системе белогвардейских правительств: 1917–1920 гг. / А. А. Сапунков // Вестник Омского университета. Сер.: Право. – 2013. – № 3 (36). – С. 43–48.

20. Сапунков А. А. Институт судебных палат в годы революции (1917–1920 гг.) / А. А. Сапунков // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта за 2012 год : материалы конф. проф.-препод. состава СибГУФК по итогам работы за 2012 г. – 2013. – С. 185–190.

21. Сапунков А. А. Правовой обычай в современном праве / А. А. Сапунков, Э. М. Малева // Социальные институты в правовом измерении : теория и практика : материалы 3-й Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : ИГУ, 2021. – С. 350–357.

22. Сапунков А. А. Роль судебных палат в судебном правотворчестве Российской империи второй половины – начала XX века / А. А. Сапунков // Российский судья. – 2016. – № 4. – С. 59–63.

23. Chalmers D. J. European Union law: text and materials / D. J. Chalmers. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. – 1235 p.

Информация об авторе

Малева Элина Михайловна – старший преподаватель университета «Кластер», г. Омск, linucija@yandex.ru.

Information about the author

Maleva, Ellina M. – Senior lecturer of the Omsk University «Cluster», linucija@yandex.ru.

**К 100-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА НИЖЕЧЕКА,
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА,
ЗАСЛУЖЕННОГО ЮРИСТА РФ:
ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ НИЖЕЧЕКЕ
КАК ЧЕЛОВЕКЕ, УЧЕНОМ, ПЕДАГОГЕ, ОТЦЕ**

Рассматриваются вопросы профессиональной и общественной деятельности В. И. Нижечека в период его работы на юридическом факультете ИГУ и в Иркутском институте (филиале) Российской правовой академии Министерства юстиции России.

Ключевые слова: В. И. Нижечек, ученый, юридическая наука, педагог, руководитель.

Е. V. Nizhechek

**TO THE 100TH ANNIVERSARY OF VLADIMIR ILYICH
NIZHECHEK, DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HONORED
LAWYER OF THE RUSSIAN FEDERATION:
MEMORY OF VLADIMIR ILYICH NIZHECHEK AS A PERSON,
A SCIENTIST, TEACHER, AND FATHER**

Issues of professional and social activities of V. I. Nizhechek during his work at the Law Faculty of IGU and at the Irkutsk Institute (branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia are considered.

Keywords: V. I. Nizhechek, scientist, legal science, teacher, supervisor.

9 сентября 2021 года – 100 лет со дня рождения В. И. Нижечека. Это особенная дата, и очень приятно, что она не прошла бесследно и все, кто знал Владимира Ильича, учился у него, читал его труды, был его коллегой, имели возможность вспомнить и почтить его память.

Биография каждого человека включает в себя множество различных периодов с рождения и до смерти – это и обычные бесчисленные дела и достижения, которые могут быть незаметными или быть известными всем. Но это все говорит о конкретном человеке, о его отношении ко всему происходящему вокруг. Жизненный путь В. И. Ни-

жечека нельзя назвать легким. В разные периоды его жизни встречались преграды, но он всегда предпринимал все то, что помогало ему их преодолеть.

Родители В. И. Нижечек познакомились на иркутской земле, где Илья Нижечек находился на службе в Красной армии (нач. культпросветотдела 35-й дивизии) и выступал перед красноармейцами, а его избранница Галина Попова работала учительницей. Вскоре после рождения сына, в 1922 г., в связи с переводом отца семья переезжает в Смоленск, затем в Москву, где Илья Нижечек служил в военно-политическом училище, а далее был вновь перевод в Ленинград, где мой дед, т. е. отец Володи, стал заместителем начальника Военно-политической академии им. Толмачева. Служба проходила хорошо, но, к сожалению, все изменилось, когда по ложному доносу (как было позднее установлено), 19 февраля 1937 г. Илья Нижечек был арестован. В связи с этим для членов семьи были определенные запреты. Более того, Володя с мамой были предупреждены о возможных последствиях в связи с арестом Ильи Нижечека и они спешно уехали из Ленинграда в г. Усолье-Сибирское Иркутской области.

Лишь позднее стало известно, что дивизионный комиссар И. С. Нижечек, арестованный по доносу, как многие военнослужащие от Маршала Советского Союза до рядового красноармейца, 30 августа 1937 г. был приговорен к расстрелу. В 1959 г. Г. П. Нижечек и папе пришли документы, подтверждающие, что Военной Коллегией Верховного Суда СССР 14 января 1959 г. дело было пересмотрено, приговор отменен и Илья Нижечек посмертно реабилитирован.

В 1939 г. после окончания школы В. Нижечек мечтал поступить в МГУ на философский факультет или на факультет международных отношений, но планы уже не могли осуществиться и Владимир после окончания средней школы поступил в Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова.

Студенческая жизнь начиналась хорошо, он на отлично сдал зимнюю сессию и собирался по путевке студенческого профкома в дом отдыха. Изменилось решение после комсомольского собрания, которое срочно собрали только для юношей. Уже шла война с Финляндией, комсомольцы, в том числе Владимир Нижечек, добровольцами вступили в Красную Армию и записались на фронт. После занятий по стрельбе, лыжной подготовке в составе лыжного батальона в г. Костроме он был отправлен на советско-финский фронт, но прибыл туда в день заключения мира с Финляндией.

Так В. И. Нижечек стал красноармейцем в декабре 1939 г., а с апреля 1940 г. проходил службу в учебном полку в г. Сталиногорске (ныне Новомосковск, Тульской области). Там он сдал экзамены на должность командира 45-мм противотанкового орудия и ему было присвоено звание сержанта.

В апреле 1941 г. в составе команды был направлен в Польшу, в поселок Валилы (около г. Белостока), где вблизи демаркационной линии (временной границы) с Германией формировалась противотанковая артиллерийская бригада Западного Особого Военного округа. Именно здесь в 4:30 утра застало папу начало войны. Папа рассказывал, что именно этот участок фронта попал в окружение, выйти из которого удалось очень немногим в район Могилева в начале июля. Позднее он был зачислен в артиллерийский полк, создаваемый из вышедших из окружения на должность старшины батареи.

В октябре 1941 г., когда немцы развернули наступление на Москву, часть, в которой служил папа, попала в окружение. Для папы оно было уже вторым окружением, после которого, пройдя спецпроверку в органах НКВД, он был зачислен на должность старшины батареи в артиллерийский полк 178 стрелковой дивизии. В составе этой части принимал участие в зимнем наступлении 1941 г. Папа вспоминал, что фронт стабилизировался на рубеже между Воронежем и Курском (станция Щигры) и они были в обороне до лета 1942 г.

Из воспоминаний папы: «Развернув наступление на Сталинград, немцы прорвали оборону на нашем участке фронта, и наша дивизия полностью попала в окружение». Это было 3-е окружение, в которое попала дивизия, где служил папа. Выйдя из него и пройдя спецпроверку в органах НКВД, папа был направлен в так называемый «Б-Т центр» (станция Петушки под Москвой), где формировался 66 танковый корпус, и получил назначение на должность старшины батареи в артиллерийский дивизион.

В составе этого корпуса папа участвовал в боях в Полтавской области, под Кременчугом, в Молдавии, Румынии, Чехословакии.

Папа нам не рассказывал подробно о войне, о тех днях, тяжелейших боях, условиях жизни, ранениях, о том, что контузия, которая была указана в военном билете была не одна, и ему пришлось долго находиться в госпиталях, то в Воронеже, то в Курске. И только через длительное время здоровье стало восстанавливаться. Это стало известно из его писем к моей бабушке, папиной маме, которые найдены были уже после ее ухода из жизни, так как она их бережно хранила.

Таким образом, папина мама дала возможность нам, детям, внукам, из писем ее сына узнать, как фронтовик в перерывах между боями старался ее подбодрить, узнавать о ее жизни, здоровье, как беспокоился о ней.

О переписке с фронта со своей мамой, Галиной Павловной, папа не рассказывал, но обмолвился, что некоторые письма от бабушки, т. е. своей мамы, сохранились.

Письма были не только с фронта, а из мест службы в Красной Армии до начала войны. Они отличались от тех, которые папа писал позднее, в годы войны и после ее окончания, до демобилизации в июле 1946 г. В годы войны, начиная с июля 1941 г., папа использовал каждую возможность отправить весточку. Иногда это были очень краткие письма или открытки. Это был долгий период (более 7 лет), когда мой отец и его мама не виделись.

В письмах помимо всех вопросов к маме о ее жизни, здоровье, мой папа, Владимир Ильич, постоянно спрашивал о том, что известно о судьбе его отца, о котором они ничего не знали с 19 февраля 1937 г. Папа писал, что он очень обеспокоен и скучает о своем отце.

Из содержания писем я поняла, что были сбои в сроках их получения и такие долгие перерывы (8 месяцев, более 1,5 лет и даже большей продолжительности), когда не было возможности отправить матери письмо. Поэтому первые письма после перерыва пронизаны болью от отсутствия связи с родными, неизвестности о судьбе мамы и о том, жива ли она, оценкой ситуации и уже восстановившегося здоровья после ранений, контузий. Ранее из писем, датированных 1942, 1943 гг., видно, что папа давал советы своей маме в далекой Сибири в эти трудные дни. Он писал о том, «что не все же время будут неприятности, надо смотреть на это как на проходящее явление», просил не замыкаться, не терять связи с друзьями и знакомыми, беречь здоровье. Эти слова он написал в 1941 г. Многие в письмах папы меня поразило. Я еще раз смогла убедиться в том, что папа был мудрым человеком с молодых лет. В письмах, написанных в 1946 г. из Днепропетровска, папа отметил, что пришлось многое пережить, пройти, повидать, много передумать. Далее папа писал: «несмотря на то, что служба последнее время была все время связана с переездами, на колесах, буквально исколесил пол-Европы, но, что бы не происходило там – все равно тянуло на Родину».

В письмах 1946 г. папа уже делился планами на будущее, высказывал мысль о том, что потеряны годы и надо «наверстывать» упущенное и учиться, чтобы заняться полезным делом «на гражданке».

После прочтения того или иного письма папы бабушке было впечатление, что не было тех страшных дней, ужаса, гари, грохота боев, через которые прошли эти молодые красноармейцы, не было ощущения того, с чем на самом деле сталкивались бойцы.

Так, папа, вступив Красную Армию в конце 1939 г., а с первого дня являясь участником Великой Отечественной войны с 20 лет, сражался в рядах Западного, Брянского, Степного, 2-го Украинского фронтов. Весной 1945 г. он был контужен и попал в полевой госпиталь около оз. Балатон в Венгрии, г. Сольнок.

В мае 1945 г. после выздоровления был направлен на службу в 249-й полк НКВД, где был назначен на должность командира взвода – начальника оперативной группы. Служил в Конвойных войсках МВД СССР. Здесь был принят кандидатом в члены партии, что ранее сделать не мог. Согласно секретной директиве Главного Политического Управления и Главного Управления контрразведки «Смерш» дети и другие близкие родственники «врагов народа» не могли быть назначены на офицерские должности, направлены на офицерские курсы и приняты в партию.

Несмотря на отдельные ограничения возможностей после событий 1937–1938 гг., в дальнейшем со стороны папы не было каких-то обвинений в чьей-либо адрес. Он не ожесточился, не ругал, не обвинял кого-либо, не искал виновных в трагедии 1937 г., в вынужденном переезде из г. Ленинграда в Сибирь, в том, что не получилось получать высшее образование на том факультете, о котором мечтал, и получить те знания, которые ему были необходимы.

Профессиональный путь В. И. Нижечека определился сразу после окончания войны. Закончил он службу старшиной в конце июля 1946 г. в г. Днепропетровске и после демобилизации уже в августе этого же года поступил учиться в Иркутскую юридическую школу и одновременно поступил Иркутский филиал Всесоюзного Юридического Заочного института (ныне МГЮА им. О. Е. Кутафина). Он понимал, что в связи с невозможностью получить знания на философском факультете на лекциях профессоров-философов, в дальнейшем может ликвидировать пробелы в знаниях самостоятельно. Юриспруденция папе была очень близка и интересна.

С 1947 г. Владимира Нижечека в Иркутске отправили на партийную работу в Кировский райком ВКПб, затем в Городском комитете КПСС и оттуда, после завершения учебы в ВЮЗИ в 1950 г., в 1952 г. был избран старшим преподавателем Иркутского финансово-экономического института (ныне Байкальский государственный университет). Когда Владимир Ильич пришел работать в вуз, он получил возможность воплощать свой творческий потенциал на практике и написал уже первые статьи.

В 1958 г. после избрания на должность перешел работать на юридический факультет Иркутского госуниверситета им. А. А. Жданова.

Склонность к исследованию, к научной деятельности проявилась еще во время учебы. Будучи личностью творческой, он всегда пытался разобраться в различных научных теориях и в связи с этим он очень много времени отдавал чтению философской литературы, работам политических деятелей, работам ученых по разным вопросам и проблемам права, идеологии, государства. Все это помогало Владимиру Ильичу определиться с кругом вопросов для исследования. В дальнейшем, когда были уже определенные результаты, папа не остановился на достигнутом, и продолжал реализовывать свои планы.

Никогда не удивлялась тому, что на рабочем столе в кабинете всегда были разные книги с закладками, с записями, папиным тезисами. Затем появлялись статьи, работы по интересующей его теме. Он любил писать, как он сам говорил, *«чтобы будущие поколения могли читать»*.

После защиты кандидатской диссертации папа не стал делать перерыв. Он продолжал вести плодотворную научно-исследовательскую работу. В течение ряда лет занимался разработкой темы «Правовое регулирование в системе нормативного регулирования общественных отношений в СССР». По этой теме подготовлена была и докторская диссертация. Монография «Советское право в системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений» до сих пор интересна ученым, по их отзывам она представляет собой полное, комплексное исследование системы права и системы нормативного регулирования общественных отношений.

Все это позволило назвать Владимира Ильича ученым, который внес немалый вклад в науку и развитие вопросов о теории права и государства.

О работе папы можно говорить бесконечно, поскольку он ей занимался все время. После рабочего дня, после лекций и другой работы

на факультете, его всегда можно было дома видеть за рабочим столом в кабинете, он писал, печатал, читал, а значит, в доме в это время должна быть тишина. Когда папа полностью уходил в работу, его лучше было не беспокоить. Лишь после ее завершения с удовольствием играл в интеллектуальные игры, особенно в шахматы, играя с другом или соседом по дому, занимался своей коллекцией интересных марок, театры были частью их с мамой жизни. Папа много времени проводил за чтением, причем любил не только художественную, но и очерки политических деятелей, военачальников, что давало возможность ему давать оценку разным событиям, действиям.

Отдельно можно сказать о папе как педагоге. Здесь можно подчеркнуть гармонию души в науке и преподавании. Несмотря на эрудированность В. И. Нижечека, человека, читавшего в подлинниках работы многих философов, известных юристов, экономистов и других ученых, работы классиков марксизма-ленинизма, он преподносил студентам материал в очень доступной форме. Студенты всегда отмечали интересное и простое изложение сложных теоретических вопросов. Все папины ученики, вспоминают его умение давать тезисное изложение материала. Мои однокурсники все до сих пор вспоминают, что «Владимир Ильич читал интереснейшие лекции, приводил на память извлечения из разных актов, работ ученых, политических деятелей, запоминающиеся примеры». Он умел так логически выстроить новую тему, что его студенты, слушатели, пользуясь тезисами лекции, при подготовке к экзамену могли восстановить прослушанный материал.

Для того чтобы студенты не теряли нить на лекции, не отвлекались и «не улетали» в мыслях далеко, а это иногда неизбежно бывает, причем независимо от формы обучения, студенты, конечно, уставали, и В. И. Нижечек всегда делал какую-то паузу, реплику, что-то рассказывал, пояснял, первокурсник либо пятикурсник сразу был бодрее и опять продолжалась работа на лекции.

Несмотря на то что Владимир Ильич был достаточно строгим преподавателем, предъявляющим высокие требования к уровню подготовки студентов, он пользовался уважением и авторитетом в студенческой среде. На занятиях он строго требовал, а на экзаменах, на защите дипломной работы был лояльным, всегда шел студентам навстречу.

Этому папа научил не только молодых членов кафедры, но и меня, когда я пришла работать на факультет, как ранее привил любовь не только к профессии, но и к преподавательской деятельности.

Много добрых слов говорят в адрес папы как о руководителе кафедры, затем руководителе Института (филиала) РПА МЮ РФ. Возглавляя на протяжении длительного времени кафедру теории и истории государства и права, Владимир Ильич сумел создать творческий коллектив, некий монолит. Основная мысль о создании сплоченной кафедры, где все молодые преподаватели писали бы работы и защищали диссертации, была воплощена в жизнь, создание кафедры теории и истории государства и права с составом профессионалов удалось.

Очень приятно было слышать отзывы Р. Л. Хачатурова, что именно В. И. Нижечек открыл всем молодым членам кафедры дорогу в науку, дал зеленый свет, показал пример работы с научной литературой, ее подбором, поиском вопроса, которому следовало уделить внимание. Отзывы членов кафедры, его учеников подтверждают, что Владимир Ильич был требовательным, иногда строгим, но заботливым и в то же время доброжелательным и готовым оказать всяческую помощь, а если критиковал, то за дело.

Отдельной заслугой папы Рудольф Левонович считает и то, что В. И. Нижечек научил его, например, руководить кафедрой, создавать на кафедре благоприятный климат, в котором всем бы хотелось работать с удовольствием. Владимир Ильич оказывал помощь диссертантам, радовался их победам.

Под руководством В. И. Нижечека и благодаря его настойчивости три человека стали докторами юридических наук, шесть – кандидатами юридических и исторических наук, практических работников, руководителей вузов, его ученики трудятся по всей стране.

Рудольф Левонович Хачатуров в беседе со мной отметил, что Владимир Ильич дал ему очень ценные советы по выбору тем для написания диссертаций, по методике подготовки кандидатских и докторских диссертаций. Рудольф Левонович воспользовался рекомендациями В. И. Нижечека и, работая со студентами первого курса, выбирал среди них тех, у кого потенциал и желание заниматься наукой, исследованиями, а после дипломной работы обсуждали тему кандидатской диссертации, которая могла бы перерасти в докторскую диссертацию. Таким образом, Рудольф Левонович подготовил 37 кандидатских и 5 докторских работ.

Папа всегда сам очень много работал, читая лекции и в институте, и в университете, и в дальнейшем в филиале РПА Минюста РФ, и, кроме учебных лекций, в свободное от занятий, как правило, вечернее время, читал в Доме политпросвещения, был внештатным лектором

Обкома и Горкома КПСС и руководил методологическим семинаром юристов при Обкоме КПСС. Р. Л. Хачатуров напомнил об этом и во всех папиных документах в ИГУ отмечается активная деятельность В. И. Нижечека по проведению семинаров по повышению идейно-теоретического уровня специалистов, ответственных работников и руководящих кадров и рассмотрению актуальных проблем по организации и деятельности правоохранительных и судебных органов и ведомств.

Кроме работы, были и приятные встречи вне аудиторий, в том числе в доме В. И. Нижечека, который был всегда гостеприимным. Мне запомнилось, как в нашем доме собирались папины друзья и коллеги. Многие ученые, приезжая из других городов на конференции, на ГЭКи, с другой целью также часто бывали не только на факультете, но и у нас дома, где продолжалось их общение. Именно поэтому многих уважаемых ученых я и знала с детства (С. С. Алексеев, Н. П. Фарберов, Н. В. Черноголовкин, А. М. Айзенберг, В. Д. Арсеньев и др.).

В далекие времена, до отъезда в Москву в нашем доме были и З. Г. Крылова с В. А. Пертциком, с их детьми Димой, Гришей я знакома была с детства. Зоя Григорьевна, уже проживая в Москве, когда я была у нее в гостях, всегда с теплотой вспоминала мою маму и подчеркивала значимость той поддержки, которую мама ей оказала после приезда в Иркутск из Москвы.

Если в нашем доме собирались гости, папа всегда оказывал активную помощь маме во время подготовки к встрече.

Родители всегда были рады друзьям, ученикам, коллегам, приходившим в гости. Со своими друзьями с молодых лет М. И. и В. П. Рябцовскими, с Н. Г. и В. И. Гимельштейнами, П. Г. и М. П. Осиповыми, Б. М. и Л. Валеевыми встречи проходили очень интересно и шумно, с обсуждением всех вопросов и событий, обменом впечатлений. Были выезды на природу – в лес, на берег Иркутка, и также атмосфера на этих всех встречах была очень приятной.

Молодое поколение коллег по кафедре также часто бывало у нас: и Р. Л. Хачатуров, сначала один, затем с супругой Людочкой, и его друг Радик Гайкович Ягутян, который после окончания юрфака ИГУ и распределения уехал работать в Тольятти, в прокуратуру. К сожалению, он погиб 11 июля 1994 г. в связи с профессиональной деятельностью. Были в доме всегда рады и В. Б. Коженевскому с супругой Ларисой, Маргарите Яковлевне Протасовой и ее супругу Флориану Ивановичу Манжигееву, они принимали участие в праздничных мероприятиях, были и другие преподаватели, коллеги.

В последние годы, когда на кафедру юридического факультета ИГУ пришла Лариса Яковлевна Подольская, и позднее, когда работала и в филиале РПА Минюста, она была очень дружна с папой и они обсуждали актуальные вопросы о государстве и праве или просто общались на разные темы, так же как и с Генриеттой Николаевной Зобниной – заведующей кафедрой немецкого языка ИГУ, вплоть до ухода папы из жизни.

Очень часто папа общался с Николаем Игнатьевичем Трофимовым, Федором Карловичем Шмидтом, многими другими единомышленниками, со времен совместной работы в ИГУ, встречались, обсуждая серьезные вопросы, проблемы.

Одной из черт характера В. И. Нижечека было, как считали и члены кафедры, и друзья, не равнодушное отношение к чужим проблемам. Папа действительно всегда оказывал помощь знакомым, друзьям, если они в ней нуждались. Члены кафедры тоже приходили в наш дом в любой момент, когда была необходимость получить какую-то помощь или посоветоваться по житейским вопросам. Со слов А. А. Деревнина, богатый опыт руководства кафедрой, жизненный опыт В. И. Нижечека вообще помогали ему, когда он стал преемником на должности заведующего кафедрой теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) РПА Минюста России. Он часто вспоминал его, сталкиваясь с необходимостью решения проблем кафедры.

У папы очень много учеников, причем не только в г. Иркутске, а во всех регионах России и бывшего СССР, и что удивительно, он многих помнил по именам, фамилиям. Работают они в разных структурах, занимают различные должности, но они всегда вспоминают о нем как о «человеке с большой буквы». Несмотря на его требовательность и жесткость как преподавателя, его все любили. С ним можно было беседовать на любую тему. Только о войне папа, как фронтовик, долго не мог и не любил говорить. Но 9 мая, День Победы, был для папы, для В. И. Нижечека, самым важным, и мы всегда собирались вместе в нашем доме.

Пережив многое, в том числе в далекие годы и несправедливость, папа не стал относиться к людям хуже. Он был интеллигент, фундаментально образованный человек и понимал сложившуюся ситуацию и идеологию в прошлые годы, объективно давал этому оценку.

В. И. Нижечек все, за что брался, делал на достойном, высоком уровне. Об этом вспоминают и его ученики, и коллеги, вместе с которыми он развивал новое дело – становление и развитие Иркутского юридического института (филиала) РПА МЮ РФ.

Владимир Ильич Нижечек был фактически вторым директором института (филиала) РПА МЮ России, он сменил О. В. Иванова после отказа последнего от данной работы, но его считают первым директором Иркутского юридического института (филиала) Российской правовой академии министерства юстиции РФ за проделанную работу. Он руководил институтом (филиалом) с 1992 по 2000 г. Основной целью деятельности созданного института в первые годы было повышение квалификации кадров всех работников судов.

Владимир Ильич сначала сомневался, принимать ли приглашение на должность директора филиала, поскольку его всегда привлекала больше научная деятельность, чем административная (организаторская), хотя определенный опыт у него был – он занимал должность заведующего кафедрой теории государства и права на юридическом факультете Иркутского государственного университета. Но сомнения быстро развеялись, и он активно вошел в работу. Серьезную поддержку оказывали практикующие юристы, в том числе Н. Г. Кулик – заслуженный юрист РФ, занимавший пост начальника Главного управления юстиции по Иркутской области, затем председатель Октябрьского районного суда Иркутска, председатель совета судей Иркутской области, Г. В. Елфимова – заслуженный юрист РФ. В. И. Нижечек начал с того, что подобрал преподавательский состав высокого уровня.

Как отмечает Л. Я. Подольская, Владимир Ильич сумел собрать творческий преподавательский коллектив. Несмотря на то что в это время работали почасовики, он вел штучный отбор университетских преподавателей и ведущих практиков, в результате с первых дней работы Иркутский филиал занял ведущее место среди филиалов Российской правовой академии.

Отзывы о деятельности филиала РПА МЮ РФ распространялись быстро и желающих учиться в филиале РПА на курсах и на заочном отделении было много, приезжали из многих регионов от Красноярского края до Камчатки и с центральной части России, в том числе и из Москвы.

Успешные результаты деятельности филиала определялись и личностным практическим вкладом В. И. Нижечека, Н. Г. Кулика. С учетом положительных отзывов о деятельности Иркутского института

(филиала) РПА Минюста, сохраняя курсы по повышению квалификации судей, работников судов, судебных исполнителей, нотариусов, добились права на подготовку специалистов с высшим юридическим образованием на заочном отделении.

Серьезную поддержку Иркутскому филиалу РПА МЮ РФ в момент становления оказывали и другие папины ученики. Так, например, Издательская Книжная фирма «Махаон» оказывала содействие в издании методической литературы, других документов для студентов и для слушателей Юридического института (филиала). Помощь предложила работающая в фирме Л. Н. Батьянова, бывшая студентка папы, которая училась на юридическом факультете ИГУ в конце 60 – начале 70-х гг.

Так, Л. Н. Батьянова, вспоминает, что всегда относилась с большим уважением к папе, к своему учителю на юрфаке, но когда он окликнул ее по имени в аэропорту г. Москва, где вместе ждали вылета в г. Иркутск, она поразила его памяти, так как прошло уже 20 лет. Из разговора узнала о цели командировки Владимира Ильича, об открытом филиале РПА Минюста, о его развитии. Позднее уже Людмила Николаевна сделала предложение о подготовке в Издательской Книжной фирме печатных изданий для филиала РПА.

Из воспоминаний учеников и коллег Владимира Ильича Нижечека: «Несмотря на преклонный возраст, проблемы со здоровьем у Владимира Ильича сохранились в этот период его жизни такие качества, как жизнелюбие, оптимизм, стремление к активной деятельности». Действительно, практически до последних дней жизни папа знакомился с новейшей литературой, руководил дипломниками, был членом государственной экзаменационной комиссии.

Мне, как дочери, хочется отметить, папа никогда специально не учил, как надо жить, основные жизненные позиции или принципы определялись сами. Глядя на моих родителей, понимали, что все достигается трудом, отношения между людьми строятся на основе дружбы, доброжелательности, чтобы не было разочарования и предательства. С последним, как многим людям, приходилось сталкиваться и это воспринималось тяжело.

До сих пор иногда возникает такое чувство, что Папа, Владимир Ильич, рядом и занимается своим любимым делом. Наверное, так будет всегда.

Я испытываю чувство гордости за своего отца и благодарна ему за все, что делал он, в том числе для меня и близких людей.

Считаю, папа заслужил, чтобы его и его дела помнили, решение вопроса и открытие 13 октября 2011 г. мемориальной доски на здании Института (филиала) РПА МЮ РФ подтвердили это.

Информация об авторе

Нижечек Елена Владимировна – старший преподаватель Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), nijechek@mail.ru.

Information about the author

Nizhechek, Elena V. – senior lecturer, Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia), e-mail: nijechek@mail.ru.

АНАЛИЗ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В статье рассмотрены и проанализированы основные подходы к пониманию юридического процесса. Рассмотрены основные подходы к определению юридического процесса – широкий и узкий подходы. Приведены мнения сторонников узкого и широкого подхода к определению юридического процесса, а также их критические доводы и замечания относительно мнения сторонников противоположной точки зрения. В статье подчеркивается тесная связь материального и процессуального права с вниманием к тому и другому подходу. Эта взаимосвязь заключается в предмете, методе правового регулирования, цели применения норм материального и процессуального права, а также процессуальной форме. Данная форма присутствует не только в процессуальных отношениях, но и в материальных, и она может видоизменяться под требование субъекта правоотношения. Вопрос о процессуальной процедуре также освещен в статье.

Ключевые слова: юридический процесс, узкий и широкий подходы, материальное право, процессуальное право, понятие юридического процесса.

N. S. Romanenko

ANALYSIS OF THE SCIENTIFIC DISCUSSION REGARDING THE APPROACH TO UNDERSTANDING THE LEGAL

The article discusses and analyzes the main approaches to understanding the legal process. The main approaches to the definition of the legal process are considered, a broad and narrow approach. The opinions of supporters of a narrow and broad approach to the definition of a legal process, as well as their critical arguments and comments regarding the opinions of supporters of the opposite point of view, are presented. The article emphasizes the close connection of substantive and procedural law with attention to both approaches. This relationship lies in the subject matter, the method of legal regulation, the purpose of applying the norms of substantive and procedural

law, and also a procedural form. This form is present not only in procedural relations, but also in material ones, and it can be modified under the requirement of the subject of legal relations. The issue of the procedural procedure is also covered in the article.

Keywords: legal process, narrow and wide approaches, substantive law, procedural law, the concept of a legal process.

В начале XIX в. в правовой науке две отрасли права в виде материального и процессуального рассматривались как зависимые.

Причем зависимым было не материальное от процессуального, а процессуальное от материального права. А сложилось это потому, что в то время в науке господствовала материально-правовая теория права на иск. Она установила, что иск как важнейший инструмент защиты нарушенных прав и свобод является принадлежностью материального права и служит для его защиты, а право на иск это проявление нарушенного материального права.

Данная теория в первую очередь коснулась уголовного процесса, где акт обвинения рассматривался как уголовный иск. В свою очередь такие ученые, как Вехтер, рассматривали уголовный процесс как составляющую часть уголовного права, где уголовное право называли материальным, а уголовный процесс формальным уголовным правом [8, с. 14].

Самостоятельным процессуальное право стало от материального лишь к началу XX в. Процессуальное право в виде гражданского и уголовного процесса рассматривалось как институт публичного права, а гражданское право и уголовное право – как институт частного права.

В юридической науке подчеркивалось существование самостоятельного предмета правового регулирования в гражданском процессе и наличие определенных самостоятельно решаемых процессуальных задач.

Н. Н. Розин указывал, что предметом науки процессуального права является деятельность государства по разрешению споров о праве, по установлению и охране действительного права. Единственным органом, на который государство возлагает задачу по разрешению спора о праве, независимо от того, о каком праве идет спор, является суд [9, с. 25].

К началу XX в. процессуальное право связывалось с правоохранительной деятельностью суда и началось становление новой отрасли

в юридической науке, предметом изучения которой стало процессуальное право.

В дальнейшем изменения, которые сопровождали уголовный и гражданский процесс и процессуальное право в целом, трансформировались в отдельную самостоятельную научную концепцию. В этой концепции процесс рассматривался как единая научная дисциплина и наука, построенная на общих принципах, общих задачах и единой процессуальной форме, а отдельные виды процесса, такие как уголовный, гражданский, административный, рассматривались как ветви этой единой науки.

Благодаря этой концепции сформировался первый научный подход по отношению к юридическому процессу – узкий подход.

В известной работе отечественных ученых – Н. Н. Полянского, В. М. Савицкого, М. С. Строговича, А. А. Мельникова «Проблемы судебного права» [7, с. 3] были отражены идеи общности всех традиционных процессов, в первую очередь уголовного и гражданского процесса.

Сутью данного подхода является то, что его сторонники стремились обосновать существование комплексной отрасли судебного права через общность уже существующих самостоятельных процессуальных отраслей права, наличие у каждой отрасли самостоятельного кодекса и процессуально-процедурных норм, регулирующих организацию судопроизводства и осуществления правосудия.

Однако со стороны теоретиков права и процессуалистов концепция судебного права была подвергнута критике.

По мнению Р. Е. Гукасяна и П. Ф. Пашкевича, у судебного права отсутствует единый предмет и метод правового регулирования. Создание единой правовой отрасли судебного права ведет к отрицанию существенных различий между уголовным и гражданскими процессами. Они в свою очередь отличаются по предмету правового регулирования, задачам и процессуальным формам [5, с. 141].

Данные ученые считали, что непринятие концепции судебного права произошло из-за того, что ее сторонники говорят о существовании в системе права комплексной отрасли судебного права. И при этом никак не раскрывают предмет данной отрасли права и метод правового регулирования процессуальных общественных отношений, а указывают лишь на общность организации и деятельность судебных органов.

То, что разные отрасли права выполняют функцию правосудия, свидетельствует о том, что деятельность судебных органов является универсальной, а судебное право исследует природу суда, его структуру и организацию деятельности, но не раскрывает механизм регулирования процессуальных отношений за пределами судебного процесса.

По мнению некоторых ученых, процессуальное право составляет часть предмета теории судебного права, так как процессуальное право – это есть совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе осуществления правосудия или в связи с деятельностью, подготавливающей осуществление правосудия [7, с. 17].

Понимание процессуального права как специфической формы судебной деятельности является традиционным. И его поддержали такие сторонники традиционного понимания процессуального права, как Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников. Они отмечали, что отношения, возникающие при осуществлении правосудия, весьма специфичны, так как им присущ особый субъектный состав и содержание. По их мнению, суд выступает в качестве участника процессуальных отношений и представляет собой особый орган государства, отличный от других правоохранительных органов своей правовой природой, местом в механизме правового регулирования, принципами, формами, методами деятельности.

Самый главный недостаток узкого подхода по отношению к юридическому процессу, на наш взгляд, – это полноценное позиционирование юридического процесса как деятельности только суда и судебных органов без внимания к несудебным формам юридической деятельности.

Второй недостаток данного подхода – это не акцентирование внимания и не выделение признаков такой деятельности и их раскрытие, а внимание к общим принципам деятельности суда и схожести организации процесса в уголовном и гражданском процессе. В связи с этим метод правового регулирования процессуального права связывается с процессуальными принципами: законности, объективной истины, диспозитивности, состязательности, устности, гласности и процессуального равноправия.

Также как часть данного метода рассматривается процессуальная правоспособность и дееспособность. Это, на наш взгляд, кажется не

совсем верным, поскольку такое понятие как правоспособность вообще является родовым понятием, связанным с правовым статусом будущего субъекта правоотношения и связано либо с его рождением, либо с его регистрацией.

Дееспособность зависит от многих объективных и субъективных факторов возникновения. Эти два неотъемлемых элемента правового статуса субъекта правоотношения можно отнести и к методу материального права, и к методу процессуального права. Это еще одно общее основание, указывающее на сходство материальных правоотношений и процессуальных правоотношений.

Но это не раскрывает различий и не подчеркивает особенностей процессуальных правоотношений, на что указывают сторонники узкого подхода к юридическому процессу.

Таким образом, можно сказать, что юридический процесс – это не только деятельность суда и правоохранительных органов, а любая юридическая деятельность в ее различных формах, и никаких особых различий между ними нет. Поскольку в любой деятельности будет свой особый субъективный состав, свои формы правоспособности и дееспособности (общая – материальная или специальная – процессуальная), общие принципы, сходство в предмете или методе правового регулирования такой деятельности, то предпочтительнее смотреть на юридический процесс с точки зрения широкого подхода.

Представители широкого подхода к юридическому процессу пошли дальше в его понимании и подвергли концепцию узкого подхода объективной критике и привели свои доводы.

В 60-е гг. XX в. понятие юридического процесса значительно расширяется, что можно проследить, анализируя советское гражданское процессуальное право.

В. Н. Щеглов и Н. Б. Зейдер подвергли критике прежний взгляд на гражданский процесс как только форму правосудия. Они считали, что гражданским процессом охватывается деятельность не только суда, но и арбитража, нотариата, адвокатуры и третейских судов [3, с. 69; 10, с. 159].

У истоков концепции «широкого» понимания юридического процесса стояли представители административно-правовой и государственно-правовой науки, такие как С. С. Студеникин, Г. И. Петров, А. Е. Лунев, А. И. Ким, В. С. Основин, И. Н. Пахомов, Ю. М. Петров, Д. Н. Бахрах, Н. Г. Салищева.

По мнению сторонников данного направления, изучение юридического процесса, сущность данной концепции заключается в том, что функции процессуального права не ограничиваются только регламентацией принуждения и разрешения споров [4].

И помимо уголовного и гражданского процессов, в системе материальных отраслей права есть процессуальные нормы и институты, на основе которых осуществляется деятельность по применению материально-правовых норм любых отраслей права.

По мнению П. Е. Недбайло, «процессуальная форма присуща любой деятельности по применению правовых норм» [6, с. 22]. Такой же позиции придерживается Л. С. Явич, который отмечал, что процессуальные нормы регулируют также процесс применения гипотез и диспозиций [11, с. 96–97].

Другой ученый, который принял участие в развитии нового направления в понимании и назначении процессуальных форм в общетеоретическом плане, – В. М. Горшенев. Указанный автор полагал, что в системе права существует самостоятельная область – процессуальное право, нормы которого регулируют общественные отношения не только в юрисдикционной области, но и при рассмотрении и разрешении множества судебных дел государственными органами и должностными лицами. По его мнению, процесс присутствует при осуществлении правоприменительной деятельности по реализации материально-правовых норм любых отраслей права, а также наличие или отсутствие процесса необходимо связывать с наличием или отсутствием правоприменительной деятельности [2, с. 16–30].

Нормы процессуального права направлены, как считал В. М. Горшенев, на регулирование общественных отношений в процессе применения материально-правовых предписаний при наличии обстоятельств, требующих данного применения.

Целью применения процессуально-правовых норм является достижение результата преследуемого материально-правовой нормой.

По нашему мнению, широкий подход в понимании и раскрытии юридического процесса более предпочтителен. Он, в отличие узкого подхода, имеет ряд неоспоримых преимуществ.

Первое преимущество – это видимая тесная взаимосвязь между материальным и процессуальным правом чего не скрывают сторонники широкого подхода и наоборот ее поддерживают и развивают.

Второе преимущество – это способность увидеть в любой юридической деятельности элементы правоприменения и правоприменительной деятельности и способность обосновать свою позицию, что юридический процесс практически присутствует в любой деятельности в том или ином виде через применение права.

Третье преимущество – это возможность установить цель действия и применения материальных и процессуальных норм. Где цель деятельности материальных норм – это породить возникновение правоотношения и побудить субъекта действовать, активно преследуя цель, достичь юридически значимого результата. А цель процессуальных норм – способствовать достижению результата преследуемого материальной нормой и регламентировать процесс ее достижения.

Следует также подчеркнуть, что широкий подход допускает существование процесса и в отсутствие правоприменительной деятельности. Это также подчеркивает, что юридический процесс присутствует и в правотворчестве, и в надзоре, и в контроле за юридической деятельностью и облекается в необходимую форму для законодателя или контролирующего органа. Это подчеркивает гибкость и способность к видоизменению юридического процесса как динамичного правового явления

Однако и концепция «широкого» понимания юридического процесса подверглась критике. Так, С. С. Алексеев, видел назначение процессуальной формы в регламентации принуждения в области правосудия при разрешении уголовных и гражданских дел. Он отмечал, что расширение понятия процессуальной формы приведет к постепенному исчезновению из понятия процессуального права того содержания, которое вложили в него законодательство, юридическая практика и правовая традиция [1, с. 123]. Вместе с тем С. С. Алексеев считал, что необходимо введение категории «юридическая процедура», которая охватывала бы всякую длящуюся деятельность.

Позволим себе не согласиться с мнением С. С. Алексеева, поскольку процессуальная форма как явление способна к видоизменению. Процессуальная форма – это урегулированный нормами процессуального права порядок организации и осуществления юридической деятельности.

Различные общественные отношения требуют применения соответствующей процессуальной нормы для организации деятельности субъекта и реализации им своих прав и обязанностей, а также установления его правового статуса в этих отношениях. Поэтому расширения

понятия процессуальной формы может иметь положительную оценку, поскольку в данном случае мы говорим об одновременном применении норм материального и процессуального права.

Относительно введения в юридическую терминологию такой категории, как юридическая процедура, а она имеет место быть и даже порой бывает необходима и полезна, но все-таки не может охватить собой такое понятие, как деящаяся деятельность.

По нашему мнению, юридическая процедура – это все-таки определенный алгоритм действий, промежуточное звено между стадиями юридической деятельности с фиксацией промежуточных результатов, итогов и юридических фактов.

В завершение сказанного следует отметить, что сформировалось два подхода в понимании юридического процесса – узкий и широкий. В центре узкого подхода находится общность уже существующих в качестве самостоятельных отраслей в отечественном праве, в том числе и по признаку наличия самостоятельного кодекса уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права. Процессы объединяются с группой материально-правовых норм, регулирующих судоустройство. Следовательно, первичным является не признак материального-процессуального, а признак осуществления судопроизводства.

В центре широкого подхода внимание уделяется применению норм материального права и процессуального права и правоприменительной деятельности различных субъектов права с различными мотивами, целями и результатами такой деятельности.

Применение права присутствует не только в судебном процессе, но и в иных правоотношениях. И юридически значимый результат достигается не только вынесением судебного решения, но и оказанием услуг, выполнением работ и получением иных благ. При достижении этого результата важно применение и материальных норм права и процессуальных норм права, где материальные нормы права порождают юридический факт возникновения правоотношений, формируют цель деятельности, а нормы процессуального права организуют порядок осуществления такой деятельности для достижения указанной нормами материального права цели.

Представляется более приемлемым рассматривать юридический процесс с точки зрения широкого подхода для формирования полно-

ценного взгляда о нем как о полноценном правовом явлении, занимающем определенное место в науке и имеющем отражение в юридической практике.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, отметим, что юридический процесс является «живой», вызывающей дискуссии правовой категорией. И узкий, и широкий подходы показывают, что она прошла достаточно длительный путь в своем становлении и развитии и до сих пор требует внимания и изучения и не позволяет сделать однозначных выводов по поводу своего места в правовой реальности, поскольку объединяет и материальное и процессуальное право, и науку, и практику.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1975. – 223 с.
2. Горшенев В. М. Функции и содержание норм процессуального права по советскому законодательству / В. М. Горшенев // Проблемы правоведения. – Новосибирск, 1967. – С. 16–38.
3. Зейдер Н. Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права / Н. Б. Зейдер // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 69–82.
4. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права / Е. Г. Лукьянова. – Москва : Норма, 2003. – 240 с.
5. Матвеева Н. Н. Обсуждение проблемы судебного права / Н. Н. Матвеева // Советское государство и право. – 1980. – № 1. – С. 140–141.
6. Недбайло П. Е. О юридических гарантиях правильного осуществления советских правовых норм / П. Е. Недбайло // Советское государство и право. – 1957. – № 6. – С. 20–29.
7. Проблемы судебного права / А. А. Мельников, Н. Н. Полянский, В. М. Савицкий, М. С. Строгович ; под ред. В. М. Савицкого. – Москва : Наука, 1983. – 224 с.
8. Рязановский В. А. Единство процесса : учеб. пособие / В. А. Рязановский. – Москва : Юрид. бюро «Городец», 2005. – 80 с.
9. Розин Н. Н. Процесс, как юридическая наука / Н. Н. Розин // Журнал Министерства юстиции. – 1910. – № 8. – С. 25–37.
10. Щеглов В. Н. Гражданское процессуальное правоотношение / В. Н. Щеглов. – Москва : Юрид. лит., 1966. – 168 с.

11. Явич Л. С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР / Л. С. Явич ; под ред. В. И. Корецкого, С. А. Раджабова. – Сталинабад, 1957. – 165 с.

Информация об авторе

Романенко Никита Сергеевич – преподаватель цикловой комиссии правовых дисциплин Байкальского государственного университета, nrserg91@gmail.com.

Information about the author

Romanenko, Nikita S. – Lecturer of the Cycle Commission of Legal Disciplines, Baikal State University, nrserg91@gmail.com.

**ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ ЗДОРОВЬЯ
И В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Когнитив автора направлен на конституционно-правовую репрезентацию решений органов государственной власти об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии, изучение проблемы конституционно-правового регулирования гарантий прав и свобод человека, а также выдвижение предложений по их экстраполяции. Эксплицируются и анализируются официальные документы, регулирующие реализацию прав и свобод человека и устанавливающие в этой сфере гарантии. Особое внимание уделяется сравнительно-аналитическому анализу текстов этих документов, их юридико-техническому оформлению, их соотношению с другими нормативными правовыми актами. В результате исследования автор пришел к аподиктическому выводу о том, что в законодательных актах выявляются пробелы – недостатки норм, регулирующих ситуации, входящие в сферу правового воздействия, а также коллизии – разногласия или противоречия между отдельными юридическими нормами. Указанные проблемы превращают установленные законодательством гарантии прав и свобод человека и гражданина в правовые фикции. Предложена обоснованная авторская позиция о совершенствовании нормативного регулирования гарантий прав и свобод человека, путях элиминации с соответствующих актов пробелов и коллизий. Повышение уровня нормативно-правового регулирования обеспечит действенность и эффективность гарантий прав и свобод человека.

Ключевые слова: человек, права и свободы, гарантии, ограничение, конституция, законодательство, правовое регулирование, нормативный акт, пробел, коллизия.

N. M. Salamov

**RESTRICTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS
FOR THE PURPOSE OF HEALTH PROTECTION
AND UNDER PANEDEMIC CONDITIONS**

The cognitive of the author is aimed at the constitutional and legal representation of decisions of state power, on the limitation of human rights

and the body of a person in a pandemic, studying the problem of constitutional and legal regulation of guarantees of human rights and freedoms, as well as putting forward proposals for their extrapolation. In the course of the study, official documents are explicated and analyzed that regulate the implementation of human rights and freedoms and establish guarantees in this area. Particular attention is paid to the comparative and analytical analysis of the texts of these documents, their legal and technical design, their correlation with other regulatory legal acts. As a result of the research, the author came to the apodictic conclusion that gaps are revealed in legislative acts – lack of norms regulating situations within the scope of legal impact, as well as collisions – disagreements or contradictions between individual legal norms. These problems turn the guarantees of human and civil rights and freedoms established by legislation into legal fictions. On the basis of the analysis, a well-grounded author's position on improving the normative regulation of guarantees of human rights and freedoms, ways of eliminating gaps and collisions from the relevant acts is proposed. Raising the level of legal regulation will ensure the effectiveness and efficiency of guarantees of human rights and freedoms.

Keywords: person, rights and freedoms, guarantees, restriction, constitution, legislation, legal regulation, normative act, gap, conflict.

Права человека – дианойя всего человечества. Основные права, свободы и обязанности человека и гражданина гарантируются системой права [1, с. 48; 3, с. 33; 10, с. 238]. Из комплекса юридических гарантий в особую группу следует выделить конституционные гарантии, играющие ведущую роль во всей системе юридических гарантий.

Проблеме соблюдения и защиты прав и свобод гражданина и человека (далее – прав человека) посвящены достаточно много исследований. Распространение инфекционного заболевания COVID-19, а также принятые в связи с этим правительствами стран соответствующие решения по ограничению прав человека, заново вызвали к жизни эту тематику.

Известно, что идея основных прав и свобод возникла и развивалась, как реакция общества на те или иные формы ограничения и принуждения со стороны государства [3, с. 406]. Конституции многих стран (Российской Федерации, Азербайджанской Республики и т. д.) в соответствии с нормами международного права предусматривают принципы приоритета прав человека, которые являются ценностью для государства, а также принцип необходимости и соразмерности

ограничения конституционных прав и свобод, установленных конституциями¹.

В связи с распространением вируса COVID-19 в первом полугодии 2020 г. правительствами практически всех стран, в том числе Российской Федерации и Азербайджанской Республики, были приняты акты, ограничивающие естественные, социальные и экономические права граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства².

Исследуем проблему гарантий прав человека на примере законодательства Азербайджана и актов правительства этой республики. При всей очевидности цели введения правоограничений, их легитимность вызывает определенные сомнения, обнаруживается некая дивергенция с положениями законодательства.

Одним из главных составляющих обеспечения гарантий прав человека является наличие в законодательстве государств четких юридических оснований ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Регулирование прав человека в каждом государстве осуществляется прежде всего конституцией. Согласно II части ст. 71 Конституции Азербайджанской Республики (далее – Конституция) права и свободы каждого ограничиваются основаниями, установленными в настоящей Конституции и законах, а также правами и свободами других.

Сама Конституция четко устанавливает 4 (юридических. – Н. С.) основания ограничения прав и свобод. Часть III ст. 71 гласит, что при объявлении войны (имеется в виду война, объявленная главой государства обладателя Конституции. – Н. С.), военного и чрезвычайного положения, а также мобилизации осуществление прав и свобод человека и гражданина может быть частично и временно ограничено. Как видим, выражение данной нормы сделано в определенной и категоричной форме, которая не подлежит изменению по инициативе ее адресатов.

---

¹ Конституция Российской Федерации : (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) // Российская газета. № 273. 25 дек. 1993 г. ; Конституция Азербайджанской Республики : (принята всенародным голосованием 12 нояб. 1995 г.) // СЗ Азербайджанской республики. 1997. № 3. Ст. 159.

² О дополнительных мерах по предотвращению массового распространения инфекции Коронавирус (COVID-19) на территории Азербайджанской Республики : постановление Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 30 марта 2020 г. № 120 // СЗ Азербайджанской республики. 2019. № 3. Ст. 554 ; О временном ограничении въезда в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе прибывающих с территории Республики Беларусь, а также граждан Республики Беларусь : распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 635-р // СЗ Российской Федерации. 2020. № 12. Ст. 1825.

Кроме указанного, Конституция (часть II ст. 71) допускает ограничения прав основаниями, установленными в законах (наряду с Конституцией. – *Н. С.*). Согласно Конституционному закону Азербайджанской республики «О регулировании реализации прав и свобод человека в Азербайджанской Республике» (далее – Конституционный закон), помимо оснований, указанных в части III ст. 71 Конституции, права и свободы человека могут быть ограничены в целях гарантирования и защиты прав и свобод других людей (часть I ст. 3)¹.

Данный Конституционный закон (часть VI ст. 3), определяя ограниченные права и соответствующие статьи Конституции, существенно расширяет возможности политической власти в сфере ограничения прав человека. Кроме этого, содержание этого Конституционного закона дает основание утверждать, что в отличие от Конституции он не устанавливает юридические основания ограничения прав, а декларирует только ее цели.

Представляется, что здесь мы наблюдаем конфликт нормативных правовых актов, коллизию Конституционного закона с частью III ст. 71 Конституции. Как мы указали выше, ст. 71 содержит исчерпывающий, законченный перечень обстоятельств, при которых возможны ограничения прав и свобод. В ст. 71 мы не прослеживаем несоответствие между действительным содержанием нормы права и ее текстуальным выражением, чтобы придать ей более широкий смысл, чем это вытекает из ее словесного выражения. Норма не дает возможность обладателю права свободного распоряжения этим правом. Хотя эта же статья Конституции допускает ограничение прав каждого по основаниям, установленным в законах.

Если уж законодатель считает часть VI ст. 3 Конституционного Закона соответствующей праву и справедливости, тогда часть III ст. 71 Конституции можно было бы установить (сформулировать) таким образом: «При объявлении войны, военного и чрезвычайного положения, мобилизации, *а также основаниями, установленными в законах* (курсив мой. – *Н. С.*), осуществление прав и свобод человека и гражданина с учетом международных обязательств Азербайджанской Республики может быть частично и временно ограничено».

Продолжая мысль об основаниях ограничения прав человека, стоит указать еще на одну проблему. Некорректной видится часть 5

---

¹ О регулировании реализации прав и свобод человека в Азербайджанской Республике : конституционный закон Азербайджанской республики от 24 дек. 2002 г. № 404-ПКQ // СЗ Азербайджанской республики. 2003. № 1. Ст. 18.

ст. 3 Конституционного закона. Эта норма гласит: «Помимо оснований, указанных в части III статьи 71 Конституции Азербайджанской Республики, права и свободы человека могут быть ограничены в целях гарантирования и защиты прав и свобод других людей»¹. Как видим, данное установление безгранично расширяет основания ограничения прав человека, параллельно ставит под вопрос философию гарантий прав человека – их сущность, ценность и место в жизни общества. Думается, что здесь имеет место правовая герменевтика – постижение и истолкование смысла и аксиологии этой юридической нормы, в контексте правовой реальности.

На подобную проблему в Конституции РФ указывает В. В. Лапаева. Она пишет, что формулировка части III ст. 55, допускает возможность ограничения основных прав и свобод федеральным законом по широкому кругу оснований без четкого указания на конституционные пределы таких ограничений [6, с. 16].

Подводя итог изложенного, можем сказать, что основными законами государств должны быть установлены четкие правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Другой проблемой является отсутствие в основных законах норм – гарантий, четко устанавливающих статьи (права), не подлежащие ограничению.

Конституция не устанавливает статьи (права и свободы), не подлежащие ограничению. Таковую проблему имеет и Конституция Республики Беларусь (ст. 23)². В отличие от Азербайджанской и Белорусской, положительный пример мы находим в конституциях соседних государств. Согласно части I ст. 56 Конституции РФ, не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть I), 24, 28, 34 (часть I), 40 (часть I), 46–54 Конституции РФ. Таковые нормы содержит и Конституция Украины³.

Этот существенный пробел в Конституциях делает систему гарантий прав человека неполноценной. Однако такую норму – гарантию мы находим в Конституционном законе. Часть VI ст. 3 этого

---

¹ О регулировании реализации прав и свобод человека в Азербайджанской Республике : конституционный закон Азербайджанской республики от 24 дек. 2002 г. № 404-ПҚQ // СЗ Азербайджанской республики. 2003. № 1. Ст. 18.

² Конституция Республики Беларусь : (принята всенародным голосованием 15 марта 1994 г.). URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus> (дата обращения 15.08.2020).

³ Конституция Украины : (принята всенародным голосованием 24 сентября 1991 г.) // Ведомости Верховной Рады Украины. 1996. № 30. Ст. 141.

акта устанавливает конкретные статьи (права), которые могут быть ограничены.

Итак, мы можем предположить, что конституции должны быть вооружены ясными запрещающими нормами, устанавливающими обязанность субъекта воздерживаться от совершения действий, ограничивающих определенные права, как это сделано в Конституции РФ и Украины.

Конституционные гарантии являются базой гарантирования основных прав, свобод и обязанностей граждан, подобно тому, как сами конституционные права и обязанности граждан фиксируют не все правовое положение граждан, а лишь его основы [11, с. 18]. Автор соглашается с мнением ряда правоведов, о том, что по конституционным гарантиям уже целиком можно судить о реальности провозглашенных прав, их действующем характере, обеспеченности не только и не столько индивидуальными возможностями отдельного гражданина, сколько всем конституционным строем [7, с. 231; 8, с. 106].

Следующим вопросом исследования является, вопрос о том, каким видом нормативного правового акта возможны ограничения прав человека (законом или подзаконным актом), или какой орган государственной власти уполномочен ограничивать права и свободы человека.

М. А. Краснов считает примером более точной юридической техники часть III статьи 71 Конституции Азербайджана, гласящую, что «лишь при объявлении войны, военного и чрезвычайного положения, а также мобилизации осуществление прав и свобод человека и гражданина может быть частично и временно ограничено с учетом международных обязательств Азербайджанской Республики» [10, с. 90]. Однако ученый не замечает, что эта статья, определяющая гарантии прав человека, не отвечает на вопрос, каким нормативным правовым актом (законом, указом и т. п.) должны быть установлены ограничения.

Анализ ст. 71 Конституции, устанавливающей гарантии прав человека дает право сказать, на конституционном уровне не было определено (установлено) какой ветвью государственной власти или каким органом государственной власти возможны ограничение прав человека (вид нормативного правового акта по умолчанию определяет и орган государственной власти). Неоднозначна II часть ст. 71 Конституции, где сказано, что права и свободы каждого ограничиваются основаниями, установленными в *Конституции и законах* (курсив мой. — Н. С.). Представляется, что употребление в этой правовой конструкции слов «Конституции и законах» является проблематичной.

Как мы указали выше, ограничения прав, согласно Конституции (часть III ст. 71), возможны при объявлении войны, военного и чрезвычайного положения, а также мобилизации. Для ограничения прав по причине объявления войны требуется, утвержденное парламентом страны, решение главы государства¹. Введение военного и чрезвычайного положения, а также объявление мобилизации также осуществляется на основании Указов Президента республики.

Согласно статье 10.1 Закона Азербайджанской республики «О военном положении», в рамках мер, принимающихся во время военного положения, могут быть предусмотрены ограничения прав человека. В отличие от Закона Азербайджанской республики «О чрезвычайном положении», в этом законе не указывается, что ограничения прав человека устанавливаются органами исполнительной власти. В Указе Президента Азербайджанской Республики «О применении Закона Азербайджанской Республики «О военном положении» перечисляются государственные органы подразумеваемого под словами «соответствующие органы исполнительной власти» в законе «О военном положении». Но Указ не определяет уполномоченного устанавливать ограничения прав человека.

Итак, делая выводы, можем сказать, что в случае с военным положением законодательство оставляет вопрос об уполномоченном устанавливать ограничения прав человека без ответа. В этом случае кроме Указа главы государства о введении военного положения, издание дополнительного правового акта не предусмотрено.

Теперь обратимся к случаю, связанному с чрезвычайной ситуацией. Согласно ст. 8 Закона Азербайджанской республики «О чрезвычайном положении», в период действия чрезвычайного положения соответствующие органы исполнительной власти могут устанавливать ограничения прав человека. В Указе Президента Азербайджанской Республики «Об обеспечении реализации Закона Азербайджанской Республики «О чрезвычайном положении», перечисляются государственные органы подразумеваемого под словами «соответствующие органы исполнительной власти» в законе «О чрезвычайном положении». Привлекает тот факт, Указ обходит стороной ст. 8.0, т. е. не определяет орган, который уполномочен устанавливать ограничения прав человека. Этот орган определяется Указом Президента Азербайджанской Республики «О применении Закона

---

¹ Конституция Азербайджанской Республики : (принята всенародным голосованием 12 ноября 1995 г.) // СЗ Азербайджанской республики. 1997. № 3. Ст. 159.

Азербайджанской Республики «О чрезвычайном положении». Это право принадлежит Президенту республики.

Итак, мы определились, что право ограничения прав во время введения чрезвычайного положения принадлежит главе исполнительной власти – Президенту, и для установления этих ограничений одного Указа главы государства о введении чрезвычайного положения недостаточно, требуется издание об этом дополнительного акта. Следовательно, Указ главы государства о введении чрезвычайного положения служит первичным, а акт об ограничении прав и свобод вторичным документом.

Закон Азербайджанской республики «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Азербайджанской Республике» напрямую не предусматривает ограничение прав человека и издание об это соответствующего акта. Полномочия по исполнению требований этого закона распределены между Президентом и Кабинетом Министром.

Вышеизложенное наводит на вопрос. Можно ли ограничить права человека Указами главы государства (исполнительной власти), если Конституционный Закон (ст. 3), принятый для того, чтобы привести реализацию прав человека в Азербайджанской Республике в соответствие с Конвенцией «О защите прав человека и основных свобод» гласит, что права и свободы человека, предусмотренные Конституцией Азербайджанской Республики и международными договорами, участником которых является Азербайджанская Республика, могут быть ограничены только *законом* (курсив мой. – Н. С.)¹. Как мы уже отметили, II часть ст. 71 Конституции, гласит, что права каждого ограничиваются основаниями, установленными в *Конституции и законах* (курсив мой. – Н. С.).

Смысловое содержание ст. 111 и 112 Конституции, а также Закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации» дает основание полагать, что слово «закон» тут понимается в широком смысле, как все нормативные правовые акты, изданные государством. И как мы уже отметили, введение военного и чрезвычайного положения, а также объявление мобилизации, при которых возможны ограничение прав человека, осуществляется на основании решений исполнительной власти. Следовательно, в данных случаях правовым основанием ограничения прав служит не закон, а подзаконный акт. К тому же в случае

---

¹ О регулировании реализации прав и свобод человека в Азербайджанской Республике : конституционный закон Азербайджанской республики от 24 дек. 2002 г. № 404-ПҚQ // СЗ Азербайджанской республики. 2003. № 1. Ст. 18.

употребления слова «закон» в широком смысле Постановлениям Правительства присваивается статус легитимности.

Однако широкое толкование слова «закон» дает основание ошибочно утверждать, что права человека могут быть ограничены всеми ветвями власти (кроме судебной), правовыми актами, охватывающимися категорией «законодательство» – Законом, Указом главы государства, Постановлением Кабинета Министров, нормативными актами центральных органов исполнительной власти и т. д. Можно предположить обратное, то, что в данном случае слово «закон» мы должны употреблять не в широком смысле, а в узком юридическом смысле – как акт, изданный законодательным органом государственной власти, иначе он не отметил бы Конституцию отдельно, а ограничился бы правовой категорией «законодательством».

Употребление слова «закон» в узком смысле согласуется со ст. 94 (часть I) Конституции. Согласно этой статье, одним из вопросов, по поводу которых парламент Азербайджана устанавливает общие правила, является пользование правами человека, закрепленными в настоящей Конституции. Согласно части II, этой статьи, по этим вопросам принимаются законы. Однако правомерно ли по поводу пользования¹ правами человека, закрепленными в настоящей Конституции, принимать подзаконные акты вместо законов?

Отдельного внимания в этом вопросе заслуживают решения Правительства Азербайджана. Легитимны ли Постановления Правительства Азербайджанской Республики, ограничивающие права человека².

Решения Правительства Азербайджанской Республики привлекательны и в контексте полномочий. Полномочно ли Правительство принимать решения по ограничению прав человека, в контексте положений ст. 119 Конституции (Полномочия Кабинета Министров Азербайджанской Республики) и Положения «Об Аппарате Кабинета Министров Азербайджанской Республики»³. Постановления Правительства Азербайджанской Республики, ограничивающие права человека начинаются с такими предложениями: «Руководствуясь восьмым абзацем

---

¹ Постановления правительства, наряду с ограничением прав и свобод, устанавливают и правила пользования этими правами и свободами.

² О дополнительных мерах по предотвращению массового распространения инфекции Коронавирус (COVID-19) на территории Азербайджанской республики : постановление Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 30 марта 2020 г. № 120 // СЗ Азербайджанской республики. 2019. № 3. Ст. 554.

³ Положение «Об Аппарате Кабинета Министров Азербайджанской Республики», утвержденное Указом Президента Азербайджанской Республики от 10 октября 2017 г. № 1627 // СЗ Азербайджанской республики. 2017. № 10. Ст. 1794.

ст. 119 Конституции Азербайджанской Республики...»¹. Восьмой абзац ст. 119 Конституции гласит: «Решает другие вопросы, отнесенные к его компетенции Президентом Азербайджанской Республики». Как видим данная норма напрямую не уполномочивает правительство ограничивать права человека. Отнесено ли указанное право актом Президента Азербайджанской Республики к компетенции правительства? Состав законодательства дает основание утверждать, что нет. Представляется, что при наличии такого акта главы государства, наделяющего правительство таким правом, Постановления правительства должны начинаться со ссылкой на данный этот акт.

Согласно ст. 3.2 Конституционного Закона, закон, ограничивающий права человека, должен определять соответствующую статью Конституции Азербайджанской Республики. Содержат ли Постановления Правительства, устанавливающие ограничения прав, ссылки на соответствующие статьи Конституции. Содержание этих документов не дает нам основание дать на этот вопрос положительный ответ.

Как пишет К. Штерн, «с учетом запрета чрезмерных ограничений вмешательство закона даже в сферу защиты основного права должно быть обоснованным, необходимым и соразмерным» [13, с. 187].

Дав правовую оценку решениям власти, остается только объяснять их, сославшись на ценностные аргументы. Человек и его права являются высшей ценностью для государства. В условиях пандемии государство, как обладатель политической воли, поставил одну ценность выше другой. Автор разделяет мнение С. А. Белова о том, что «с точки зрения логической структуры решений само обоснование, аргументация решения с помощью ценностей вызывает сомнения [12, с. 379]. Однако ученый допускает приоритет одной ценности над другой. Ученый пишет, что на государстве, в лице органов, издавших оспариваемые акты, лежит обязанность доказать, что ограничение конституционных прав преследовало законную цель, в том числе, и обеспечение безопасности [12, с. 380]. Экстраполируя спорность решений правительства, укажем, что принятые решения каузальны требованиям времени. Перед политической властью стояла архиважная задача – защитить членов общества и безопасное функционирование государства. Данные решения исходили с естественно-правового типа правопонимания. Власти не стали соблюдать требования законодательства и пошли по прямому пути, полагаясь на утилитаристскую функцию

---

¹ Конституция напрямую не управомочивает правительство в сфере ограничения прав и свобод человека.

принятых решений: нарушение положений законодательства оправдывалось и покрывалось их общественной ценностью и полезностью.

Основной функцией конституционного регулирования прав, свобод и обязанностей личности, – пишет Л. А. Нудненко, – является достижение гармонии интересов отдельной личности с обществом и государством [9, с. 35]. Случай с COVID-19 как раз то, когда личный интерес предстает как общественный, а интересы общества персонализируются в интересах личности. Члены общества заинтересованы в ограничении одних прав во имя другого права, ради интереса всех и каждого. Противоположно мнению Л. А. Нудненко, о том, что исключается использование человека в качестве средства достижения общего блага или защиты интересов народа или потребностей государства, считаем, что для защиты прав личности (например, права на жизнь), государство обречено превратить человека в объект правового воздействия. Итак, решения органов власти обуславливались интересами социума и их социальной ценностью.

Как видим, вопрос о полномочном на ограничение прав, и, следовательно, о нормативном правовом акте в законодательстве урегулирован недостаточно. Оставление указанных правовых норм в существующем виде порождает правовую неопределенность и может способствовать злоупотреблению властью.

Представляется, что ст. 71 Конституции должна быть дополнена нормой, устанавливающей конкретный вид нормативного правового акта, на основании которого возможны ограничения прав. Для примера скажем, что в части III ст. 55 Конституции РФ указано «права и свободы граждан могут быть ограничены федеральным законом. Кроме того, в статьи Конституции, где указаны полномочия органов государственной власти, должны быть добавлены полномочия по ограничению прав. То есть должен быть четко определен орган государственной власти, уполномоченный ограничивать права человека. А ст. 3.1 Конституционного закона должна быть сформулирована более корректно, исключать разночтения. Например, права человека, предусмотренные Конституцией Азербайджана и международными договорами, участником которых является Азербайджанская Республика, могут быть ограничены только законом, принятым парламентом Азербайджанской Республики.

Следующим пунктом исследования является ответ на вопрос, какие юридический факты – ситуации (события), являются условиями ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Мы указали выше, что ограничения прав, согласно Конституции (часть III ст. 71), возможны при объявлении войны, военного и чрезвычайного положения, а также мобилизации. Конституционный закон неопределенно расширяет этот перечень.

В ст. 111 Конституции установлены основания для объявления военного положения (при фактической оккупации определенной части территории республики, объявлении войны и т. д.), а в ст. 112 введения чрезвычайного положения (при стихийных бедствиях, эпидемиях, эпизоотиях и т. д.). Наличие этих событий де-факто не является еще основанием для ограничения прав. Требуется юридическая констатация наличия этих ситуаций (событий), которая осуществляется путем принятия Указов Президента страны о введении военного или чрезвычайного положения. Следовательно, ситуации (события), предусмотренные в этих статьях, служат ситуационными основаниями Указов – юридических оснований ограничения прав и свобод человека.

В случае с объявлением войны или мобилизации ситуация иная. Действующее законодательство Азербайджанской республики не содержит конкретные жизненные обстоятельства (условия, ситуации), при которых возможно объявление войны (тут имеется в виду война, объявленная главой государства обладателя Конституции). Закон Азербайджанской республики «О мобилизационной подготовке и мобилизации» также не устанавливает основания мобилизации¹. Конституционный Закон тоже в свою очередь не определяет ситуационные основания, хотя перечисляет цель ограничений.

В одном из своих решений Европейского Суда отметил, что применяемые государством санкции, заключающиеся в ограничении прав человека, должны быть связаны с выявлением реальной угрозы национальным интересам, в частности, с фактами, основанными на конкретной информации².

Вполне очевидна, существующая ситуация существенно осложняет принятие решения об ограничении прав человека. Должны быть четко установлены события (ситуации), при которых возможны принятие правовых решений об ограничении прав и свобод. Должна быть изменена II часть ст. 71 Конституции с четким определением событий (ситуаций), при которых возможны ограничения прав человека.

---

¹ О мобилизационной подготовке и мобилизации : закон Азербайджанской республики от 10 июня 2005 г. № 923-ПQ // СЗ Азербайджанской республики. 2005. № 8. Ст. 683.

² Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Республиканская партия России – против России» (§ 88 мотивировочной части). URL: jurix.ru > ... news...espch...respublikanskoj-partii (дата обращения 07.04.2020).

Итак, анализ нормативных правовых актов позволили предложить авторскую позицию об уровне обеспечения основных прав человека конституционными и иными юридическими гарантиями; есть страны где правовые идеи о гарантиях прав гражданина и их принципы воплощены в юридические формы неполноценно. Пробелы и коллизии, имеющиеся в соответствующих нормативных правовых актах, затрудняют их реализацию в практической жизни общества, а право, как мы знаем, имеет смысл и ценность для личности, общества, если оно реализуется.

Результаты исследования дают нам возможность постулировать следующий тезис. Правовые нормы о гарантиях (ограничениях) прав и свобод человека и гражданина должны содержать следующие основные компоненты: правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина, ситуации (события), при которых возможны ограничения, статьи (права и свободы) не подлежащие ограничению, и наконец, орган государственной власти, уполномоченный на такие действия. Законодательство (особенно основные законы) всех подлинно правовых стран должно содержать все указанные аксиологические свойства важной ценности общества – прав и свобод человека и гражданина.

Представляется, что данное мнение вызовет значительные подъем правового диалога вокруг этой тематики, а субъекты правотворчества, обращаясь к практике принятия решений, ограничивающих права человека в условиях пандемии, извлекут определенные идеи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан / Л. Д. Воеводин. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 300 с.
2. Демократия и личность в условиях развитого социализма : Государственно-правовой очерк. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1985. – 167 с.
3. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 752 с.
4. Краснов М. А. Некоторые аспекты проблемы ограничения конституционных прав (на примере экономических прав) / М. А. Краснов // Сравнительное Конституционное обозрение. – 2013. – № 1 (92). – С. 82–93.

5. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации / Л. В. Лазарев. – Москва : Изд. дом «Городец» : Формула права, 2003. – 345 с.

6. Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) / В. В. Лапаева // Журнал Российского права. – 2005. – № 7. – С. 13–23.

7. Матузов Н. И. Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Москва : Юрист, 2000. – 277 с.

8. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В. В. Лазарев. Москва : Юрайт, 2001. – 871 с.

9. Нудненко Л. А. Функции конституционных прав и свобод личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства / Л. А. Нудненко // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 33–41.

10. Палютин В. А. Государство и личность в СССР (правовые аспекты взаимоотношений) / В. А. Палютин. – Москва : Наука, 1974. – 246 с.

11. Хазов Е. Н. Понятие и сущность конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина / Е. Н. Хазов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2011. – №3. – С. 17–21.

12. Шишкина О. Е. Безопасность государства и ограничение конституционных прав и свобод в практике конституционного контроля в РФ / О. Е. Шишкина // Московская Юридическая неделя : XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения) : материалы конф. В 3 ч. Ч. 1. – Москва : РГ-Пресс, 2018. – С. 376–380.

13. Штерн К. Защита основных прав и их ограничения / К. Штерн // Государственное право Германии. В 2 т. Т. 2. – Москва : Ин-т гос-ва и права РАН, 1994. – 320 с.

Информация об авторе

Саламов Натиг Мухтар оглы – Государственная служба по вопросам имущества при Министерстве экономики Республики Азербайджан, юрист, Азербайджанский государственный педагогический университет, преподаватель, natiksalamov@mail.ru.

Information about the author

Salamov, Natig Mukhtar oglu – State Property Management Service under the Ministry of Economy of the Republic of Azerbaijan, lawyer, Azerbaijan State Pedagogical University, teacher, natiksalamov@mail.ru.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРТИВНОЙ
ПОДГОТОВКИ В АРМИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
II ПОЛОВИНА XIX в.**

Введение. Актуальность изучения вопроса обусловливается значимостью целенаправленного, результативного воздействия права на общественные отношения в области физической культуры и спорта. **Цель.** Изучить нормативно-правовое регулирование деятельности по спортивной подготовке в армии Российской империи во II половине XIX в., проанализировать научные публикации по данному направлению исследований. **Методология.** Формально-юридический метод, историческое диахронное сравнение, исследование нормативных источников, сравнительно-правовой анализ. **Результаты.** Руководствуясь мнением ученых-историков, педагогов, социологов о развитии видов спорта из повседневных действий людей, автор рассмотрел правовое регулирование организации обучения военных армии Российской империи гимнастике. Делается вывод об отсутствии изучения данной проблематики со стороны юридической науки.

Ключевые слова: II половина XIX века, армия Российской империи, спортивная подготовка, законодательство.

I. I. Samsonov

**LEGAL REGULATION OF SPORTS TRAINING
IN THE ARMY OF THE RUSSIAN EMPIRE:
II-I HALF OF THE XIX CENTURY**

Introduction. The relevance of studying the issue is determined by the significance of the purposeful, effective impact of the law on public relations in the field of physical culture and sports. **Goal.** To study the regulatory and legal regulation of sports training activities in the army of the Russian Empire in the second half of the XIX century, to analyze scientific publications on this area of research. **Methodology.** Formal legal method, historical diachronic comparison, research of normative sources, comparative legal analysis. **Results.** Guided by the opinion of scientists-historians, teachers, sociologists about the development of sports from the daily actions

of people, the author considered the legal regulation of the organization of training of the military of the army of the Russian Empire in gymnastics. **Conclusion.** It is concluded that there is no study of this problem from the side of legal science.

Keywords: II half of the XIX century, the army of the Russian Empire, sports training, legislation.

Введение. Физическая активность во все времена имела определяющее значение в вопросах укрепления обороноспособности страны [1; 3; 5; 6; 21; 24]. В частности, спортивная подготовка, являясь вершиной «айсберга» физической культуры и спорта, не могла существовать без качественно организованного физического воспитания [2; 4; 5; 13; 21; 24; 25]. В русской армии процесс рассматривался как важная и неотъемлемая часть военного воспитания военнослужащих, в дальнейшем используемая в целях организации досуга и участия в спортивных соревнованиях [1; 4; 25].

Направления правового регулирования. Важно отметить, что в Уставе для военно-учебных заведений второго класса от 9 апреля 1830 г. глава 1 была посвящена физическому воспитанию кадетов (§ 1–14), в отличие от гражданских гимназий [3, с. 6] выстраивалась система постепенного освоения гимнастических упражнений от простого к сложному (§ 10), предполагалось учить лазанию, плаванию, танцам, фехтованию, вольтижированию, верховой езде и упражняться в играх, служащих не только забавам, но и к возбуждению внимания и упражнению глазомера (§ 11), на гимнастические упражнения, включая и военную экзерцицию (строевой шаг), отводилось 2 часа ежедневно (§ 12).

Обучение гимнастике как базовой физической подготовке осуществлялось на основании Правил для обучения гимнастике в войсках (14.02.1859 г.) и Наставлений для обучения войск гимнастике (19.10.1879 г.).

Для обеспечения необходимого числа педагогов в каждом военном округе были организованы курсы преподавателей физической культуры [1, с. 69]. Соответственно, спорт в русской армии занимал одно из важных и неотъемлемых частей военного воспитания военнослужащих [1; 2; 6; 8; 11; 13; 14; 21; 24; 25].

Историография вопроса. Разделяя точку зрения М. А. Смирнова [20] о произошедшем становлении, организации и развитии физиче-

ской культуры в Российской империи, мы изучили уровень диссертационной проработанности данной темы по вопросам организации системы физического воспитания в армии, совершенствования профессионально-прикладной физической подготовки, формам участия представителей военного ведомства в спортивной жизни Российской империи и т. д.

С. В. Федорин [23], с которым разделяют точку зрения ряд ученых [1; 5; 8; 11; 13], обуславливает взаимозависимость между созданием огромных армий и военными действиями, их напряженным и тяжелым характером. По его словам, как бы хорошо ни была вооружена, снабжена и обучена армия, она могла рассчитывать на победу, только если ее личный состав удовлетворял физическим требованиям. Д. Г. Ефимов выделяет основную роль военного ведомства, описывая становление и развитие физической культуры и спорта в государственных учреждениях России во второй половине XIX – начале XX в. [7], а В. В. Сенчук – процесс становления и развития спорта как социального института России. Выделяя этапы и их специфику, он охватывает временной отрезок с середины XIX в. и до начала XXI в. [18]. В то же время В. Г. Семенов исследовал организацию и проведение спортивно-массовой работы среди военнослужащих русской армии и флота с 1855 по 1917 г. [17]. Выделяя документы, регламентирующие спортивную работу в русской армии и на флоте, он указывает источники опубликования нормативно-правовых актов.

В свою очередь, Ю. Н. Мягков [12] определил начало изменения физической подготовки в армии. Оно совпало с завершающимся этапом Крымской войны (1855) и было обусловлено неизбежностью поражения. В частности, была организована Комиссия (1855) для улучшения по военной части. Она должна была составить новую программу летнего обучения войск, упростить строевой устав и ввести в войсках занятия физическими упражнениями, в том числе состязания, проводимые в армии в области конного, стрелкового спорта и фехтования для офицеров и солдат. Вызывает интерес отсутствие упоминания автором в этот период времени о гимнастике в занятиях у офицеров и солдат, хотя по словам В. А. Щербович [26, с. 51], она была введена как обязательное занятие в гвардейских полках с 1855 г. и на ее основе был создан фехтовально-гимнастический кадр [27, с. 84]. Этот комплекс мер привел к становлению таких видов деятельности, как гимнастика, фехтование, верховая езда, вольтижировка [9; 10; 19]. Вообще, указывают ученые [1; 6; 11; 24; 25], спорт в армии (военный

спорт) развивался преимущественно в офицерской среде и являлся важным элементом физической подготовки войск. Именно в армии и на флоте сложились разнообразные системы состязаний, проводимые в предусмотренное расписанием дня время, как в частях, так и военно-учебных заведениях.

Кроме диссертационных и иных изысканий, интерес заслуживают монографические исследования В. Н. Зуева [9] о нормативно-правовом регулировании отечественной сферы физической культуры и спорта и А. Б. Суника [22], рассмотревшего вопросы истории физической культуры и спорта в российских источниках второй половины XIX – начала XX в., а также В. В. Столбова [21], Н. Ю. Мельниковой [11], А. А. Передельского [13]. В своих монографических работах ученые рассмотрели вопросы истории физической культуры и спорта в российских источниках второй половины XIX – начала XX в. Интерес вызывают публикации А. А. Сапункова и А. А. Фоменко об эволюции кулачного боя в длительной временной ретроспективе до начала XX в. [16].

Заключение. Проведенный обзор позволяет сделать вывод об отсутствии специализированного юридически грамотного изучения правового регулирования спортивной подготовки в армии Российской империи во второй половине XIX в. Проблематика фрагментарно освещается в трудах историков, социологов, педагогов, что представляется недостаточным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Б. Ю. Влияние русского офицерства на развитие физической культуры и спорта в России (на примере генерала А. А. Брусилова) / Б. Ю. Александров // Проблемы современных интеграционных процессов и пути их решения : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 2. – Уфа : АЭТЕРНА, 2018. – С. 69–71.

2. Алексеев С. В. История регулирования физической культуры и спорта в Российской империи в период XVIII – начала XX вв. / С. В. Алексеев // Право и государство : теория и практика. – 2016. – № 5 (137). – С. 98–107.

3. Бубка С. Н. Взгляды А. Бутовского на развитие физического воспитания и спорта / С. Н. Бубка // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. – 2012. – № 9. – С. 5–8.

4. Бугаевский К. А. Взгляды П. Ф. Лесгафта на необходимость занятий физической культурой / К. А. Бугаевский // Физическое воспитание, спорт, физическая реабилитация и рекреация: проблемы и перспективы развития : материалы VII Междунар. электр. науч.-практ. конф. ; под общ. ред. Т. Г. Арутюняна. – Красноярск : СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2017. – С. 412–415.

5. Выдрин В. М. История и методология науки о физической культуре : монография / В. М. Выдрин. – Санкт-Петербург : СПбГАФК им. П. Ф. Лесгафта, 2002. – 151 с.

6. Гребенкин А. Н. Физические занятия и спорт в жизни воспитанников кадетских корпусов Российской империи и русского зарубежья / А. Н. Гребенкин // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 136–141.

7. Ефимов Д. Г. Становление и развитие физической культуры и спорта в государственных учреждениях России в 1861–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Д. Г. Ефремов. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. – 385 с.

8. Зуб И. В. Содержание и направленность физической подготовки и спорта в морском образовании Российской империи / И. В. Зуб, В. А. Курысь, А. В. Акименко // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – 2019. – № 2. – С. 104–109.

9. Зуев В. Н. Нормативно-правовое регулирование в сфере отечественной физической культуры и спорта : монография / В. Н. Зуев. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2001. – 483 с.

10. Качулина Н. Н. Влияние сокольских слетов на развитие сокольского спортивно-гимнастического движения / Н. Н. Качулина, С. Н. Мягкова // Экстремальная деятельность человека. – 2017. – № 5 (46). – С. 40–43.

11. Мельникова Н. Ю. История физической культуры и спорта : учеб. для учреждений высш. проф. образования / Н. Ю. Мельникова, А. В. Трескин. – 2-е изд., измен. и доп. – Москва : Спорт, 2017. – 432 с.

12. Мягков Ю. Н. Участие офицерского корпуса в развитии физического воспитания и спортивного движения в России во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. пед. наук / Ю. Н. Мягков. – Москва : ГЦОЛИФК, 2010. – 226 с.

13. Передельский А. А. Физическая культура и спорт в отражении философских и социологических наук. Социология спорта : учеб. для вузов / А. А. Передельский. – Москва : Спорт, 2016. – 416 с.

14. Сабиров Р. А. Формирование российского спорта и физической культуры во второй половине XIX века на примере выставки ФГБУ «Государственный музей спорта» / Р. А. Сабиров, Н. Е. Акимова // Вестник спортивной истории. – 2016. – № 3 (5). – С. 14–19.
15. Сапунков А. А. Генезис кулачного боя как элемент правовой культуры древнего, античного и средневекового общества : историко-правовое исследование / А. А. Сапунков. – DOI: 10.24412/1999-6241-2021-2-226-233 // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – Т. 26. – № 2 (85). – С. 226–233.
16. Сапунков А. А. История запретов и регулирования кулачного боя в законодательстве России XVII – начала XX вв. / А. А. Сапунков, А. А. Фоменко. – DOI: 10.24412/1999-6241-2021-3-86-329-337 // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – Т. 26. – № 3 (86). – С. 329–337.
17. Семенов В. Г. История спортивно-массовой работы среди военнослужащих русской армии и военно-морского флота : 1855–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Г. Семенов. – Москва : ИВИМО, 2008. – 33 с.
18. Сенчук В. В. Эволюция спорта как социального института России : дис. ... канд. социол. наук / В. В. Сенчук. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. – 217 с.
19. Сироткина И. Е. Национальные модели физического воспитания и сокольская гимнастика в России / И. Е. Сироткина. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-320-339 // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 320–339.
20. Смирнов М. А. Развитие физической культуры и спорта в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук / М. А. Смирнов. – Киров, 2013. – 264 с.
21. Столбов В. В. История физической культуры и спорта : учеб. для высш. учеб. заведений РФ. – 3-е изд., перераб. и доп. / В. В. Столбов, Л. А. Финогенова, Н. Ю. Мельникова. – Москва : Физкультура и спорт, 2000. – 423 с.
22. Суник А. Б. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта / А. Б. Суник. – Москва : Сов. спорт, 2010. – 615 с.
23. Федорин С. В. Государственная система физического воспитания в русской армии и на флоте: вторая половина XIX в. – 1914 г. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С. В. Федорин. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2002. – 42 с.

24. Федоров И. Г. Формирование нравственно-волевых качеств у обучающихся в военно-учебных заведениях Российской империи средствами физической подготовки / И. Г. Федоров // Мир образования – образование в мире. – 2016. – № 4 (64). – С. 277–281.

25. Чувардин Г. С. Генерал В. Н. Воейков и «гвардейские истоки» российского профессионального спорта начала XX в. / Г. С. Чувардин, И. В. Гончарова // Становление физического развития и спортивного движения народонаселения царской России с 1909 до 1917 г. : материалы Всерос. науч.-практ. конф. обучающихся и науч.-пед. работников, посвящ. 150-летию со дня рождения В. Н. Воейкова. – Пенза : ПГУ, 2018. – С. 131–136.

26. Щербович В. А. Из истории становления физической подготовки в армии дореволюционной России / В. А. Щербович // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – № 1. – С. 51–52.

27. Юдина Е. Ю. Фехтовально-гимнастический вопрос в Российской империи XIX столетия / Е. Ю. Юдина // Спорт в пространстве культуры и социальных коммуникаций : материалы Всерос. с междунар. участием междисциплинар. науч.-практ. конф. – Москва : РГУФКСМиТ, 2014. – С. 81–89.

Информация об авторе

Самсонов Иван Иванович – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ физвоспитания Алтайского государственного педагогического университета; соискатель по кафедре теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, sii2009@yandex.ru.

Information about the author

Samsonov, Ivan I. – Ass. Professor of the Department of Theoretical Foundations of Physical Education of the Altai State Pedagogical University, Ph. D. in in Education, Ass. Professor; candidate for the Department of Theory and History of State and Law of the Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, sii2009@yandex.ru.

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНЫХ ОКРУГОВ ПОРЕФОРМЕННЫХ ОБЩИХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: II ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.

Статья обращает внимание на преимущественный интерес современных исследователей к пореформенным «новым судебным учреждениям», таким как суд присяжных, мировой суд, адвокатура. Как следствие, достаточно мало работ, посвященных изучению системы общих судов Российской империи II половины XIX – начала XX в. Использован общий историографический анализ по выявлению «исследовательских стереотипов» в проблематике изучения судебной реформы 1864 г., формально-юридический метод исследования. Высказывается точка зрения, что основная нагрузка и ответственность за реализацию судебной реформы ложилась именно на систему общих судов: сосредоточение широкого объема полномочий сделало их центрами выработки и реализации судебной политики. Кадровые, организационные вопросы, формирование правовой идеологии и судебных прецедентов непосредственно связаны с деятельностью общих судов. Система общих судов формировалась таким образом, чтобы границы судебных округов не совпадали с административными границами, а статус судебных чинов был выше, чем у чинов гражданского ведомства, что исключало попытки административного давления на суд. Сделан вывод, что сложились особые условия для самоорганизации «юридического сословия», на антикоррупционных началах и идеалах государственного служения. Реализация данного потенциала в итоге обусловила успех судебной реформы 1864 г.

Ключевые слова: Российская империя, история права, судебная реформа 1864 г., общие суды.

A. A. Sapunkov

INSTITUTIONALIZATION OF JUDICIAL DISTRICTS OF THE POST-REFORM GENERAL COURTS OF THE RUSSIAN EMPIRE: THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

The article draws attention to the predominant interest of modern researchers to the post-reform «new judicial institutions», such as: the jury,

the world court, the lawyer. To draw the attention of the scientific community to the fact that there are quite a few works devoted to the study of the system of general courts of the Russian Empire in the second half of the XIX-early XX centuries. General historiographical analysis to identify «research stereotypes» in the problems of studying the judicial reform of 1864. The formal legal method of research. The point of view is expressed that the main burden and responsibility for the implementation of judicial reform fell precisely on the system of general courts: the concentration of a wide range of powers made them the centers for the development and implementation of judicial policy. Personnel, organizational issues, the formation of legal ideology and judicial precepts are directly related to the activities of general courts. The system of general courts was formed in such a way that the boundaries of judicial districts did not coincide with administrative borders, and the status of judicial officials was higher than that of civil department officials, which excluded attempts of administrative pressure on the court. It is concluded that there are special conditions for the self-organization of the «legal estate», based on anti-corruption principles and the ideals of public service. The realization of this potential eventually led to the success of the judicial reform of 1864.

Keywords: Russian Empire, history of law, judicial reform of 1864, general courts.

Судебная реформа 1864 г. – явление в истории государства российского уникальное как по степени влияния на современников, так и по отражению в современных процессах организации судоустройства. «Общество [середины XIX в.] не осталось равнодушным к новым судебным учреждениям, таким, как суд присяжных, мировой суд и т. д., и приняло самое непосредственное и живое участие в обсуждении проектов и практической реализации Судебных уставов» [5, с. 3].

На другой аспект преобразований обращает внимание М. В. Немытина: «Судебные преобразования в России второй половины XIX – начала XX вв. имели непреходящее значение. Суть их состоит не только в обеспечении условий правильного разрешения дел в суде, но и в гарантиях свободы личности, в элементах разделения властей, положивших начало конституционному развитию страны» [6, с. 251].

Только сильная и самостоятельная судебная власть может быть залогом эффективного конституционного процесса развития государства. Однако за теорией должно быть ее конкретно-историческое

наполнение, конкретные личности, вполне определенные правовые органы и институты, реализующие реформы. Фактор личностный – подбор кадров для системы реформирования – описан американским исследователем Ричардом С. Уортманом [18]. Фактор институализации судебной системы изучен крайне неравномерно. С одной стороны, подавляющее количество исследований обращено к проблематике: суда присяжных, мирового суда и пореформенной адвокатуры. С другой стороны, как справедливо отмечает К. П. Краковский: «Достаточно мало работ, прямо посвященных окружным судам... Анализ организации и деятельности судебных палат проводился исследователями, как правило, применительно к конкретному органу (Варшавская, Иркутская и другие палаты)... Судебная деятельность Сената во 2 половине XIX вв. остается вне оживленного внимания современных ученых» [2, с. 39–40]. Публикации по институализации судебных палат в правовую систему империи остаются крайне немногочисленными [3; 4; 14].

Сложившаяся ситуация достаточно удивительна. Суд присяжных, мировой суд и адвокатуры являлись достаточно проблемными элементами реформы, их деятельность получала громкое, зачастую скандальное освещение в печати, порождала общественные дискуссии, но явно не была однозначно успешной. В отношении трех перечисленных институтов поднимался вопрос об упразднении, как неэффективных. В то же время основная нагрузка и ответственность за реализацию судебной реформы ложилась именно на систему общих судов, но именно их деятельность оказывается наименее изучаемой.

Автором последовательно отстаивается позиция, что «сосредоточение у судебных палат широкого объема полномочий сделало их центрами выработки и реализации судебной политики. Рекомендации по дальнейшему развитию судебной системы давали совещания представителей палат. Кадровые и организационные вопросы решались по согласованию с палатами. Позиция судебных палат влияла также на формирование правовой идеологии и судебных прецедентов» [10, с. 12; 13, с. 39–40].

Проводятся исследования по институализации судебных округов Российской империи, как известно, судебные округа были формой объединения именно системы общих судов и связанных с ними структур. Судебный округ располагался на территории 4–12 губерний или областей с многомиллионным населением (22,5 млн человек). В состав судебного округа входила 1 судебная палата, состоявшая из 2–8 депар-

таментов, а также от 3 до 16 окружных судов, делившихся по 4 разрядам: окружные суды 1-го разряда находились в крупнейших промышленных центрах страны, суды 2-го и 3-го разряда – в центрах губерний и областей, а суды 4-го разряда – в уездных городах, если в губернии находилась 2 и более окружных суда. Необходимо уточнение, могли быть исключения: например, крупный промышленный центр Одесса имел лишь статус уездного города Херсонской губернии. Кроме того, несмотря на введение судебных уставов в действие, на территории Черноморской губернии, Тургайской, Дагестанской, Карской, Батумской и Сахалинской областей, Сухумском и Закатальском округах Российской империи не было ни одного окружного суда [11; 15].

Необходимо также учитывать, что на территории Финляндии действовала самостоятельная судебная система, генетически связанная со шведской судебной системой [19]. В то же время полномочия российских судебных властей простирались за границы собственно империи на арендованные и протекторатные территории. В Китае функционировал Порт-Артурский (позднее Пограничный) окружной суд округа Иркутской судебной палаты. Местные суды, подконтрольные системе общих судов, создавались в Хивинском ханстве, Бухарском эмирате, Урянхтайском крае (современной республике Тыва) [10, с. 50].

Кроме того, административное деление тоже было подвержено изменениям, так, в 1912 г. из состава Привислинского края (Царства Польского) была изъята часть территории, на которой была образована Холмская губерния и одновременно с этим учрежден Холмский окружной суд [1; 10, с. 172].

Сложность у исследователей может вызывать и тот факт, что границы судебных округов, как судебных палат, так и окружных судов тоже многократно пересматривались. В частности, окружной суд мог передаваться из состава округа одной судебной палаты в округ другой судебной палаты, причем неоднократно [10, с. 39–40]. Дополнительную проблематику создает то, что судебная реформа происходила в длительный период времени, на части территорий действовали пореформенные судебные палаты и окружные суды, а на других территориях в то же время дореформенные палаты уголовного и гражданского суда и дореформенные окружные суды [10, с. 42–43]. К сожалению, неспособность некоторых исследователей различить разные формы судов со схожими наименованиями приводит к фактологическим ошибкам.

Отдельный существенный вопрос – наличие значительного количества нереализованных проектов создания судебных округов, которые иногда приобретали даже форму закона, но претворены в жизнь не были [10, с. 47–48; 12, с. 12]. Кроме того, надо отметить, что случаев расформирования уже созданных округов судебных палат не было, однако в разное время были ликвидированы 6 пореформенных окружных судов: Белозерский, Устюженский (он же Устюжский), Ржевский, Рыбинский, Изюмский и Седлецкий [10, с. 175].

Особенно показательным для иллюстрации значимости общих судов для судебной системы империи является возрождение судебных палат и окружных судов, закрытых на основании декрета Совета Народных Комиссаров от 22 декабря 1917 г. «О суде» № 1 и возобновлявших работу на территориях, освобожденных от большевиков [7; 8; 9; 16; 17].

Система общих судов Российской империи формировалась таким образом, чтобы статус председателя судов был выше статуса гражданских чинов. Председатель судебной палаты, включавшей несколько губерний, был более значительной фигурой, чем губернатор, и не потерпел бы попыток административного нажима. В совокупности сложились особые условия для самоорганизации «юридического сословия» на антикоррупционных началах и идеалах государственного служения. Реализация данного потенциала в итоге обусловила успех судебной реформы 1864 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борзова Е. С. История образования Холмской губернии / Е. С. Борзова // Славяноведение. – 2014. – № 5. – С. 75–81.
2. Краковский К. П. Современная российская историография судебной реформы 1864 года и пореформенной истории российского суда / К. П. Краковский // Историко-правовые проблемы : Новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 32–56.
3. Курас Т. Л. Общая характеристика судебных палат Российской империи: на примере Варшавской палаты : 1876–1917 / Т. Л. Курас // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 3. – С. 11–18.
4. Курас Т. Л. Общая характеристика судебных палат Российской империи : на примере Московской палаты / Т. Л. Курас // Власть. – 2012. – № 7. – С. 121–123.
5. Мойсинович А. М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв. :

автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. М. Мойсинович. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2006. – 25 с.

6. Немытина М. В. Суд в России : второй половины XIX – начала XX вв. : монография / М. В. Немытина. – Саратов : СЮИ МВД РФ, 1999. – 256 с.

7. Раков В. В. Учреждения сенатского типа в небольшевистских государственных образованиях в годы гражданской войны / В. В. Раков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 3–2 (19). – С. 196–211.

8. Сапунков А. А. Институт судебных палат в годы революции (1917–1920 гг.) / А. А. Сапунков // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта за 2012 год : материалы итоговой конф. проф.-преподават. состава СибГУФК по итогам работы за 2012 г. – 2013. – С. 185–190.

9. Сапунков А. А. Институт Судебных палат в правовой системе белогвардейских правительств: 1917–1920 гг. / А. А. Сапунков // Вестник Омского университета. Сер.: Право. – 2013. – № 3 (36). – С. 43–48.

10. Сапунков А. А. История общих судов Российской империи : судебные палаты как системообразующий орган (1866–1917 гг.) : монография / А. А. Сапунков. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 224 с.

11. Сапунков А. А. История создания Тифлисского судебного округа (1868–1880 гг.) / А. А. Сапунков. DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(1).24-34 // Вестник Омского университета. Сер.: Право. – 2021. – Т. 18. – № 1. – С. 25–34.

12. Сапунков А. А. Нереализованные проекты открытия общих судов Российской империи : на примере столичных судебных округов / А. А. Сапунков // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы междунар. науч. конф. – Омск : ОмГУ, 2021. С. 228–231.

13. Сапунков А. А. Судебные палаты в судебной системе Российской империи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. / А. А. Сапунков. – Омск : Ом. гос. ун-т им Ф. М. Достоевского, 2018. – 27 с.

14. Сапунков А. А. Учреждение института Судебных палат как важнейшая часть судебной реформы второй половины XIX века в Российской империи / А. А. Сапунков // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта ; под общ. ред. В. А. Аикина. – 2012. – С. 185–192.

15. Сапунков А. А. Формирование системы общих судов Российской империи : Санкт-Петербургский судебный округ в период формирования и реорганизации : 1865–1878 гг. / А. А. Сапунков. – DOI

<https://doi.org/10.26516/2071-8136.2020.4.10> // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 4 (91). – С. 10–18.

16. Стариков И. В. Органы правосудия белой государственности на Востоке России в годы гражданской войны (1918–1922) / И. В. Стариков // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. – 2020. – Т. 5, № 3. – С. 18–25.

17. Степанов М. М. Судебная система общей юрисдикции антибольшевистских государственных образований периода гражданской войны в России (1918–1920 гг.) / М. М. Степанов // Российский судья. – 2017. – № 4. – С. 57–61.

18. Уортман Р. С. Властители и судии : развитие правового сознания в императорской России / Р. С. Уортман ; пер. с англ. М. Д. Долбилова, Ф. Л. Севостьянова. – Москва : Новое лит. обозрение, 2001. – 515 с.

19. Фролов Б. Б. Система судов Великого княжества Финляндского / Б. Б. Фролов // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2016. – № 27-2. – С. 167–171.

Информация об авторе

Сапунков Андрей Анатольевич – доцент кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат юридических наук, sapunkovy@mail.ru.

Information about the author

Sapunkov, Andrey A. – Ass. Professor, Chair of Theory and History of State and Law, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Ph. D. in Law, Ass. Professor, sapunkovy@mail.ru.

**МЮЛЬКАДАРСКОЕ ПРАВО ЗАКАВКАЗЬЯ:
XIX – НАЧАЛО XX в.**

Введение. Ключевой вопрос любого феодализма – это вопрос о форме землевладения. **Цель.** Обратить внимание научной общественности на проблематику различных форм эмфитевзиса на территориях, присоединенных к Российской империи, и их противоречие устоям государственности. **Методология.** Широкий синхронный и диахронный исторический анализ. **Результаты.** В статье впервые ставится вопрос о мюльке как восточной форме эмфитевзиса и о генетических связях мюлька с псевдоевропейскими формами чинша и хизанства. **Заключение.** Проблема относится к малоисследованным, хотя и прямо связана с современными проблемами этноконфессиональной государственной политики.

Ключевые слова: мюльк (мульк), феодальное землепользование, эмфитевзис, Закавказье, Российская империя.

N. A. Sapunkov

**MULKADAR LAW OF TRANSCAUCASIA:
XIX – EARLY XX CENTURIES**

Introduction. The key issue of any feudalism is the question of the form of land ownership. **Goal.** To draw the attention of the scientific community to the problems of various forms of emphyteusis in the territories annexed to the Russian Empire, and their contradiction with the foundations of statehood. **Methodology.** Broad synchronous and diachronic historical analysis. **Results.** The article for the first time raises the question of mulk as an eastern form of emphyteusis, and about the genetic connections of mulk with pseudo-European forms of chinsha and khizanism. **Conclusion.** The problem belongs to the little-studied ones, although it is directly related to the modern problems of ethno-confessional state policy.

Keywords: mulk, feudal land use, emphyteusis, South Caucasus, Russian Empire.

Введение. Ключевой вопрос любого феодализма – это вопрос о форме землевладения. Именно владение землей, а также связанные с этим иные ресурсы, в том числе личная и поземельная зависимость крестьян, являются основой феодальной ренты. По мнению видных советских историков-медиевистов В. В. Бирюковича и Я. А. Левицкого, «в Западной Европе первой еще не развитой формой феодальной земельной собственности был *аллод*... Дальнейшее развитие... привело к возникновению... – *бенефиция*... с развитием феодального общества бенефиций из пожизненного владения превратился в наследственное и приобрел черты феода. *Феод, или лен* – это наследственное земельное владение, связанное с обязательным несением военной службы и выполнением некоторых других обязанностей феодалом по отношению к вышестоящему сеньору... Соответствующие формы феодального землевладения существовали и на Востоке... формой землевладения, соответствующей аллоду, является *мульк*. Бенефицию и феоду (лену) здесь соответствует *икта*, на разных стадиях ее развития, а позднее *со-юргал*» [1, с. 11–12].

Представляется, что подобный европоцентристский подход, бытующий в научном дискурсе и по ныне, удобен для марксистских формационных схем, но крайне далек от понимания специфики восточных форм феодализма [13] с особой ролью в нем правового обычая [14].

В то же время, российский феодализм – это не только традиционные формы: вотчины, поместья и т. п., но и феодальное землевладение присоединяемых территорий, которые необходимо было как-то интегрировать в общее правовое пространство империи. Присоединенные на рубеже XVIII – XIX вв. земли Речи Посполитой и Кавказа превратились в непрерывную «головную боль» империи.

Мюльк как форма поземельных отношений. Дать единое определение данному термину крайне затруднительно из-за его широкой время-пространственной распространенности. Данный институт исламского права существует свыше тысячелетия на территории от Средиземноморья до Индии. За время существования видоизменялся и приобретал региональные разновидности.

Существуют различные варианты произношения: мульк, мулк, милк, мюльк, мильк, мольк [8], автор в качестве базового написания придерживается варианта «мюльк». Очевидно, что мюльк является внеформационным правовым институтом, поскольку продолжает существовать в эпоху Нового времени. Однако мюлькадарское право [6,

с. 363], основанное на мюльке, несомненно является формой, присущей именно феодальному землепользованию.

В литературе можно встретить огромный разброс в определении термина. До настоящего времени остается актуальной классификация, предложенная М. Еганяном в 1958 г., в свою очередь, основанная на монографии А. М. Есаяна (1948) [3]:

1. «Собственником земли является само государство, поэтому мюльк не что иное, как часть подати-ренты, уступаемой казной своим чиновникам за их казенную службу (И. И. Шопен [25], В. Н. Иваненко [4] и др.).

2. Собственником земли является шахиншах — «тень божья», но он не абсолютный собственник. Кроме него, собственниками земли считаются также представители высшего сословия, поэтому и мюльк является частной собственностью (И. Нофаль [9], Л. Тигранов [20], М. Павлович [10], М. Сенджаби [18] и др.).

3. Мюльк не связан с казенной службой, он приобретается покупкой, наследованием и пр. (Услар [22], М. Томар [21]).

4. Мюльк, с одной стороны, означает частную собственность на землю, но, с другой — долю ренты-налога, получаемую с земли владельцами с крестьян, сидящих на их земле (И. Петрушевский [11])» [2, с. 61].

Сам М. Еганян делает акцент на том, что изучаемый им мюльк Закавказья, несомненно, генетически связан «с несением царской службы» [2, с. 62].

Дискуссия была возобновлена в 1979 г. в рамках Бартольдских чтений, где по вопросу мюлька были опубликованы доклады: Е. А. Давидович «Феодальный земельный милк в Средней Азии XV–XVIII вв.: сущность и трансформация» [23, с. 39–62], Г. М. Курпалидис «Икта и мулк в официальных документах XII в. (по «Атабат ал-катаба»)» [23, с. 102–109], А. Д. Папазян «Понятия «мулк», «малек» и «малеканэ» по кабале-вакфнаме (1431 г.) селений, принадлежавших Эчмиадзину» [23, с. 127–132], А. Н. Тер-Гевондян «Владения армянских феодалов в VII–IX вв. — милковые земли» [23, с. 133–140], А. Р. Шихсаидов «Мулк в Дагестане X–XIV вв.» [23, с. 159–167]. В частности, было указано на древность мюлька в Закавказье, вопреки мнению М. Еганяна о его появлении в регионе только под властью сельджуков и даже возможность возникновения в государстве Османов. К сожалению, данные публикации стали библиографической редкостью и малодоступны, а вопрос

находится на периферии научного дискурса и известен только узким специалистам.

Из реконструкции проф. И. П. Петрушевским (1958) системы поземельных отношений державы Хулагуидов можно сделать вывод о делении всего земельного фонда на две группы:

– земли, исключенные из свободного оборота, с пользованием на правах ренты-налога (тиула) – это: 1) государственные земли (диван), из которых формировался фонд владений на ленном праве (икта́), 2) дворцовые земли (инджу, хассинджу) и 3) земли духовенства (вакф);

– земли, разрешенные к обороту (продажа, дарение, наследование), принадлежащие как монгольским, так и местным феодалам (мульк) [12, с. 196].

Однако в литературе встречается также важное указание на наличие мюлька как неблагородного держания, владения отдельных крестьян общинников или коллективное владение общин (мульк умуми), в то же время икта́ могла быть получена на праве мюлька и становилась наследственной. Например, дарственная грамота (мюльк-наме) султана Селима II визирю (1587 г.) [19]. Кроме того, в подвластном Персии Дагестане, «по праву «мюльк халисе» – земли и поселенные на них люди (прикрепленные к земле) прежде были собственностью ханов и пожалованы бекам со всеми доходами, или же земля издревле принадлежала частным владельцам, и они заселили ее пленными и беглыми из других провинций» [24, с. 132]. Показательно, что мюлькадар выступал и как организатор ирригационных работ.

На основании вышеперечисленных особенностей, представляется обоснованным принципиально новая постановка вопроса о природе мюлька в Закавказье, как о восточном варианте эмфитевзиса – вещного наследуемого отчуждаемого права владения и пользования чужой землей. Именно с данным видом мюлька сталкивается Российское законодательство XIX в. в ходе присоединения земель Закавказья.

Мюльк, чинш и хизанство на территории России. Говоря о вечно-наследственном найме земли, В. В. Новодворский отмечал, что «в России среди русского населения не существовало такого института, но среди других народностей, входящих в состав империи... [выделялись] два: хизанство в Грузии и чиншевые отношения в губерниях, присоединенных от бывшего Польского Королевства» [7, с. 429]. Отнести мюльк к этой категории мешала путанность и непривычность связанной с институтом мусульманской терминологии. В итоге для

обозначения крестьян с этих земель родился термин «государственные поселяне, водворенные на землях лиц высшего мусульманского сословия» [6, с. 363].

Традиционно бытует мнение о происхождении польско-литовского чинша от европейской правовой традиции (Саксонского зеркала, Магдебургского права). Однако их разительное отличие никогда не вызывало сомнения, о чем автор неоднократно говорил в своих публикациях [15–17]. Чинш (цензива) в Европе – это исключительно неблагоприятное держание, а в Восточной Европе возникла огромная чиншевая шляхта, так же как в Грузии – «в каждой деревне по три князя», кроме того, появился ранее неведомый тип еврейской чиншевой общины – шктрел (местечко) [15, с. 21–23].

Коренное противоречие возникло между идеалами русского дворянства, основанными на долге и служении Родине, и взглядами неофитов из Польши и Кавказа, с милитарно-авантюрными устремлениями и целью быстрого обогащению любой ценой.

Екатерина II в «Секретнейшем наставлении» (1764) при вступлении в должность генерал-прокурора князя А. Вяземского определила основы имперской политики в отношении регионов с формами землевладения, отличными от российской традиции: «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся конферированными им привилегиями. Нарушать оные отрешением всех вдруг весьма непристойно было бы... Сии провинции, также и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтобы они обрусели и перестали бы глядеть как волки к лесу; к тому приступ весьма легкий, если разумные люди избраны будут начальниками в тех провинциях...» [5, с. 796]. Идея добиться «обрусения» территории (не в смысле ассимиляции, а в плане формирования комплементарных идеологием), не удалась, что в итоге повлекло крушение и Российской империи, и Советского союза, и остается неразрешенной проблемой поныне.

Выводы. Проблема мюлькадарского права Закавказья относится к малоисследованным, хотя и прямо связана с современными проблемами этноконфессиональной государственной политики. В статье впервые ставится вопрос о мюльке как восточной форме эфитевзиса и о генетических связях мюлька с псевдоевропейскими формами чинша и хизанства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюкович В. В. Введение к тому 3 / В. В. Бирюкович, Я. А. Левицкий // Всемирная история. В 10 т. Т. 3. – Москва : Госполитиздат, 1957. – 896 с.
2. Еганян М. О мультке и мульткадарском праве в Армении / М. Еганян // Известия АН Армянской ССР. Сер.: Общественные науки. – 1958. – № 11. – С. 61–74.
3. Есаян А. М. Мульткадарское право в Армении / А. М. Есаян. – Ереван : ЕГУ им. Молотова, 1948. – 160 с.
4. Иваненко В. Н. Утверждение русского владычества на Кавказе / В. Н. Иваненко. Т. 12. – Тифлис : Тип. Я. И. Либермана, 1901. – 533 с.
5. История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг. В 5 т. Т. 2 / сост. А. Е. Пресняков, Н. Д. Чечулин. – Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1911. – 806 с.
6. Карев Н. И. Мульткадар / Н. И. Карев // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 20 (39). Санкт-Петербург : Семеновская тип., 1897. – С. 363.
7. Карышев Н. А. Землепользование / Н. А. Карышев // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 12 (23). – Санкт-Петербург : Семеновская тип., 1894. – С. 426–438.
8. Мультк // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru> (дата обращения 20.09.2021).
9. Нофаль И. Г. Курс мусульманского права / И. Г. Нофаль. – Санкт-Петербург : Воен.-учеб. ком. Глав. штаба, 1886. – 223 с.
10. Павлович М. П. (Вельтман М. Л.) Собр. соч. В 12 т. Т. 7 / М. П. Павлович. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1926. – 260 с.
11. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. / И. П. Петрушевский. – Ленинград : ЛГУ, 1949. – 384 с.
12. Петрушевский И. П. Иран под владычеством монгольских ханов (1220–1336) // История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века / И. П. Петрушевский, Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский и др. – Ленинград : ЛГУ, 1958. – 390 с.
13. Сапунков А. А. Генезис кулачного боя как элемента правовой культуры древнего, античного и средневекового общества: историко-правовое исследование / А. А. Сапунков. – DOI: 10.24412/1999-6241-2021-2-226-233 // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – Т. 26. – № 2 (85). – С. 226–233.

14.Сапунков А. А. Правовой обычай в современном праве / А. А. Сапунков, Э. М. Малева // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : ИГУ, 2021. – С. 350–357.

15.Сапунков А. А. Чиншевое право в истории российской государственности конца XV – начала XX в. / А. А. Сапунков, Н. А. Сапунков. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).16-31 // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 16–31.

16.Сапунков Н. А. Начальный этап становления чиншевого права на территории Российской империи / Н. А. Сапунков // Учредительные нормы и учредительные акты в публичном праве : IV Прокопьевские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. ; отв. ред. О. А. Заячковский. – Калининград : БФУ, 2021. – С. 224–231.

17.Сапунков Н. А. Чиншевое право в истории российского государства XV–XVII вв. / Н. А. Сапунков // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : ИГУ, 2021. – С. 357–362.

18.Сенджаби М. Персия в кризисе / М. Сенджаби. – Москва ; Ташкент : ОГИЗ. Среднеазиат. отд., 1931. – 189 с.

19.Тверитинова А. С. Дарственная грамота (мюльк-наме) султана Селима II на имя везира и капудана Пияле-паши (1587 г.) / А. С. Тверитинова // Письменные памятники Востока : ежегодник, 1971 / АН СССР, Ин-т востоковедения. – Москва : Наука, 1974. – С. 109–126.

20.Тигранов Л. Ф. Из общественно-экономических отношений в Персии / Л. Ф. Тигранов. – Санкт-Петербург : Тип. «Якорь», 1909. – 161 с.

21.Томара М. Л. Экономическое положение Персии / М. Л. Томара. – Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1895. – 172 с.

22.Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе / П. К. Услар // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис : Тип. Меликова, 1881. – Вып. 10. – 581 с.

23.Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке : Бартольд. чт. / ред. кол. Б. Г. Гафуров и др. – Москва : Наука, 1979. – 227 с.

24.Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX веке / Х. М. Хашаев. – Москва : Изд. АН СССР, 1961. – 263 с.

25.Шопен И. И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи / И. И. Шопен. – Санкт-Петербург : Имп. АН, 1852. – 1232 с.

Информация об авторе

Сапунков Никита Андреевич – магистр юриспруденции, преподаватель кафедры адаптивной и физической культуры; аспирант кафедры теории и истории государства и права, Sapunchini@mail.ru.

Information about the author

Sapunkov, Nikita A. – Master of Law, Lecturer of the Department of Adaptive and Physical Culture; Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law, Sapunchini@mail.ru.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ КАК ОДИН ИЗ ИНСТИТУТОВ СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДОГО УЧЕНОГО

В данной статье автором проведен анализ деятельности научных сообществ, существующих в высших учебных заведениях, а также рассмотрено их влияние на становление молодого ученого. Предлагаются варианты решения проблем, стоящих перед научными сообществами, а также проработка системы поощрения.

Ключевые слова: наука, научные сообщества, студенты, молодой ученый.

I. N. Serebrennikov

SCIENTIFIC COMMUNITIES OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS AS ONE OF INSTITUTIONS THE FORMATION OF A YOUNG SCIENTIST

In this article, the author analyzes the activities of scientific communities existing in higher educational institutions, as well as their impact on the formation of a young scientist. The options for solving the problems facing the scientific communities are proposed, as well as the elaboration of the incentive system.

Keywords: science, scientific communities, students, young scientist.

Научные сообщества во все времена являлись двигателями научного прогресса, ведь они преследовали одну цель – установить истину, с чем успешно справлялись [3, с. 25]. В настоящее время можно констатировать тот факт, что сейчас научные сообщества развиваются практически во всех высших учебных заведениях, однако они сталкиваются с определенными проблемами, которые самостоятельно не могут решить, поэтому научные сообщества остаются только формально. Необходимо разобраться, как именно человек, который занимается научной деятельностью, связан с научным сообществом (научными кружками).

Студент любого высшего учебного заведения, обучаясь на первом курсе, в процессе освоения образовательной программы знакомится с научной деятельностью. Некоторых студентов данная деятельность привлекает, некоторых отталкивает. Тем не менее некоторое количество студентов пытаются обрести опыт молодого исследователя, делают первые шаги, но не все доходят до того, чтобы, например, опубликовать свою научную статью. И в чем же проблема? Необходимо начать с истоков.

Тех, кто действительно хочет заниматься научно-исследовательской работой, не так уж и много, поскольку чаще всего это кропотливый скрупулезный труд, который требует огромной затраты своих жизненных ресурсов (чаще всего, не остается времени на сон, если научная деятельность полностью поглощает тебя). Студент надеется на то, что если он быстро напишет научную работу, то в дальнейшем он будет получать отличные оценки от преподавателей. С целью этого кто-то самостоятельно начинает заниматься написанием научной работы, а кто-то вступает в научный кружок высшего учебного заведения. Чаще всего, в одном учреждении образования функционируют несколько научных кружков. Для примера рассмотрим Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Данный институт состоит из 15 кафедр, и на 14 из них существуют научные кружки. Курсант с 1 курса уже знакомится с ними и может выбрать для себя любой научный кружок, поскольку известно, что участие в деятельности научного кружка оказывает значительное влияние в части профессионального самоопределения и становления как профессионала [2, с. 107]. Таким образом, по любой интересующей курсанта теме найдется научный руководитель, который будет готов взяться за нового члена кружка.

Вместе с тем, научные сообщества функционировали всегда по одной схеме: собрание в свободное от учебы время, обсуждение планов, проблем, их решение, помощь друг другу и совместное времяпрепровождение, что также является очень важной частью, поскольку будущие молодые ученые должны состоять друг с другом в хороших отношениях, хоть это и не всегда получается. В реальном научном сообществе возникают различные разногласия, поскольку каждая личность уникальна по-своему, а значит, реагирует по-разному [1, с. 128]. В связи с этим в научном сообществе должно процветать уважение к своим коллегам, поскольку конструктивный конфликт может в любой

момент перерасти в деструктивный, что, как известно, не позволит достичь истины.

В настоящее же время в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) деятельность научных сообществ перешла в дистанционный формат. Конечно, к дистанционному формату уже смогли адаптироваться все научные сообщества, но он не является традиционным, как и дистанционное обучение, которое также не является традиционным, а выводы по данной проблеме возможно сделать самому, проанализировав свою деятельность. Гораздо больший интерес возникает тогда, когда, стоя рядом с товарищем, вы обсуждаете какую-либо проблему. Ты можешь видеть его эмоции, четко слышать его голос, тембр. В дистанционном же формате не всегда такое возможно, поскольку существуют различные естественные и искусственные причины, которые не позволяют полностью пребывать в процессе обсуждения научной проблемы.

Стоит сказать о том, что заниматься научной деятельностью можно и самостоятельно, однако в данном случае человек лишает себя возможности действительно почувствовать себя молодым ученым, поскольку возможны различные дискуссии, выслушивание различных точек зрения, решение каких-то проблем, которые можно было даже не заметить. Молодой ученый, по нашему мнению, это не просто студент, который занимается написанием один раз в семестр научной работы, это не просто студент, который состоит в научном кружке, это воплощение тех научных мыслей, которые ты отстаиваешь. Конечно, это можно выделить только субъективно, однако можно проследить общие черты. Например, постоянное написание научных работ (конечно, с перерывом), участие в дискуссиях, интерес к чему-то новому, то есть обычная жизнь настоящего ученого, но без диссертаций и глобальных исследований (хоть и не всегда).

Молодой ученый также ориентируется на свою будущую специальность, по которой он обучается, поскольку это действительно поможет стать ему настоящим профессионалом, которого будут ценить на работе, ведь не каждый может заниматься научной деятельностью.

Стоит упомянуть еще и то, что перед научным кружком в высшем учебном заведении стоит главная задача – это не дать превратить себя в кружок с красивым названием, в котором есть связь с научной деятельностью, то есть не существовать формально. Это огромная проблема, которую действительно необходимо решать, но для ее решения потребуется продуманная система мер поощрения.

Государство заинтересовано в том, чтобы научные сообщества в высших учебных заведениях только развивались, поскольку если человек приносит пользу науке, то в конце концов он принесет пользу не только своему государству, но и всему миру.

Предлагается, чтобы государство каждый учебный год проводило конкурс на лучшее научное сообщество в высших учебных заведениях, где критерием станет именно результат, причем необходимо разделение на специальности. Также предлагается учреждение медали «Молодой ученый» и звания «Лучшее научное сообщество», которые будут являться своего рода стимулом.

В высших учебных заведениях необходимо предоставить бесплатный и беспрепятственный доступ ко всем библиотечным фондам и архивам не только в городах, где располагается высшее учебное заведение, но и в других городах, введение дополнительных выплат и учреждение именных стипендий. Необходимо показать студентам, что наука является очень важной частью жизни. Если не все способны ей заниматься, то вносить любой, даже самый маленький вклад, способны все.

Таким образом, научное сообщество в высшем учебном заведении является важным элементом в становлении молодого ученого, поскольку уже с 1-го курса человек начинает вникать в проблемы, пытаться их решить. Происходит столкновение мнений, коммуникация между людьми с различными точками зрения. Важно, чтобы наука продолжала жить не только «формально», но и практически, иначе никакого прогресса не будет, если не будет и молодых ученых.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранец Н. Г. Научная критика в научном сообществе и ее значение для научной традиции / Н. Г. Баранец, А. Б. Веревкин // Симбирский научный вестник. – 2011. – № 2 (4). – С. 128–135.

2. Кожанова В. П. Значимость молодежных научных сообществ в профессиональном самоопределении учащихся школ и студентов вузов / В. П. Кожанова, С. Н. Фомина. – DOI 10.17922/2071-5323-2018-17-4-100-107 // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2018. – Т. 17, № 4 (149). – С. 100–107.

3. Лопастейский С. А. Ценностные основания научного сообщества в условиях становления общества знаний / С. А. Лопастейский. – DOI 10.18500/1819-7671-2019-19-1-25-29 // Известия Саратовского

университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 25–29.

Информация об авторе

Серебренников Иван Николаевич – курсант 3-го курса факультета правоохранительной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России, рядовой полиции, ivan.sereb.ivan.qwerty78@gmail.com.

Information about the author

Serebrennikov, Ivan N. – 3rd year student of the Faculty of Law Enforcement of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, ordinary police, ivan.sereb.ivan.qwerty78@gmail.com.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ ПО СОБОРНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1649 г.

Статья посвящена государственным преступлениям и преступлениям против порядка управления по Соборному уложению 1649 г. в контексте баланса государственного и церковного начала в системе права изучаемой эпохи. Соборное уложение можно рассматривать как один из первых кодексов, в котором были затронуты государственные преступления и объединены в отдельные главы преступления против порядка управления. В статье также идет речь о видах государственной измены. Рассматриваются санкции, предусмотренные за совершение государственных преступлений и преступлений против порядка управления.

Ключевые слова: Соборное уложение, государственные преступления, измена, государь, преступник, умысел, преступления против порядка управления.

I. V. Treyer

STATE CRIMES AND CRIMES AGAINST THE ORDER OF ADMINISTRATION UNDER THE CATHEDRAL CODE OF 1649

The article is devoted to state crimes and crimes against the order of administration under the Cathedral Code of 1649 in the context of the balance of state and church principles in the legal system of the studied era. The Cathedral Code can be considered as one of the first codes in which state crimes were addressed and crimes against the order of government were combined into separate chapters. The article also deals with the types of high treason. The sanctions provided for the commission of state crimes and crimes against the order of management are considered.

Keywords: Cathedral Code, state crimes, treason, sovereign, criminal, intent, crimes against the order of management.

Соборное уложение 1649 г. – документ в российской истории уникальный. «Этот памятник занимает одно из центральных мест в истории отечественного законодательства и его принятие представляется важным этапом на пути формирования российской законодательной традиции» [6, с. 25]. Уникальность и важность документа являются причиной неизменного интереса к нему многих поколений исследователей. О назревшей в обществе потребности правовой реформы говорит и тот факт, что «свое решение о создании Уложения царь Алексей Михайлович принял не по собственной инициативе, а в ответ на челобитную, поданную представителями разных сословий» [15, с. 5]. Данный факт согласуется с тем, что «время принятия Уложения – это этап перехода от сословно-представительной монархии к абсолютной» [6, с. 25].

Представляется, что необходимо обратить внимание и на другие аспекты. Как отмечал В. О. Ключевский, «с конца X в., новый строй юридических отношений... проводила в русскую жизнь Церковь. Памятники, в которых отразился новый порядок... освещают русскую жизнь с другой стороны, которая остается в тени Русской Правды» [3, с. 40]. Церковное право в средневековом сознании не менее значимый фактор, чем право светское [5; 9, с. 220]. Иногда они могли войти в противостояние, например «[Судебный] поединок «поле» достаточно широко представлен в законодательных актах XIII–XVI вв. ... отвергался церковью, наказание было в виде отлучения от церкви, запрета причастия и похорон за церковной оградой отлучения. Священник, причащавший или отпевавший участника «поля», тоже подлежал суровому для него наказанию – лишению сана [8, с. 230; 10, с. 350–357].

Соборное уложение – это не только изменение формы государственного правления, но и изменение формы взаимодействия государства и церкви. Вопрос, который со стороны изучения норм о преступлениях против веры и церкви автором рассматривался в другой публикации [10], требует освещения со стороны норм по защите государственного строя. Очень важно, что «вплоть до начала XX века, когда... был изменен взгляд на саму юридическую природу религиозных преступлений, продолжала развиваться линия, заложенная Соборным уложением 1649 г.» [16, с. 142]. Уложение устанавливало новый баланс государственно-религиозных взаимоотношений. Неслучайно, царь при подготовке, написании и утверждении Уложения действует «по совету со отцем своим и богомольцем, святейшим Иосифом пат-

риархом Московским и всея Руси... и с митрополиты, и со архиепископы... и епископу, и архимандритом, и игуменом, и всему священному собору...» [1, с. 5–6].

Упоминание о государственных преступлениях появляется около X–XI в. Это преступление именуется «крамола», за него устанавливалась смертная казнь. Изначально она обозначала «отъезд» бояр и князей со службы. За это они лишались своего чина и прав на имущество. О государственных преступлениях упоминается в главе II Соборного уложения, именуемой «О государьской чести и как его государское здоровье оберегать». В Уложении выделяется два типа государственных преступлений. Первый – это крамола (измена). Второй – земская измена, которая предусматривала сдачу города врагу. Также сдача города могла быть двух видов, открытый или тайный запуск в город [4, с. 103]. За такие преступления, как преступления против царя и его семьи, государственная измена, мятеж и заговор, «завет», ложный донос, назначалась такая санкция, как «смертная казнь с конфискацией вотчин, поместий, имущества осужденного» [2, с. 17].

Государственными преступлениями являлись преступления не только против государства, но и против царя и его семьи. Один умысел уже являлся преступлением, за который полагалась смертная казнь, это упоминается в статье 1 этой же главы Соборного уложения. Также непристойная речь, сказанная в адрес государя, являлась преступлением.

Наказанию подвергался не только преступник, но и его семья. Но семья несла ответственность в том случае, если члены семьи знали об умысле преступника. В таком случае они тоже подвергались наказанию наравне с виновным. Данное преступление не было подкреплено презумпцией невиновности. Если удавалось доказать то, что семья не знала о преступлении, у семьи виновного изымалась вотчина или поместье. Им выдавалось прожиточное поместье, так как они оставались без средств после конфискации имущества виновного. «А будет которая жена про измену мужа своего, или дети измену же отца своего не ведали, и сыщется про то допряма, что они тоя измены не ведали, и их за то не казнити, и никакова наказания им не чинити, а на прожиток из вотчин и ис поместий им, что государь пожалует». Судя по Уложению, у других родственников преступника (брат, сестра, мать и т. д.) ни вотчин, ни поместий не изымалось.

В статье 13 Соборного уложения идет речь об изменнике, вернувшемся из-за рубежа. Если государь помиловал изменника, то он не имел права возврата конфискованных земель.

Статьи с 12-й по 17-ю Уложения говорят о доносах по политическим преступлениям. Государством могло санкционироваться не только оправдание или наказания, а также продолжение с применением пытки. Государством награждался привод или даже убийство изменника. Поймавшему или убившему преступника полагалось часть его животы, как повелит государь. Таким образом государство боролось с государственными преступлениями. В случае же ложного доноса доносчик нес то же наказание, которое должен был понести оговоренный.

В последующих статьях, а именно с 18-й по 19-ю главы II Уложения речь идет о таких преступлениях, как скоп и заговор. Широко трактуется круг преступлений, за которые следовало доносить государю. Затем смертная казнь будет устанавливаться не только за непредставление сведений о государственных преступлениях, но и за другие виды преступлений: «...За государственные преступления предусматривалось преимущественно смертная казнь» [11, с. 24].

Последние статьи главы II – это статьи с 20-й по 22-ю. В них упоминается ответственность за произвол, мошенничество и заговор против должностных лиц. Существует такое понятие, как «прихаживать» для воровства, которое означало любые враждебные действия. Этого хватало для состава преступления. Воеводы и командиры несут ответственность за ложные обвинения, описанные в челобитной в скопе и заговоре. Размер штрафа был назначен по усмотрению государя в связи с необходимостью защиты особого положения воеводства.

Преступления против порядка управления следуют за государственными. Соборное уложение в своем составе «сгруппировало преступления по видам» [7, с. 130]. Появление таких преступлений связано с бюрократизацией государственной власти. В Соборном уложении такие статьи были опубликованы для преследования фальсификации актов и грамот.

Преступлениям против порядка управления в Соборном уложении посвящены главы III, IV, V и VI. «Соборное уложение 1649 года сосредоточило в себе нормы, направленные на борьбу с преступлениями против власти административной...» [14, с. 22].

Рассматривая отдельно главы IV и V, можно сделать вывод, что в Судебнике 1550 года также говорится об изготовлении поддельных грамот, такое деяние именуется подпиской. В Соборном уложении такое преступление, как подписка, уже более детализировано. В статьях с 1-й по 2-ю главы IV «О подписицех, которые печати подделывают»,

за подделку грамот, печатей, также постановку печатей на подложные (воровские) документы устанавливается наказание в виде смертной казни.

В Соборном уложении существует самостоятельный состав преступления за использование нарядных писем, то есть поддельных грамот, подложных приказных писем и печатей. Наказание имели те, кто имел намерение, т. е. знал о подделке документа (статьи с 3-й по 4-ю).

В главе V «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские деньги» вводится понятие фальшивомонетничества в раздел преступлений против порядка управления. Установление государством контроля за монетным делом произошло лишь в конце первой половины XVI в., с установления государева монетного двора в Москве.

В статье первой идет речь о тех денежных мастерах, которые чеканили монеты не серебряные, как было принято в государстве, а медные, оловянные или укладные деньги (воровские). Все такие мастера привлекались к ответственности по приказу Большой казны. В начале второй половины XVII в. значительно увеличился рост фальшивомонетничества, что было связано с выпуском медной монеты. Соборное уложение не проводило, различая между соучастниками и исполнителями фальшивомонетничества, или в добавлении других металлов к монете в сплаве. Это разделение было установлено позже, законом 1661 г. Он заменил такое наказание как, заливание раскаленного металла в горло, наказанием, как отрезание левой руки для преступников, отрезание двух пальцев для сообщников.

В статье 2 устанавливается ответственность мастеров, работавших с благородными металлами. За утайку или подмену золота и серебра предусматривалось торговая казнь или возмещение убытка пострадавшему. Замена или сокрытие серебра или золота было особо опасным деянием. Это связано с принципом юрисдикции суда, такие действия были подсудны приказу Большой казны. Состав этого преступления был новым.

Таким образом, государственные преступления и преступления против порядка управления заняли свое место в системе преступлений такого памятника российского законодательства как Соборное уложение. Соборное уложение, включив государственные преступления в свой состав закрепила тем самым три группы преступлений, как «1) умысел на государственное здоровье; 2) измена; 3) скоп и заговор на Царское Величество и на государевых приказных людей» [13, с. 169].

Преступления против порядка управления впервые получили свое место в Соборном уложении в виде отдельных статей и глав. Однако в структуре документа они заняли место после преступлений против церкви. Для легитимации в Уложении норм по защите государственной власти требовался авторитет и одобрение церкви. Такую систему уже нельзя назвать дуополией государства и церкви, но выработка государственной идеологии по смыслу документа оставалась церковной функцией. Церковь сохранила право на «увещевание» властителей светских.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дорская А. А. Соборное уложение 1649 года и проблемы систематизации источников церковного права / А. А. Дорская // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения) : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. – Москва : Инфра-М, 2021. – С. 136–143.

2. Зарубина К. А. Институт политических преступления по Соборному уложению 1649 года / К. А. Зарубина // Наука молодых – будущее России : сб. науч. ст. 4-й междунар. науч. конф. перспективных разработок молодых ученых. В 8 т. Т. 3. – Курск : ЮЗГУ, 2019. – С. 102–104.

3. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 т. Т. 1 / В. О. Ключевский. – Москва : Мысль, 1994. – 572 с.

4. Любавский М. К. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года : изд. Ист.-Филол. фак. Имп. Моск. ун-та / М. К. Любавский. – Москва : Печатня А. М. Снегиревой, 1907. – 196 с.

5. Малева Э. М. История создания судебной экспертизы в России / Э. М. Малева // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : ИГУ, 2021. – С. 341–344.

6. Пашенцев Д. А. Соборное уложение 1649 года – уникальный памятник отечественного права / Д. А. Пашенцева // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения) : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. – Москва : Инфра-М, 2021. – С. 24–28.

7. Рябченко А. Г. Уголовно-правовое регулирование составов преступлений против государства и ответственности за их совершение в самодержавной России XVII в. / А. Г. Рябченко, М. Р. Гиш //

Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2012. – № 1 (15). – С. 22–26.

8. Сапунков А. А. Генезис кулачного боя как элемента правовой культуры древнего, античного и средневекового общества : историко-правовое исследование / А. А. Сапунков. – DOI: 10. 24412/1999-6241-2021-2-226-233 // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – Т. 26, № 2 (85). – С. 226–233.

9. Сапунков А. А. История государства и права России : государство и право древнерусского периода (IX–XII вв.) : учеб. пособие / А. А. Сапунков. – Омск : ОмГУ, 2021. – 56 с.

10. Сапунков А. А. Правовой обычай в современном праве / А. А. Сапунков, Э. М. Малева // Социальные институты в правовом измерении : теория и практика / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : ИГУ, 2021. – С. 350–357.

11. Суханов М. С. Понятие государственного преступления и его видов в законодательных актах XV–XVII веков / М. С. Суханов, А. Н. Гаращенко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 5–1. – С. 15–18.

12. Тарасенко И. В. Особенности досудебного производства по делам о государственных преступлениях в Московском государстве XV–XVII веков / И. В. Тарасенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2020. – № 1 (838). – С. 167–178.

13. Тарасов Н. И. Преступления против порядка управления в системе преступлений против государственной власти (по законодательным актам середины XVII начала XVIII столетий) / Н. И. Тарасов // Вестник международного юридического института. – 2017. – № 4 (63). – С. 18–25.

14. Тарасов Н. И. Преступления против порядка управления в системе преступлений против государственной власти (по законодательным актам середины XVII начала XVIII столетий) / Н. И. Тарасов // Вестник международного юридического института. – 2018. – № 1 (64). – С. 128–135.

15. Томсинов В. А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции / В. А. Томсинов // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича. – Москва : Зерцало, 2011. – С. 1–52.

16. Трейер И. В. Религиозные преступления по Соборному уложению 1649 года / И. В. Трейер // Российское право на современном

этапе : сб. науч. тр. XV междунар. науч.-практ. конф. проф.-преподават. состава, молодых ученых и студентов. – Москва : Знание-М, 2021. – С. 11–15.

Информация об авторе

Трейер Инесса Витальевна – преподаватель ЧОУ ДПО Университет «Кластер», г. Омск, treyer18@bk.ru.

Information about the author

Treyer, Inessa V. – lecturer of the Omsk University «Cluster», treyer18@bk.ru.

**К 100-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА НИЖЕЧКА,
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА,
ЗАСЛУЖЕННОГО ЮРИСТА РФ**

Рассматриваются вопросы профессиональной и общественной деятельности В. И. Нижечека в период его работы на юридическом факультете Иркутского государственного университета.

Ключевые слова: В. И. Нижечек, человек, мэтр отечественной юридической науки и образования, заведующий кафедрой, докторская диссертация В. И. Нижечека, сферы научных интересов.

R. L. Khachaturov

**TO THE 100TH ANNIVERSARY OF VLADIMIR ILYICH
NIZHECHEK, DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HONORED
LAWYER OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Issues of professional and social activities of V. I. Nizhechek during his work at the Faculty of Law and Law of Irkutsk State University are considered.

Keywords: V. I. Nizhechek, Man, Mater of Domestic Legal Science and Education, head of the department, doctoral dissertation by V. I. Nizhechek, areas of scientific interest.

О Владимире Ильиче, без сомнения, можно сказать – прекрасный человек, учитель, признанный мэтр отечественной юридической науки и образования. Его всегда окружали студенты и преподаватели юридического факультета Иркутского университета, за советом обращались бывшие ученики, которые работали в различных правоохранительных органах, советских исполкомах и т. п.

Профессионализм и эрудиция, широта творческой мысли, талант исследователя характеризуют В. И. Нижечека как блестящего ученого и педагога с огромным жизненным опытом, человека, прошедшего всю Великую Отечественную войну. Он с первого дня войны сражался в рядах Западного, Брянского, Степного, 2-го Украинского фронтов. Закончил службу старшиной в августе 1946 г. Имеет государственные

награды: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; медаль «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другие, в том числе медалями «В честь Вооруженных Сил СССР», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и др.

Мне посчастливилось быть студентом и преподавателем юридического факультета Иркутского государственного университета. С благодарностью помню своих учителей. В студенческий период (1963–1967 гг.) моими учителями были следующие преподаватели факультета: Арсеньев Виталий Дмитриевич, Бычкова Галина Павловна, Виттенберг Григорий Беницианович, Гаверов Григорий Степанович, Горбунова Ольга Николаевна, Иванов Олег Всеволодович, Крылова Зоя Григорьевна, Копьева Александра Николаевна, Лобанов Павел Викторович, Нижечек Владимир Ильич, Немцев Виктор Алексеевич, Орлов Георгий Семенович, Пертцик Вадим Аркадьевич, Протасова Маргарита Яковлевна, Скакунов Эдуард Иванович, Семеусов Валерий Александрович, Трофимов Николай Игнатьевич, Хаснутдинов Анвар Измаилович, Фоменко Галина Алексеевна, Шувалова Валентина Александровна.

В сентябре 1963 г. поступил в Иркутский государственный университет на юридический факультет. Тогда деканом факультета являлся В. Д. Арсеньев. Функционировали четыре кафедры: кафедра теории и истории государства и права, заведующий В. И. Нижечек; кафедра государственного права и советского строительства, заведующий В. А. Пертцик; кафедра гражданского права и процесса, заведующий О. В. Иванов; кафедра уголовного права и процесса, заведующий В. Д. Арсеньев.

После окончания университета, с 1 августа 1967 г. до августа 1975 г. работал преподавателем, старшим преподавателем и доцентом кафедры теории и истории государства и права. В 1967 г. на кафедре работали В. И. Нижечек, П. В. Лобанов, М. Я. Протасова, В. А. Шувалова, Ю. И. Агеев, А. Ф. Брянский, Г. И. Шамарин. В 1968 г. на кафедру приняли В. Б. Коженевского; 1971 г. – Н. А. Пьянова; в 1973 г. – Э. И. Скакунова.

В рассматриваемый период Владимир Ильич все свои силы и время отдавал формированию научных кадров кафедры и обучению

студентов. Считаю, что среди всех моих учителей юридического факультета у Владимира Ильича был самый высокий методический, методологический и научный уровень преподавания.

В. И. Нижечек исследовал в своих научных работах весьма актуальные проблемы юридической науки. Сфера научных интересов В. И. Нижечека: теория и история государства права [2–6]; политология [8]; философия права [9]. Он является автором более 100 научных работ [12].

Наиболее актуальными сегодня являются вопросы его докторской диссертации «Правовое регулирование в системе нормативного регулирования общественных отношений в СССР» [1].

В диссертации рассматривались проблемы соотношения системы права и системы нормативного регулирования общественных отношений, то есть фундаментальные категории правоведения, имеющих общетеоретический, межотраслевой и отраслевой аспекты. Несмотря на продолжительные дискуссии по рассматриваемой проблематике, она не потеряла своей актуальности. На современном этапе развития юридической науки РФ очевидна ситуация неопределенности в подходе к системе российского права. За последние 20 лет расширяется перечень отраслей права и других новых правовых образований: в 2004 г. обсуждался вопрос о 26, в 2012-м – о 60, а в 2017-м – почти о 90 «новых» правовых образований. В этом процессе возникло незримое соревнование между учеными-юристами в том, кто раньше «откроет» новые правовые образования. Но дробление права на «новые» образования не может быть бесконечным и произвольным. Например, вряд ли сегодня являются аргументированными попытки обосновать наличие новых экзотических следующих правовых образований: «акционерное» право, «артистическое» право, «аптечное» право, «биржевое» право, «детское» право, «компьютерное» право, «модное» право, «музейное» право, «фольклорное» право, «футбольное» право, право «шоубизнеса» и т. п. [11, с. 5–7].

В литературе по этому вопросу имеют место парадоксы и модные тренды. Они касаются проблем соотношения отрасли науки и отрасли права. Например, некоторые авторы относят науку теории государства и права к отрасли публичного права. Другие считают, что криминология является наукой, учебной дисциплиной и отраслью права. Есть мнение о том, что существует фармацевтическое уголовное право и экономическое уголовное право. Но все эти точки зрения не имеют ни социальных, ни правовых оснований [11, с. 5–7].

В докторской диссертации В. И. Нижечека при определении системы советского права четко соблюдались объективные и субъективные критерии формирования отраслей права. В диссертации был обоснован подход к системе права и системе нормативного регулирования общественных отношений, основанный на объективном делении общественных отношений на виды. Здесь главными критериями являлись предмет и метод правового регулирования.

Я присутствовал на защите докторской диссертации В. И. Нижечека, которая состоялась в 1975 г. на заседании диссертационного совета Свердловского юридического института под председательством выдающегося ученого-юриста, доктора юридических наук, профессора Сергея Сергеевича Алексеева. Оппонентами выступали ведущие ученые – С. Н. Братусь, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки; А. В. Мицкевич, доктор юридических наук, профессор; Л. Н. Архангельский, доктор философских наук, профессор. Ведущей организацией выступал юридический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. На поставленные оппонентами и ведущей организацией вопросы В. И. Нижечек отвечал очень четко и аргументированно обосновывал свою точку зрения. Оппоненты и председатель совета, а также некоторые члены диссертационного совета и присутствующие профессора кафедры теории государства и права дали высокую оценку проведенному В. И. Нижечек исследованию. Голосование было единогласным «за» присуждение ученой степени доктора юридических наук.

Диссертация В. И. Нижечека являлась междисциплинарным исследованием, включающим проблемы общей теории права, социологии, этики и ряда других наук.

В первой главе «Урегулированность общественных отношений...» обосновывается положение о том, что потребность общества в упорядоченности обусловлена самой природой общества. Цели и средства социального регулирования зависят от господствующих в обществе экономических отношений, от классовой структуры и политического строя.

Во второй главе «Сущность и значение нормативного регулирования» показано, что важным средством обеспечения урегулированности общественной жизни являются общие правила, в которых находит выражение модель, идеальной образ отношений. Нормативное регулирование выражает наиболее целесообразные способы и средства до-

стижения соответствующих целей. Необходимость нормативности основных сфер жизни общества предопределяются, как верно подчеркивал автор, экономическими, политическими, идеологическими и культурными условиями жизни [1, с. 8].

Автор справедливо подчеркивает, что, диалектически воздействуя между собой, взаимно влияя друг на друга и проникая друг в друга, правовое, нравственное регулирование, регулирование нормами общественных организаций, обычаями и пр. выступает в сложных переплетениях и взаимосвязях [1, с. 9].

Нормативная система – явление сложное, многоструктурное и состоит из следующих подсистем: нормативно-правовой подсистемы; нормативно-нравственной подсистемы; нормативно-корпоративной подсистемы и т. д. [1, с. 9]. Каждая из этих подсистем включает в себя некоторые более дробные системы, например система права состоит из отраслей права; подотраслей права; институтов права и норм права.

В главе 4 «Социальные нормы – основа нормативного регулирования общественных отношений» подчеркивается, что норма – основной структурный элемент, характерный для права, политики, морали, религии и т. п. Наибольший удельный вес нормативности имеет право, ибо вне норм, за их пределами право не существует [1, с. 10]

В главе 5 «Сущность правового регулирования и закономерности его развития» рассматриваются проблемы правового регулирования как важнейшего компонента системы правового регулирования [1, с. 23].

Следует согласиться с мнением В. И. Нижечека о том, что «правовое регулирование – есть государственное свойство, без которого оно утратило бы свою качественную определенность, перестало бы быть самим собой» [1, с. 28].

В. И. Нижечек правильно отметил единство нормы права и правоотношения. По этому вопросу имеются две точки зрения: по первой из них, правовое отношение – это результат воздействия нормы права на общественные отношения по следующей схеме: норма права – фактическое отношение-правоотношение. Согласно второй, правоотношение – это не результат, а средство регулирования общественных отношений по схеме: норма права – правоотношение – общественные отношения [10, с. 10].

В отечественной юридической литературе принято считать, что каждая отрасль права имеет свой метод правового регулирования.

Вместе с тем выделяются два исходных метода правового регулирования, один для отраслей публичного права (императивный), другой – частного права (диспозитивный). В отличие от советского права соотношение императивного и диспозитивного методов можно признать усиление диспозитивности при регулировании большинства видов правоотношений [7, с. 8–11]

По теме диссертационного исследования В. И. Нижечека опубликовано автором 4 монографии общим объемом 42 печатных листа.

Глубокое уважение вызывали умение Владимира Ильича найти индивидуальный подход к каждому студенту и преподавателю факультета, широта кругозора и беззаветное служение своему делу.

Безусловно, знания, талант педагога и ученого, богатый жизненный опыт принесли много пользы вузам города Иркутска, а также правовому просвещению населения области.

Особо важным, на мой взгляд, являлась его деятельность как руководителя методологического семинара. С 1964 г. В. И. Нижечек беспрерывно руководил методологическим семинаром юристов при Обкоме КПСС, в составе которого повышали свой идейно-теоретический уровень научные работники-правоведы и руководящие кадры Облпрокуратуры, Облсуда, Отдела юстиции, УВД, Арбитража и пр. Как правило, в соответствии с планом семинары проводились один раз в месяц, на них рассматривались актуальные проблемы организации и деятельности соответствующих ведомств.

Дорогой Владимир Ильич Нижечек относится к той категории людей, которые по праву заслужили репутацию выдающегося юриста, внесшего огромный вклад в отечественные науку и образование.

Я очень благодарен судьбе за встречу и дружбу с Владимиром Ильичом Нижечеким.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нижечек В. И. Правовое регулирование в системе нормативного регулирования общественных отношений в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. И. Нижечек. – Свердловск, 1975. – 38 с.

2. Нижечек В. И. Советское общенародное государство / В. И. Нижечек. – Иркутск : Иркут. обл. отд-ние о-ва по распространению полит. и науч. знаний, 1961. – 43 с.

3. Нижечек В. И. Местные советы – органы всевластия народа / В. И. Нижечек. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1962. – 88 с.

4. Нижечек В. И. Совершенствование социалистической государственности в период строительства коммунизма / В. И. Нижечек. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 91 с.

5. Нижечек В. И. Право и нравственность в социалистическом обществе / В. И. Нижечек. – Иркутск : Изд-во ИГУ им. А. А. Жданова, 1973. – 92 с.

6. Нижечек В. И. Советское право в системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений / В. И. Нижечек. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. – 456 с.

7. Методы правового регулирования : монография / Р. Л. Хачатуров, И. В. Архипов, С. А. Боголюбов [и др.] ; под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. – Москва : Юритинформ, 2018. – 445 с.

8. Нижечек В. И. Очерки политологии / В. И. Нижечек. – Москва : Изд-во РПА МЮ РФ, 2001. – 284 с.

9. Нижечек В. И. Философия права / В. И. Нижечек. – Иркутск : Изд-во РПА МЮ РФ, 2002. – 176 с.

10. Правоотношения в современной правовой реальности : традиционные подходы и новые концепции / Р. Л. Хачатуров, И. В. Архипов, Н. А. Боброва [и др.] ; под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 461 с.

11. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : коллектив. моногр. В 12 т. Т. 1 : Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права / А. А. Демичев, Р. Л. Хачатуров, Т. А. Батрова [и др.]. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 369 с.

12. Хачатуров Р. Л. Энциклопедия юридическая. В 15 т. Т. 9 / Р. Л. Хачатуров. – Екатеринбург, 2018. – 765 с.

Информация об авторе

Хачатуров Рудольф Левонович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, советник при ректорате Тольяттинского государственного университета, jus@tltsu.ru.

Information about the author

Khachaturov, Rudolf L. – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Adviser to the Rectory of Togliatti State University, jus@tltsu.ru.

РЕЦЕПЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА СТРАНАМИ ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В статье автор проводит анализ конституционно-правового развития некоторых стран и территорий Тихоокеанского региона во второй половине XIX – начале XX в. Политическая, экономическая и военная экспансия США в это время приводила, помимо всего прочего, к распространению основных принципов ряда норм американского конституционализма на отдельные территории региона и их заимствованию ими. Впоследствии некоторые из них стали независимыми государствами или были интегрированы и вошли в состав США.

Ключевые слова: конституция, государство, штат, федеральная территория, рецепция, Билль о правах, органический закон, президент, легислатура.

S. V. Chechelev

RECEPTION OF USA CONSTITUTIONALISM IN THE PACIFIC IN THE END OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The authors of the paper made a analyse of constitutional development of some states and territories of Pacific in the XIX and first half of XX c. Political, economic and military expansion of USA led to the fact of reception of some institutes and principles of its constitutional law into the legal system of these countries. Some of them became independent states (as Philippines), some became the part of United States (as Hawaii).

Keywords: constitution, state, federal territory reception, Bill of the right, organic law, president, legislation.

Начало становления американской модели конституционализма относится еще к 1776–1777 гг., когда в ходе войны за независимость бывшие британские колонии в Северной Америке принимали свои первые конституции. В дальнейшем это развитие прошло этапы принятия Статей Конфедерации (1781 г.) и федеративной

(1787 г.) конституций, а также поправок к последней. Не менее важным процессом в развитии конституционализма была разработка и принятие конституций новых штатов (к 1914 г. их количество достигло 48), а также новых, модернизированных конституций взамен ранее действовавших в субъектах (и большого количества поправок к ним).

Рецепция норм и институтов американского конституционного права активно осуществлялась и за границей. Довольно изученным является сюжет создания собственных основных законов молодыми государствами Латинской Америки, получившими независимость в ходе национально-освободительной войны со своими метрополиями (1810–1826 гг.). Идеи американских отцов-основателей, в том числе и закрепленные в нормах федеральной конституции, во многом стали для молодых республик образцом в ходе оформления своих государственно-правовых институтов (принцип разделения властей, президентская форма правления, федерализм, бикамерализм).

Утвердившись в первой половине XIX в. на Тихоокеанском побережье (с 1824 г. в Орегоне и с 1846 г. в Верхней Калифорнии), Соединенные Штаты продолжили свою экономическую, политическую и территориальную экспансию в странах Тихоокеанского региона. Особенно значительной она была в самом конце XIX в. В частности, одним из объектов экспансии были Гавайские острова. Население архипелага к моменту открытия (в 1778 г.) находилось на стадии разложения родовых отношений и образования государства. Контакты с европейцами значительно ускорили этот процесс. В 1795 г. все острова архипелага объединились под единой властью одного вождя (короля). В XIX в. Гавайи становятся местом интенсивной колонизации – туда переселяются выходцы из европейских стран и США. В то же время противоречия между основными государствами и удаленность островов долгое время не позволяли установить там чье-либо колониальное господство.

В 1840 г. по требованию белого меньшинства королем архипелага была принята октроированная конституция (первая в истории островов), и форма правления была изменена на конституционную монархию [2]. Дальнейшее свое развитие конституционное право королевства получило в конституциях 1852, 1864 и 1887 гг. В этот период по мере усиления американской экономической экспансии существенно возрастает зависимость королевства от североамерикан-

ской республики. Именно при их поддержке была принята так называемая конституция штыка 1887 г., так как она была принята в результате фактически вооруженного выступления местной милиции. Данная конституция устанавливала на островах фактически режим, близкий к парламентской монархии. Согласно ей, король утратил право абсолютного вето, возможность назначать членов верхней палаты, вводилась ответственность кабинета министров перед парламентом. Право голоса получили и нерезиденты европейского и американского происхождения, отвечающие требованиям имущественного ценза [11]. Однако королева Лилиукалани вскоре попыталась вернуть монархии часть утраченных прерогатив. Она стояла за проектом новой конституции. Октроированная конституция 1893 г. провозглашала абсолютную монархию и лишала избирательного права большое число жителей, которые получили такое право по Конституции 1887 г.

В ответ на действия монарха сторонники присоединения Гавайев к США 17 января 1893 г. совершили государственный переворот [3]. Было создано так называемое Временное правительство во главе с С. Доулом.

Вступивший в должность 4 марта 1893 г. президент США Г. Кливленд заявил, что не будет подписывать предлагаемый Сенатом Договор о политическом союзе с Гавайями (последний означал фактическое вхождение островов в состав США), о чем ранее было достигнуто соглашение между его предшественником (сторонником аннексии) и гавайскими комиссионерами [1, с. 315]. В этих условиях политическому истеблишменту архипелага пришлось озаботиться о более постоянной форме правления, нежели Временное правительство с его сомнительной легитимностью.

15 марта 1894 г. Временное правительство (в лице его легислатуры, состоящей из Исполнительного и Консультативного Советов) принимает акт «Об обеспечении Конституционного Конвента». Последний собрался 30 мая 1894 г. Для ускорения принятия конституции было решено, что проект разработает своего рода комитет, состоящий из президента, 4 министров и еще нескольких лиц по выбору правительства, всего 16 человек. Десять из них были юристами, четверо из них закончили Йель [14, р. 53]. Процесс разработки основного закона новой тихоокеанской республики завершился принятием проекта конституции 4 июля 1894 г.

Конституционный акт 1894 г. был самым объемным из всех предшествующих в истории Гавайев. Большая часть ее статей делилась на разделы. Также характерной особенностью именно этой конституции является наличие заголовка у каждой статьи. В структуре конституции помимо деления на статьи и разделы существуют своего рода главы: группы статей, объединенные одним общим заголовком, но не имеющим нумерации [16].

Статьи 1–13 составляют своего рода Билль о правах и озаглавлены «Права личности и собственность». В ст. 1 определяются основные естественные права человека, к которым, помимо права на жизнь, свободу и стремление к счастью отнесено вслед за французской Декларацией 1789 г. право на приобретение, распоряжение и защиту собственности. Конституция также закрепляет свободу вероисповедания, свободу слова и печати, собраний и петиций (ст. 2–4) и т. д. Статья 9 запрещала рабство на территории республики.

Второй раздел конституции 1894 г. касался самой республики – официального названия государства (ст. 14), ее границ (ст. 15). В основе организации органов государственной власти лежал принцип разделения властей (ст. 20).

Президент республики должен был быть не моложе 35 лет и не менее 15 лет являться резидентом архипелага и иметь гражданство республики (ст. 22). Сроки президентских полномочий были определены единственным шестилетним сроком, а правом избрания главы государства наделялся орган законодательной власти (разд. 1 ст. 24). Как и в американской конституции, президент получил право отлагательного вето, преодолеваемое 2/3 голосов каждой палаты легислатуры (ст. 67).

Исполнительная власть помимо президента также принадлежала Кабинету, состоящему из министров иностранных дел, внутренних дел, финансов и генерал-атторней (ст. 21).

Конституция Гавайев, в отличие от конституции США, не предусматривала поста вице-президента. В случае смерти, импичмента и других обстоятельств, делающих невозможным исполнение президентом своих обязанностей, его пост в определенном порядке замещали члены его кабинета (соответственно министр иностранных дел, министр внутренних дел, министр финансов, генерал-атторней) (ст. 36). Само название членов президентского кабинета на британский манер министрами, а не секретарями, как в США, объ-

яснялось давней монархической традицией и сложившейся на островах титулатурой должностей. Сами же члены Кабинета, как и в США, назначались президентом с согласия Сената (ст. 26 разд. 1).

Законодательная власть принадлежала двухпалатной Легислатуре (ст. 38), состоящей из Сената и палаты Представителей, избираемой сроком на 2 года (ст. 39). Каждая палата состояла из 15 членов, избираемых по округам (ст. 54). Помимо возрастного ценза (30 и 25 лет соответственно), существовал и высокий имущественный ценз (владеющие недвижимостью на сумму не менее 3 000 долл., либо годовой доход не менее 1 200 долл. для сенатора (ст. 56) и 1 000 долл. или 600 долл. соответственно для члена Палаты Представителей (ст. 58).

К законодательной ветви власти также был отнесен и Государственный Совет, по 5 членов которого избирали каждая палата Легислатуры и еще 5 назначались Президентом с согласия Кабинета (ст. 81). Судебная власть принадлежала Верховному суду (ст. 82).

Само содержание конституции было высоко оценено тогдашней общественностью. Так «Нью-Йорк Таймс» заметила, что многие статьи конституции содержат положения, «которые многие реформаторы в этой стране (т. е. США) считают крайне желательными для нас» [14, р. 55].

Когда в марте 1897 г. новый президент США У. Мак-Кинли (сторонник аннексии Гавайских островов) вступил в должность, руководство Республики Гавайи немедленно начало переговоры о присоединении. Принятие республики в состав США с преобразованием в Территорию Гавайи было осуществлено посредством резолюции Ньюлэндса в 1898 г. [10]. С апреля 1900 г. Гавайи управлялись как самоуправляемая федеральная территория на основании принятого конгрессом США закона [6]. Следующую конституцию уже в качестве штата Гавайи получили в 1959 г., а в 1978 г. ей на смену пришла уже ныне действующая конституция.

Практически одновременно с присоединением Гавайев по итогам Испано-Американской войны 1898 г. США устанавливают своей колониальное господство над Филиппинами. Органический закон Филиппин 1902 г. стал первым конституционным актом, определившим правовой статус архипелага в качестве неинкорпорированной федеральной территории [7]. Согласно ему, система органов власти территории предполагала существование трех ветвей – исполнитель-

ной в лице назначаемого президентом губернатора, федеральных судов и бикамеральной легислатуры. Кроме того, частью акта был билль о правах, предусматривающий равенство всех филиппинцев, их исключительное право собственности на природные ресурсы архипелага, свободу совести и отмену привилегий и особого статуса католической церкви [15. р. 165]. Автором этого закона был американский юрист и конгрессмен от штата Висконсин Г. Купер [13].

В 1916 г. этот закон был заменен на «Акт об автономии Филиппин» (закон Джонса). Согласно ему, автономия архипелага была несколько расширена. Так, в частности, теперь обе палаты избирались населением, а не только нижняя, как это было раньше. Закон Джонса официально обещал независимость Филиппинам при условии создания «стабильного правительства» [8].

В 1934 г. американский Конгресс принял Закон Тайдингса – Макдаффи («Акт о независимости»). В соответствии с ним США обещали ликвидировать свой суверенитет над Филиппинами через десять лет и гарантировали полную независимость страны в будущем. Одновременно предусматривалась разработка постоянной конституции страны. Закон закреплял переходный период, в течение которого страна сохраняла статус автономии [4, с. 278–279].

В 1935 г. разработанный Учредительным собранием и одобренный президентом США текст новой конституции, состоявший из 18 статей, был принят на всенародном референдуме. Конституция была построена с учетом фундаментальных основ американского конституционного права и явилась прообразом всех последующих конституций страны. Ее базисными принципами были: суверенитет народа; сильная исполнительная власть в лице президента, избираемого сроком на шесть лет (с 1940 г. – на четыре без права переизбрания); разделение властей с введением системы сдержек и противовесов; независимая судебная система (во главе с Верховным Судом); национализация природных ресурсов и их общественное использование; государственная служба, построенная на высоких моральных принципах; обеспечение личного и общественного благосостояния [12]. Конституция 1935 г. продолжала быть действующим законом и после получения Филиппинами независимости в 1946 г. – вплоть до 1972 г. [4, с. 280].

Другие американские владения в Тихоокеанском регионе – Американское Самоа и Гуам, по разным правовым основаниям об-

ретенные Соединенными Штатами в 1898–1899 гг., получили ограниченное самоуправление несколько позже, соответственно, в 1929 и 1950 гг. в качестве неорганизованных неинкорпорированных территорий [9].

Как отмечают исследователи, существенным оказалось влияние конституционного права США и на правовую систему Австралийского союза [5]. Конституция Австралии 1900 г., вполне оставаясь в рамках Вестминстерской системы, довольно много восприняла из конституции США: федерализм (штаты как субъекты, федеральные территории), бикамерализм (Сенат и Палата Представителей), судебная организация (Верховный суд) и т. д.

Таким образом, влияние американского конституционного права на тихоокеанские территории проявлялось либо напрямую, когда та или иная территория по тем или иным причинам оказывалась под суверенитетом Соединенных Штатов, или опосредованно (как Австралия). В рассматриваемое нами время эти территории делали еще первые шаги в своем конституционно-правовом развитии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Американские президенты / ред. Ю. Хайдекинг. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. – 640 с.

2. Гавайская история. – URL: <http://www.to-hawaii.com/ru/istoriya.php> (дата обращения 21.09.2021).

3. Куропятник Г. Б. Захват США Гавайских островов / Г. Б. Куропятник. – Москва : Изд. соц.-экон. лит-ры, 1958. – 244 с.

4. Панков А. Н. Конституционно-правовое развитие Республики Филиппины / А. Н. Панков // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 4 (31). – С. 275–281.

5. Скоробогатых Н. С. Вехи конституционной истории Австралии (1788–2000 гг.) / Н. С. Скоробогатых. – Москва : ИВ РАН, 2006. – 240 с.

6. AN ACT to provide a government for the Territory of Hawaii. April 30, 1900). – URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/31/STATUTE-31-Pg141a.pdf> (дата обращения 21.09.2021).

7. AN ACT temporarily to provide for the administration of the affairs of civil government in the Philippine Islands, and for other purposes. July 1, 1902 PDF. – URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/32/STATUTE-32-Pg691.pdf> (дата обращения 21.09.2021).

8. AN ACT To declare the purpose of the people of the United States as to the future political status of the people of the Philippine Islands, and to provide a more autonomous government for those islands. August 29, 1916 545 PDF. – URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/39/STATUTE-39-Pg545.pdf> (дата обращения 21.09.2021).

9. AN ACT To provide a civil government for Guam, and for other purposes. – URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/64/STATUTE-64-Pg384.pdf>; Leibowitz A. H. *Defining Status: A Comprehensive Analysis of United States Territorial Relations* Kkuwer Academic Publisher 1989 754 p. (дата обращения 21.09.2021).

10. Annexation of the Hawaiian Islands. – URL: <http://www.barbery.com/43/44.html> (дата обращения 21.09.2021).

11. Constitution of Hawaii 1887. – URL: <http://www.pixi.com/kingdom/1887.html> (дата обращения 21.09.2021).

12. Constitution of the Philippines 1935. – URL: <https://www.officialgazette.gov.ph/constitutions/the-1935-constitution> (дата обращения 21.09.2021).

13. Cooper H. A. – URL: <https://bioguide.congress.gov/search/bio/C000752> (дата обращения 21.09.2021).

14. Judd A. F. *The Constitution of the Republic of Hawaii* / A. F. Judd // *The Yale Law Journal*. Vol. 4, no. 2 (Dec., 1894), pp. 53–60. – URL: <http://www.jstor.org/stable/783722> (дата обращения 21.09.2021).

15. Kramer P. A. *The Blood of Government: Race, Empire, the United States, & the Philippines* / P. A. Kramer – The University of North Carolina Press, 2006. – 552 p.

16. Republic of Hawaii Constitution adopted July 4, 1894. – URL: <http://www.angelfire.com/planet/big60/RepubHawConst1894.html> (дата обращения 21.09.2021).

Информация об авторе

Чечелев Станислав Викторович – доцент кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент, omchechelev@rambler.ru.

Information about the author

Chechelev, Stanislav V. – Ass. Professor, Chair of Theory and History State and Law, Omsk State University, Ph. D. in Law, Ass. Professor, omchechelev@rambler.ru.

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ФУТОРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА

В статье рассматривается современное состояние практики выявления лжи с помощью полиграфа, которое, по мнению авторов, далеко от идеального и вызывает к себе противоречивое отношение. При обращении к практическим проблемам, научной обоснованности и надежности метода СПФИ авторами выделяются четыре основных элемента: программно-технический комплекс, опрашиваемое лицо, методика проведения исследования и специалист. Последний из перечисленных элементов является самым уязвимым и противоречивым, но в перспективе эти противоречия могут быть в значительной степени сглажены или даже устранены развитием технологий. Одним из возможных способов устранения зависимости надежности СПФИ и минимизации возможного негативного влияния субъективных качеств специалиста может стать привлечение Искусственного интеллекта (нейросетей), способного обрабатывать значительно больший объем информации и не подверженному когнитивным искажениям.

Ключевые слова: выявление лжи, полиграф, допустимость доказательств, достоверность доказательств.

A. A. Shaevich, S. V. Unzhakova, I. A. Spiridonov

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE AND FUTUROLOGICAL FORECAST OF USE POLYGRAPH

The article examines the current state of the practice of lie detection using a polygraph, which, according to the authors, is far from ideal and causes a contradictory attitude. When addressing practical problems, the scientific validity and reliability of the SPFI method, the authors identify four main elements: the software and hardware complex, the person being interviewed, the research methodology and the specialist. The last of the listed elements is the most vulnerable and controversial, but in the future these contradictions can be largely smoothed out or even eliminated by the development of technology. One of the possible ways to eliminate the dependence

of the reliability of SPFI and minimize the possible negative impact of subjective qualities of a specialist may be the involvement of Artificial Intelligence (neural networks) capable of processing a much larger amount of information and not subject to cognitive distortions.

Keywords: lie detection, polygraph, admissibility of evidence, reliability of evidence.

Тема лжи как социально-психологического феномена занимает одно из ведущих мест в человеческой культуре. Редкое литературное произведение, включая мифы и сказки разных народов, религиозные сюжеты, художественные произведения, философские трактаты, обходится без упоминания дихотомии правды-неправды. Однако если авторы этих произведений основное внимание уделяли морально-нравственным и этическим аспектам искажения истины, то на практике, еще со времен первобытно-общинного строя перед людьми стоял вопрос, как отличить одно от другого и каким способом можно выявить лжеца.

Еще в древности люди обратили внимание на то, что страх разоблачения и последующего наказания вызывает определенные физиологические изменения (сухость во рту, усиление потоотделения, учащенное сердцебиение, неровное дыхание и др.). Различные приемы выявления лжи, основанные на этих физиологических проявлениях, с помощью риса, животных и т. п. уже неоднократно описывались в соответствующей литературе [1; 3; 4; 6; 9 и др.]. Сегодня можно говорить о появлении самостоятельного направления (жанра) научно-популярной литературы, посвященной описанию различных способов определения того, лжет ваш собеседник или говорит правду.

Что касается научных исследований в области выявления скрываемой информации и распознавания лжи, можно утверждать, что они начались с идеи Чезаре Ламброзо о возможности выявления лжи по физиологическим показателям. Современные детекторы лжи (полиграфы) измеряют уже не один, а целый комплекс физиологических параметров, и представляется очевидным, что эти измерения являются более точными, чем проверка того, как быстро сухой рис станет влажным во рту у проверяемого человека, и другие подобные «технические средства» и приемы, которые использовались раньше.

Тем не менее современное состояние практики выявления лжи с помощью полиграфа также далеко от идеального и вызывает к себе противоречивое отношение. В профессиональной среде встречаются

как ярые сторонники, так и противники применения подобных технологий в уголовном судопроизводстве. Примечательно, что и судебная практика в этом отношении противоречива. Несмотря на Определение Верховного Суда РФ, указывающего на то, что психофизиологическое исследование (проверка на полиграфе) уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено, не является доказательством и не может представляться в качестве такового коллегии присяжных заседателей¹, все-таки встречаются приговоры судов первой инстанции, которые принимают в качестве допустимых и достоверных доказательств, которые содержат сведения об использовании полиграфа [5].

Аналогичная ситуация отмечается и в некоторых других странах. Например, в Китае продолжается его использование на практике, несмотря на отрицание Верховной народной прокуратурой «доказательственного статуса технологии полиграфа». В США применение полиграфа находится на достаточно высоком уровне, во многом благодаря Американской ассоциации полиграфологов, учрежденной в 1966 г. Но при этом сфера применения заключений на полиграфе также ограничена правовыми прецедентами, кроме того, практика и отношение судов в различных штатах неодинаковы, а применение заключений на полиграфе в военных судах исключено.

В Японии заключение полиграфолога может быть принято в качестве доказательства при соблюдении ряда строгих требований. В судебной практике Тайваня заключения на полиграфе также широко используются, в то время как в Германии запрещены любые формы проверок обвиняемых на полиграфе [8].

Возвращаясь к практическим проблемам, научной обоснованности и надежности метода СПФИ, можно выделить четыре основных элемента: программно-технический комплекс, опрашиваемое лицо, методика проведения исследования и специалист. По нашему мнению, первый элемент – само устройство, можно считать надежным и не вызывающим особых претензий (в зависимости от модели и состояния). Что касается второго элемента, то физиологические реакции на стимул сложно «выключить» или скрыть от прибора. Однако современные лжецы имеют возможность тщательно изучить вопрос, чтобы подготовиться к проверке и даже пройти специальные курсы противодействия полиграфу, что уже может сказаться на точности проверки. Кроме

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 29 ноября 2014 г. по делу № 2-168/13. URL: <https://www.sudact.ru/vsrf/doc/fjrnzU6sNal1> (дата обращения 10.09.2021).

того, не говоря уже о необходимости добровольного согласия, различные ограничения (возраст, беременность, психические расстройства, астма и др.) существенно снижают процент людей, которые могут подвергнуты такому испытанию.

Третий элемент в нашем перечне – методика, представляет собой также, достаточно серьезную проблему, поскольку в отечественной теории и практике применения СПФИ продолжается, можно сказать, противостояние нескольких школ, предлагающих различные методики исследования.

Последнее в этом списке – специалист, рассмотрение которого мы отложили на финал, самый сложный и противоречивый, но в перспективе эти противоречия могут быть в значительной степени сглажены или даже устранены развитием технологий. По ряду справедливых замечаний, специалист (эксперт-полиграфолог) является «слабым звеном», поскольку может:

- быть заинтересован;
- иметь низкий уровень подготовки (зависит как от школы, так и от личности самого специалиста, его мотивированности к обучению), сочетающийся с небольшим опытом;
- «стать жертвой» эффекта ореола, вызванного, например, убежденностью третьих лиц в виновности опрашиваемого;
- иметь симпатию или антипатию к опрашиваемому, возникшую в ходе опроса;
- устать или заболеть;
- торопиться и т. п.

Конечно, в идеале ничего из перечисленного не должно быть при проведении исследования, но очевидно, что в реальности все это встречается не так уж и редко.

Одним из возможных способов устранения зависимости надежности СПФИ путем минимизации возможного негативного влияния субъективных качеств специалиста может оказаться привлечение Искусственного интеллекта или, точнее сказать, нейросетей, которые способны обрабатывать значительно больший объем информации, а главное, не подвержены когнитивным искажениям и не могут иметь осознанную или неосознанную заинтересованность в результатах исследования.

Первые исследования в этом направлении появились уже достаточно давно и продемонстрировали определенные успехи в этом направлении, например труды З. И. Сичинавы [7; 8] и других авторов

[2 и др.]. Работа в этом направлении (накопление базы данных для обучения нейросетей и, собственно, разработка и совершенствование различных типов нейросетей для решения обозначенных задач) ведется и в других странах (Китай, США, Израиль). И вполне возможно, что в не столь отдаленном будущем практика и законодатель столкнутся с вопросом, как относиться к такому усовершенствованному виду СПФИ, поскольку, весьма вероятно, что он сможет демонстрировать высокую точность определения лжи, особенно при анализе физиологических показаний будет способен оценивать целый комплекс каналов информации, включая мимику, паравербальные признаки, когнитивную составляющую речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варламов В. А. Детектор лжи / В. А. Варламов. – Краснодар : Советская Кубань, 1998. – 368 с.
2. Ворончихин Д. А. Обработка сигналов детектора лжи с использованием нейросетевых технологий / Д. А. Ворончихин // Информационные технологии в науке, промышленности и образовании : сб. тр. Всерос. науч.-техн. конф. – Ижевск, 2020. – С. 156–159.
3. Князев В. Полиграф и его практическое применение / В. Князев, Г. Варламов. – Москва : Принт-Центр, 2012. – 859 с.
4. Кочетков М. В. Возможности современных полиграфных устройств / М. В. Кочетков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2009. – № 2 (4). – С. 161–172.
5. Попова И. П. Использование результатов применения полиграфа в уголовном судопроизводстве / И. П. Попова // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 15–16 марта 2019 г. – Иркутск : ВСИ МВД РФ, 2019. – С. 286–291.
6. Романенко Ю. В. Психофизиологический метод выявления скрываемой информации с использованием полиграфа в целях кадрового отбора: вопросы истории, теории и практики / Ю. В. Романенко // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. – № 1 (32). – С. 73–77.
7. Сичинава З. И. Нейросетевые алгоритмы анализа поведения респондентов : дис. ... канд. техн. наук / З. И. Сичинава. – Пермь, 2014. – 115 с.

8. Сичинава З. И. К вопросу о создании алгоритма принятия решений полиграфным аппаратом, предназначенным для борьбы с коррупцией / З. И. Сичинава // Вестник Пермского университета. Сер.: Математика. Механика. Информатика. – 2011. – № 1 (5). – С. 108–110.

9. Турсумбаев Ж. Н. История развития применения полиграфических исследований / Ж. Н. Турсумбаев // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 3-3 (71). – С. 142–145.

10. Ying Chen. Research on the Evidence Ability of Lie Detection Opinion / Ying Chen // Open Journal of Legal Science 法学. – 2020. – № 8 (3). – P. 402–411.

Информация об авторах

Шаевич Антон Александрович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России; доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета, saant@list.ru.

Унжакова Светлана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России; доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета, unzhakova_sveta@mail.ru.

Спирidonov Игорь Александрович – эксперт-профайлер, специалист-полиграфолог, spiridonov38rus@gmail.com.

Information about the authors

Shaevich, Anton A. – Candidate of Law, Ass. Professor, Professor of the Department of Criminology, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Ass. Professor of the Department of Jurisprudence of Irkutsk National Research Technical University, saant@list.ru.

Unzhakova, Svetlana V. – Candidate of Law, Ass. Professor, Ass. Professor of the Department of Criminology, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Ass. Professor of the Department of Jurisprudence of Irkutsk National Research Technical University, unzhakova_sveta@mail.ru.

Spiridonov, Igor A. – expert profiler, specialist polygraph examiner, spiridonov38rus@gmail.com.